

(1) 1
2015

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
<i>С. В. Стариков</i> Актуальные проблемы изучения истории Великой Отечественной войны.....	5
<i>И. И. Бойко, В. Г. Харитонова</i> Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о межэтнических отношениях	11
<i>А. Р. Галушка-Адайкин</i> Основные векторы развития Республики Индонезия в эпоху ранней Постреформации	14
<i>Г. Ф. Горбашова</i> Р. Пиль – образец новой политической элиты Британии первой половины XIX века	18
<i>В. С. Григорьев</i> Общественная солидарность крестьян Марий Эл в условиях восстановления и развития сельского хозяйства в 20-е годы XX века	26
<i>М. А. Зыков</i> Разграничение территорий Чувашии и Татарстана в 20-е годы XX века.....	29
<i>А. А. Иванов</i> Историко-документальное наследие Марийского областного общества краеведения (1926–1937): состав и информативные возможности.....	32
<i>Ю. С. Обидина</i> Представления о загробном мире в контексте коллективной памяти древних греков: опыт Одиссея как человека «границы»	38
<i>А. Г. Ошаев</i> Марийский край в начале XX века в дневниковых записях Юлии Вихманн	42
<i>В. И. Рыбалка</i> Развитие здравоохранения в сельской местности Марийской АССР в 1966–1985 годах	46
<i>Т. С. Сергеев</i> Обсуждение педагогических проблем в российской печати середины XIX века	49
<i>Г. Р. Столярова</i> Этнологические исследования в Марийском государственном университете.....	55
<i>А. А. Филонов</i> К вопросу о лесопромышленной деятельности населения города Козьмодемьянска во второй половине XIX – начале XX веков	59

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	63
<i>Е. П. Бурдо</i>	
Совершенствование системы органов опеки и попечительства по обеспечению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних детей.....	63
<i>И. Г. Гаранина</i>	
Правовое просвещение как одно из направлений имплементации репродуктивных прав человека.....	67
<i>В. А. Иванов, И. А. Бояринцева</i>	
Марийская милиция в борьбе с пьянством и алкоголизмом (середина 1960-х – середина 1980-х годов).....	74
<i>З. К. Кондратенко</i>	
Приобретение права собственности на самовольно возведенный объект незавершенного строительства	78
<i>М. Л. Лебедева, И. А. Лукашев</i>	
Институт наследования Германии и России: компаративный анализ.....	82
<i>Е. В. Пластинина</i>	
К вопросу о создании единого Верховного суда в Российской Федерации	90
<i>О. А. Сидоров, О. Л. Шабалина</i>	
Право на образование как объект научного исследования.....	93
<i>М. А. Смирнов</i>	
Условия соблюдения прав и свобод человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий в форме контролируемого приобретения товаров или услуг	96
<i>Т. С. Смирнова</i>	
Особенности организации антикоррупционной деятельности в органах местного самоуправления зарубежных государств (на примере Швеции).....	100
<i>В. Г. Сушенцова</i>	
Эволюция конституционного законодательства Республики Марий Эл.....	104
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	107

(1) 1
2015

VESTNIK

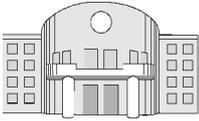
OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Chapter "HISTORY. LAW"

CONTENTS

HISTORY	5
<i>S. V. Starikov</i> Actual problems of studying the history of the Great Patriotic War	5
<i>I. I. Boyko, V. G. Kharitonova</i> Student and studying youth of Chuvashia on inter-ethnic relations	11
<i>A. R. Galushka-Adaykin</i> The main vectors of the development of the Republic of Indonesia during the period of early Postreformasi	14
<i>G. F. Gorbashova</i> R. Peel – specimen of the new political elite of Britain the first half of the XIXth century	18
<i>V. S. Grigor'ev</i> Social solidarity of Mari El peasants in the conditions of agriculture reconstruction and development in the 20s of the XXth century	26
<i>M. A. Zykov</i> Demarcation of the territories of Chuvashia and Tatarstan in the 20s of the XXth century	29
<i>A. A. Ivanov</i> Historical and documentary heritage of Mari regional local history society (1926–1937): composition and informative opportunities	32
<i>YU. S. Obidina</i> Representations about the afterlife in the context of the collective memory of the ancient Greeks: the experience of Odysseus as a man "border"	38
<i>A. G. Oshaev</i> Mari Land in the early XX century diaries Julia Wichmann	42
<i>V. I. Rybalka</i> The development of public health services in the rural areas of Mari ASSR during 1966–1985 years	46
<i>T. S. Sergeev</i> Discussion of pedagogical problems in the Russian press during the mid of the XIXth century	49
<i>G. R. Stolyarova</i> Ethnological research in the Mari State University	55
<i>A. A. Filonov</i> The timber activities of the population of the city Kozmodemjansk in the second half of XIX – early XX centuries	59

LAW	63
<i>E. P. Burdo</i>	
Perfection of guardianship bodies system to promote and protect the rights and legitimate interests of minor children.....	63
<i>I. G. Garanina</i>	
Legal education as one of the areas of implementation of reproductive rights	67
<i>V. A. Ivanov, I. A. Boyarintseva</i>	
Mari police in the fight against drunkenness and alcoholism (the mid 1960s – mid 1980s).....	74
<i>Z. K. Kondratenko</i>	
Obtaining the title on the illegally unfinished construction.....	78
<i>M. L. Lebedeva, I. A. Lukashev</i>	
Institut of inheritance law of Germany and Russia: comparative analysis	82
<i>E. V. Plastinina</i>	
About the creation of the single Supreme Court in Russia.....	90
<i>O. A. Sidorov, O. L. SHabalina</i>	
Right to education as an object of scientific research.....	93
<i>M. A. Smirnov</i>	
Conditions of the rights and freedoms when conducting operational-search activities in the form of a controlled purchase of goods or services	96
<i>T. S. Smirnova</i>	
Especially organizations of anti-corruption activities in local governments of foreign countries (on the Swedish)	100
<i>V. G. Sushentcova</i>	
The evolution of the constitutional law of the Republic of Mari El	104
OUR AUTHORS	107

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

УДК 947.084.8

С. В. Стариков

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье речь идет об актуальности и современных проблемах изучения истории Великой Отечественной войны в российской историографии, обращается внимание на слабоизученные, дискуссионные вопросы, источниковедческие аспекты и вопросы фальсификации истории войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, проблемы изучения, историография, источники, фронт, тыл, военные действия, коллаборационизм, человек на войне.

Новейшая российская историография Великой Отечественной войны охватывает примерно последние пятнадцать лет. За это время историки России приложили немало усилий, чтобы восстановить подлинную историю Великой Отечественной войны, наиболее адекватно представить ее нашему современнику на основе принципов историзма и объективности. Речь идет не о том, чтобы переписать историю войны, как у нас подчас было в прошлом, а бережно, на основе обширного массива документов рассказать обо всех ее страницах, где воедино соединилось и героическое, и трагическое. Их нельзя разделять и противопоставлять. Главная цель видится в том, чтобы во всей полноте представить величие всемирно-исторического подвига нашего народа и государства над фашизмом. А это требует, с одной стороны, преодоления стереотипов, отлакированной истории войны советского времени, с другой стороны, активного отпора фальсификациям как внешним, так и особенно внутренним. В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. в публицистике и даже исторической литературе появились суждения и заявления, подаваемые под видом сенсационных, которые не только не способствовали утверждению исторической правды о войне, но, напротив, вводили в заблуждение общественное мнение, искажали факты, а их сторонники не утруждали себя кропотливой работой с архивными и опубликованными документами. Так возникали новые мифы о Сталине, якобы вопреки

которому была выиграна война, о генерале А. А. Власове как «подлинном» защитнике России и «главном борце» с режимом Сталина и многие другие.

Анализ современной историографии Великой Отечественной войны был дан в ряде книг и статей¹. В конце 1990-х гг. опубликованы обобщающие очерки по истории Великой Отечественной войны, а в 2011 г. увидел свет первый том фундаментального 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», подготовленный коллективом историков². Сегодня ученые широким фронтом изучают события 1941–1945 гг., занимаются публикацией документов, воспоминаний, свидетельств участников событий. Наиболее актуальными проблемами исследований в настоящее время являются следующие.

Продолжается кропотливая работа с источниками. Ведется выявление, исследование и публикация

¹ *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995; *История и историки: историография Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.* М., 1999; *Золотарев В. А.* Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 3–11; *Куманев Г. А.* Подвиг и подлог: Страницы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 2007; *Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: Современные подходы / отв. ред. А. Н. Сахаров.* М., 2005; *Куманев Г. А.* Проблемы военной истории Отечества. 1938–1945. М., 2007 и др.

² *Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1–4.* М., 1998–1999; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов в 12-ти т. / под ред. В. А. Золотарева.* М., 2011.

документального наследия Великой Победы. Наиболее капитальной публикацией документов стала серия «Русский архив: Великая Отечественная»¹, фундаментальные сборники документов из серии «Архив», посвященные крупнейшим битвам на советско-германском фронте², подборки документов Государственного комитета обороны, издавшего в годы войны более 10 тысяч документов³. Перед историками неизбежно встает проблема достоверности источника. Особенно это касается воспоминаний участников событий.

С 1958 г. в СССР выходила серия «Военные мемуары», где были опубликованы воспоминания маршалов Советского Союза, командующих армиями и других участников сражений. Иногда они печатались с цензурными купюрами, изымались некоторые факты, события, оценки, которые не вписывались в официально принятую концепцию войны. Так, из воспоминаний маршала К. К. Рокоссовского⁴ были изъяты его данные о положении в Киевском особом военном округе в мае-июне 1941 г., когда германские самолеты-разведчики нарушали советское воздушное пространство, фотографировали важные объекты, аэродромы. Советские летчики вынуждали немцев сделать посадку, но следовали указания немедленно отпускать экипажи, ничего не изымая у них. Лишь в 1989 г. «Военно-исторический журнал» предпринял публикацию страниц мемуаров маршала, не вошедших в первые советские издания. Они публиковались по рукописи К. К. Рокоссовского, которую сохранили его внуки⁵.

Цензурным рогаткам и фальсификациям подверглись «Воспоминания и размышления» Г. К. Жукова. В свое время Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев попытался увековечить свое имя в труде известного маршала. Фраза о том, что маршал Жуков, находясь в расположении 18-й армии в районе Новороссийска, «поехал посоветоваться» с начальником политотдела этой армии Брежневым, была включена по требованию генсека, и она прошла через все шесть первых изданий, только в седьмом издании была исключена⁶.

Некоторые участники событий, по-видимому, руководствуясь политической конъюнктурой, фактически

искажили некоторые события. Так, член Политбюро ЦК А. И. Микоян, поддержавший Н. С. Хрущева, в своих воспоминаниях писал, что И. В. Сталин в первые дни войны впал в апатию, потерял всякий интерес к событиям и вообще не появлялся в Кремле. Только в начале июля 1941 г. «пришел в полную форму» [7, с. 27]. Однако историки доказали обратное. Найдены и опубликованы в хронологическом порядке с комментариями и объяснениями все списки посетителей приемной Сталина (журнал «Исторический архив», 1994–1997 гг.).

В книге посещений точно зафиксировано, с кем и сколько встречался Сталин с самого начала войны. С первых часов боевых действий Сталин активно руководил государством. В период с 22 по 28 июня 1941 г. Сталин принимал от 20 до 30 человек в день из числа высших должностных лиц, в том числе военных, партийных работников, наркомов, ученых, конструкторов, испытателей танков и самолетов, деятелей культуры, дипломатов [8, с. 353–357].

По-прежнему продолжается дискуссия о трагическом начале войны, причинах поражений Красной армии в первый период войны. Сегодня многие исследователи сходятся во мнении, что война, о которой знали и говорили на всех уровнях, оказалась во многом неожиданной в той конкретной ситуации лета 1941 г., когда отоброшенная военная машина Германии обрушилась на СССР всей своей мощью. Советское руководство всеми силами стремилось выиграть время, отвести войну от советских рубежей, проводить взвешенную политику, не давая никакого повода Германии обвинить СССР в нарушении договоров. Такая линия вытекала из стремления во что бы то ни стало завершить программу модернизации армии, ее перевооружения до весны 1942 г. Отсюда следовало решительное «нет» Сталина о передвижениях войск на границе, о мобилизации и приведении армии в боевую готовность, отказ от разработанного плана стратегического развертывания вооруженных сил СССР (план превентивного удара по Германии), реализация которого была сопряжена с неоправданным риском, на который Сталин не мог пойти. Поэтому война застала армию в стадии реорганизации, а при сложившемся соотношении сил на направлениях главных ударов Вермахта Красная армия терпела неудачи. Целые армейские соединения попадали в окружение («котлы 1941 г.»), образовывались бреши на фронте, которые подчас нечем было закрыть.

Историки продолжают заниматься уточнением потерь Советского Союза в войне (людских, материальных) и трагедией плена. В феврале 1946 г. Сталин назвал цифру потерь – 7 млн человек, в 1960-е гг. Хрущев – 20 млн чел. На рубеже 1980–1990-х гг. военные историки провели огромную работу по подсчету людских потерь в годы Великой Отечественной

¹ Русский архив: Великая Отечественная / под общ. ред. В. А. Золотарева. Т. 12–24. М., 1993–2000.

² Битва под Москвой: Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2002; Курская битва: Хроника, факты, люди: в 2 кн. М., 2003; *Ломалин Н. А.* Неизвестная блокада: в 2 кн. СПб., М., 2002.

³ Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет. 1941–1945: Цифры, документы. М., 2002.

⁴ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. Изд-е 5-е. М., 1988.

⁵ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 52–57; № 5. С. 59–62; № 6. С. 51–55.

⁶ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 2 т. Изд-е 13-е. М., 2002; Редактор книги Г. К. Жукова – Анна Миркина вспоминает // Огонек. 1988. № 16–19.

войны. Подсчеты продолжаются. Результаты были опубликованы в специальных сборниках¹. Сегодня общие людские потери оцениваются в 26,6 млн человек, в том числе 8,6 млн чел. – воинские потери и 18 млн – потери среди мирного населения [9, с. 227–240]. По советским военнопленным сохранились данные управления Вермахта по делам военнопленных: общее число взятых в плен с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1944 г. составило 5 млн 213 тыс. 57 человек. Общее число истребленных советских военнопленных к 1 мая 1944 г. достигло 3 млн 291 тыс. 157 человек, из них: умерло в лагерях 1 млн 981 тыс. человек; расстреляно и убито при попытке к бегству – 1 млн 30 тыс. 157 человек; погибло «в пути» – 280 тыс. человек [3]. Около 1 млн наших воинов погибли, освобождая народы Европы и Азии от оккупантов. 3 млн рядовых коммунистов отдали свои жизни за Родину. В результате фашистского нашествия около 30 % национального богатства потеряла наша страна [4, с. 18, 27].

Историки заняты скрупулезным исследованием военных действий на советско-германском фронте, особенно в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). Летом 1941 г. в окружении сражались целые фронты, соединения, армии советских войск. Многие из этих «котлов» только сегодня стали предметом изучения [6]. Исследователи обратились к трагедии западного фронта, окружении советских армий в районе Вязьмы в начале октября 1941 г., «белым пятнам» Ленинградской битвы и блокады города². Внимание уделяется неудачным наступательным операциям Красной армии весной 1942 г.: Крымской оборонительной операции (8–19 мая 1942 г.), Харьковскому сражению (12–29 мая 1942 г.), которые создали перевес сил на юго-западном стратегическом направлении и благоприятные условия для наступления германских войск летом 1942 г., а также катастрофе на Волховском фронте (Любанская операция) зимой – летом 1942 г., где в окружении оказалась 2-я ударная армия³. Историки продолжают открывать страницы

забытых «незнаменитых» битв Великой Отечественной войны, которые советская историография замалчивала. Речь идет о крупнейшем сражении на центральном участке советско-германского фронта в январе 1942 – марте 1943 гг. – Ржевской битве. В течение четырех наступательных операций советское командование пыталось ликвидировать Ржевско-Вяземский плацдарм Вермахта, нависавший над Москвой в течение 15 месяцев. Самой тяжелой попыткой стала Ржевско-Сычевская наступательная операция «Марс», разработанная под руководством маршала Г. К. Жукова и проводившаяся параллельно контрнаступлению под Сталинградом (25 ноября – 20 декабря 1942 г.). Она была неудачной и очень кровопролитной из-за распыленности сил (в отличие от Сталинграда), слабом взаимодействии фронтов и армий, осведомленности противника. Ежесуточные потери советских войск составили 8295 человек. Это наибольшие суточные потери в операциях Красной армии 2-го и 3-го периодов войны. По данным С. А. Герасимовой, общее число потерь за четыре наступательные операции на Ржевско-Вяземском плацдарме со стороны советских войск составило 1 млн 600 тыс. человек. Немецкие потери составили от 350 до 400 тыс. человек⁴. Даже, казалось бы, известные в деталях битвы на советско-германском фронте, например, Сталинградская, требуют некоторых уточнений, новых акцентов, ибо некоторые эпизоды этих сражений до недавнего времени оставались в тени. Судьба немецкой группировки, окруженной под Сталинградом, во многом зависела от исхода немецкой операции «Зимняя гроза» по деблокаде 6-й армии генерала Ф. Паулюса, а вернее от исхода ожесточенных сражений в районе хутора Верхне-Кумского 12–19 декабря 1942 г., где советские солдаты стояли насмерть. Работа по уточнению фактов, более исторически верному расставлению акцентов, несомненно, будет продолжаться.

Все большее значение приобретает тема о роли И. В. Сталина в годы войны. Она сегодня вызывает интерес у многих, звучит в средствах массовой информации, активно дебатруется на разных уровнях. Высказываются самые противоположные мнения, подчас весьма далекие от исторической правды. Наука еще в полной мере не оценила огромный вклад Сталина в дело победы. В 1950-е гг. Н. С. Хрущевым и его сторонниками роль Сталина в годы войны была сильно искажена в угоду политической конъюнктуре. Сам Хрущев взмолился на олимп власти в первую очередь благодаря «развенчанию культа личности Сталина». В конце 1980-х – начале 1990-х гг. некоторые

¹ Гриф секретности снят. М., 1993; Россия и СССР в войнах XX в. Потери вооруженных сил. М., 2001; Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009.

² Анфилов В. А. Грозное лето 41 года. М., 1995; Ржевский А. А. Павлов. Тайна расстрелянного генерала. М., 2005; Лотуховский Л. Вяземская катастрофа 41-го года. М., 2006; Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года // Ю. Мухин и др. М., 2007; Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. СПб.; М., 2002; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Г. Л. Волковского. М.; СПб., 2004 и др.

³ Вот где правда, Никита Сергеевич! (Из архивов МО СССР). Документы о Харьковской операции 1942 года // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 12–21; 1990. № 1. С. 9–18; Трагедия Мясного Бора: сб. воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции / сост. И. А. Иванова. СПб., 2001; «Долина смерти»: Трагедия 2-й ударной армии: сб. / авт.-сост. И. Иванова. М., 2009.

⁴ Герасимова С. А. Битва за Ржевско-Вяземский плацдарм // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 28–46; Абатуров В., Морозов М. Неизвестные трагедии Великой Отечественной: Сражения без побед. М., 2008.

«историки» даже «договорились» до того, что война была выиграна вопреки Сталину, что он мешал достижению победы. Более абсурдные утверждения трудно найти. Фигура Сталина в советской истории более всего ассоциируется с репрессиями. Однако историческая справедливость заставляет признать очевидный факт: Сталин – это и победа СССР как крупнейшей державы. Никто не снимает со Сталина ответственности за 1937–1938 годы, но исторически несправедливо подвергать сомнению его организаторскую роль в дни тяжелых военных испытаний. Сталин в годы войны – это сильный администратор, руководитель огромной страны. Он имел огромное влияние на людей, действовал жестко, решительно, компетентно. Возглавляя ГКО, ЦК ВКП(б), СНК, Верховное главнокомандование, Сталин руководил фронтом и тылом, имел свой метод руководства военными операциями. Перед началом операции он встречался с офицерами Генштаба, вызывал их на доклад, уточнял все направления подготовки. Затем принимал командующих фронтами, был полностью осведомлен о реальном положении дел. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей информации. Он работал по 12–16 часов в сутки. «Взвалив на свои плечи огромную ношу, И. В. Сталин не шадил и других», – замечал маршал А. М. Васильевский [5, с. 292]. В то же время Сталин не любил принимать решения единолично, предпочитал коллегиальное обсуждение. Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян в своих мемуарах писал: «Зная огромные полномочия Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко командовать... Но Сталин с большим тактом и терпением добивался, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости такого шага» [5, с. 293]. Если Сталина убеждали в обратном, приводили ему веские аргументы, то он почти всегда уступал, ради правильного решения и успеха общего дела. Оценивая полководческую деятельность Сталина, Г. К. Жуков писал: «Как военного деятеля И. В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну... В руководстве вооруженной борьбой в целом И. В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупнейшую наступательную операцию... И. В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И. В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились со Сталинграда... Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим» [5, с. 299]. Об этих качествах Сталина, как крупного военного организатора и полко-

водца, сегодня пишут историки¹. И. В. Сталин в годы Великой Отечественной войны был живым воплощением воли к победе. Он обладал удивительной харизмой, вдохновлял на подвиги на фронте и в тылу. Девиз «За Родину! За Сталина!» стал боевым кличем советских солдат Великой Отечественной. Триумф Сталина как полководца и высшего руководителя советской державы неотделим от победы Красной Армии и всего советского народа.

Внимание исследователей привлекают партизанское и коллаборационистское движения на оккупированных советских территориях. Первое было хорошо исследовано еще в советский период, опубликованы документы и воспоминания, изданы книги и статьи. Коллаборационизм (сотрудничество с оккупантами) изучен слабее, хотя в последние годы появились исследования и по данной проблеме². Историки подчеркивают, что коллаборационизм хотя и имел место, но нет никаких оснований превращать перешедших на сторону Германии генералов, офицеров, националистов в так называемых «освободителей» своих народов от советского режима. Переход на сторону противника военнослужащих однозначно оценивается как предательство, а попытки разыграть национальную карту – как пособничество оккупантам какие бы привлекательные лозунги националисты ни выдвигали. Немецкие оккупационные власти поощряли межнациональную вражду, надеясь развалить многонациональный Советский Союз. Никакого широкого антисоветского антисталинского движения на оккупированных территориях не было. Беспрецедентная жестокость оккупантов и принуждение к коллаборационизму стали основными причинами сотрудничества с немецкими властями, а не неприятие сталинского режима и социализма. Перед историками также стоят важные задачи по изучению форм массового сопротивления населения планам и политике оккупационных властей.

В историографии продолжается изучение роли антигитлеровской коалиции государств в достижении победы над фашизмом. Исследователи подчеркивают большую роль той помощи, которую

¹ *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. М., 1999; *Медведев Ж. А., Медведев Р. А.* Неизвестный Сталин. М., 2002; *Соловьев Б., Суходеев В.* Полководец Сталин. М., 2003; *Емельянов Ю.* Сталин. На вершине власти. М., 2006; *Мартirosян А. Б.* Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007; *Емельянов Ю.* 10 мифов о Сталине. М., 2009 и др.

² *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Великой Отечественной войны. М., 2000; *Ковалев Б.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М., 2004; *Александров К.* Русские солдаты Вермахта: Герои или предатели. М., 2005; *Правда о генерале Власове: сб. ст.* СПб., 2009; *Коваль М. В.* Организация украинских националистов (ОУН): Уроки истории // Отечественная история. 2003. № 1. С. 53–77 и др.

в критические моменты первого периода Великой Отечественной войны оказывали США и Великобритания Советскому Союзу, осуществляя поставки военной техники, сырья и продовольствия¹. При этом, чтобы объективно оценить роль Ленд-лиза для СССР, нельзя ограничиваться только количественными показателями. Важно учитывать своевременность их доставки (18 тыс. самолетов, 12 тыс. танков, свыше 400 тыс. грузовых автомашин и многое другое) [2, с. 25].

Тщательному анализу подвергается проблема «человек на войне» – морально-психологические факторы наших поражений и побед. При этом подчас утверждается, что в первый период войны наша армия воевала не умением, а числом, что солдаты якобы воевали по принуждению. Искажению подвергается история штрафных частей и заградительных отрядов, созданных, как известно, приказом Сталина № 227 от 28 июля 1942 г. Историкам на сегодняшний день не известны случаи и подтверждающие их документы, когда бы заградительные отряды стреляли по своим войскам. В штрафные роты и батальоны с сентября и до конца 1942 г. было направлено 24993 человека. Среднемесячная списочная численность личного состава действующих фронтов в четвертом квартале 1942 г. составляла 6 млн 343 тыс. военнослужащих. Поэтому численность штрафных частей не позволяет говорить о них как о факторе, оказавшем сколько-нибудь существенное влияние на ход и результаты военных действий [1, с. 689].

Сегодня важно собрать и опубликовать интервью с фронтовиками и тружениками тыла, письма свидетельства. Такая работа плодотворно ведется в разных участников войны, их воспоминания, заметки, регионах России, республиках и областях, в том числе в Республике Марий Эл². В преддверии 70-летия Великой Победы проходят встречи с ветеранами, научно-практические конференции и другие юбилейные мероприятия. Таковы лишь некоторые актуальные проблемы изучения Великой Отечественной войны сегодня.

История – это память поколений. В неразрывной цепочке истории нашего Отечества история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. имеет особый смысл и значение. И – повторяя ставшие хрестоматийными слова «никто не забыт, ничто не забыто» – как важно наполнить их подлинным смыслом и конкретным содержанием. Историки России готовы выполнить эту историческую миссию.

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М., 2011. Т. 1.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. М., 2005.
3. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009.
4. Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2005.
5. Емельянов Ю. 10 мифов о Сталине. М., 2009.
6. Исаев А. «Котлы 1941-го»: История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М., 2005.
7. История СССР. 1988. № 4.
8. Мартиросян А. Б. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007.
9. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2007. С. 227–240.

1. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov: v 12 t. T. 1. M., 2011.
2. Velikaya Otechestvennaya voyna. 1941–1945. E'ntsiklopediya. M., 2005.
3. Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveyshee spravochnoe izdanie. M., 2009.
4. Velikaya Otechestvennaya voyna. E'ntsiklopediya. M., 2005.
5. Emel'yanov Y. U. 10 mifov o Staline. M., 2009.
6. Isaev A. «Kotly 1941-go: Istoriya Velikoy Otechestvennoy voyny, kotoruyu my ne znali. M., 2005.
7. Istoriya SSSR. 1988. № 4.
8. Martirosoyan A. B. Stalin i Velikaya Otechestvennaya voyna. M., 2007.
9. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie. M., 2007. S. 227–240.

¹ Иванов Р. Сталин и союзники. 1941–1945. М., 2005; Фалин В. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; Ржевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии. М., 2004; Советско-американские отношения. 1939–1945 / сост. Б. И. Жилиев, В. И. Савченко; науч. ред. Г. Н. Севостьянов. М., 2004.

² Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб-к документов и материалов. Йошкар-Ола, 2005; Человек на войне: сборник интервью с участниками Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Йошкар-Ола, 2010.

S. V. Starikov

Mari State University, Yoshkar-Ola

**ACTUAL PROBLEMS OF STUDYING THE HISTORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The article discusses the relevance and current problems of studying the history of the Great Patriotic War in Russian historiography. The author draws attention to the poorly studied, discussion questions, source aspects and the falsification of the history of the war.

Keywords: Great Patriotic War, the problems of study, historiography, sources, front, rear, military operations, perfidy, people in war.

УДК 316.653-057.87:314.7

И. И. Бойко, В. Г. Харитонова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

**СТУДЕНЧЕСКАЯ И УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ
О МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

Рассмотрены мнения более 700 студентов и учащихся Чувашии о межэтнических отношениях в республике, о причинах неприязни к лицам иных национальностей, о случаях дискриминации по различным основаниям.

Ключевые слова: студенты и учащиеся Чувашии, межэтнические отношения, социологический опрос.

Представленная статья написана на материалах опроса студентов и учащихся Чувашии в марте 2014 г. Общая численность респондентов составила 713 чел., в том числе студентов вузов – 324 чел., учащихся учреждений среднего профессионального образования – 287 чел. и начального профессионального образования – 102 чел. Один из блоков вопросов был направлен на выявление мнения молодых людей о межнациональных отношениях в республике. Отметим, что общая оценка этой проблемы отражает высокий уровень положительного взаимопонимания, исторически сложившегося в Чувашии между старожильческими группами населения. Более половины опрошенных дали им очень хорошую и просто хорошую оценку (51,8 %). Практически треть респондентов (32,1 %) подобные отношения относит к категории удовлетворительных, нормальных. Каждый четырнадцатый (7,2 %) посчитал, что в Чувашии подобные отношения можно характеризовать как неважные или плохие и враждебные. Подобные оценки согласуются с материалами опросов всего населения Чувашии, проведенных в ходе мониторинговых обследований, некоторое преобладание отрицательных оценок (на 4–5 процентных пунктов) отражает более острое восприятие молодежью данных вопросов. При этом разница в ответах не составляет критической оценки.

Отметим, что такие признаки, как пол, этническая принадлежность, тип учебного заведения, заметно влияют на распределение ответов не оказали. При этом подчеркнем, что, на наш взгляд, подобная общая оценка межэтнических отношений в республике не учитывает отношения молодежи к гражданам государств Средней Азии и Закавказья, дальнего зарубежья, но этот вопрос требует специального рассмотрения.

В то же время следует обратить внимание на то, что часть респондентов отметила, что в своей еще недолгой жизни уже испытывала дискриминацию,

ущемление своих прав, в том числе по возрасту (20,6 %), по национальной принадлежности (13,3 %), по идейно-политическим убеждениям (9,0 %), по полу (8,6 %), по вероисповеданию (4,3 %) и в связи с российским гражданством (3,0 %). При этом гендерные проблемы в первую очередь были испытанием для девушек (14,7 %), в то время как для мужчин они были малозначимы (2,6 %). По остальным дискриминационным пунктам анкеты у мужчин и женщин достаточно значимой разницы не наблюдалось. Если ввести этнический признак при учете ответов на данный вопрос, то оказывается, что студенты-русские чаще (14,9 %), чем чуваша (7,4), испытывали ущемление своих прав по идейно-политическим убеждениям, а по остальным вопросам распределение ответов у наиболее многочисленных этнических групп в Чувашии было примерно одинаковым. Более всего оказались на противоположных позициях студенты-православные и считающие, что Бог есть, но не симпатизирующие ни одной религии. Итак, дискриминация или ущемление по признаку пола: 7,7 и 27,2 %; по возрасту 19,3 и 27,2 %; по идейно-политическим убеждениям 8,6 и 18,1 % соответственно. Национальная принадлежность и вероисповедание не являлись для названных групп молодежи разграничительными факторами. Если же говорить о ситуациях, при которых студенты сталкивались с нарушением своих прав, то чаще всего (по 19,6 %) назвались случаи получения медицинской помощи и контакты с представителями органов правопорядка (полиции). Далее шли: в общении с людьми (на улице, с коллегами на работе, по месту жительства, с соседями) – 19,0 %; при поиске работы, установлении размера заработной платы – 17,0 %; при обращении за защитой своих прав в правоохранительные органы (суд, прокуратуру, полицию) – 7,6 %; при получении, приобретении жилья – 6,6 % (скорее всего, речь идет о месте в общежитии); при получении образования (5,6 %), при попытке

открыть свое коммерческое дело (2,6 %); при получении гражданства, регистрации по месту жительства (0,6 %). Но чаще всего (в 45 % случаев) ущемления прав не было совсем. Значительные группы студентов испытывали в различных ситуациях чувство стыда за представителей своей национальности (45,8 %) или за свою страну (41,5 %). При этом девушки оказались более требовательными к людям своей этнической принадлежности или чаще оказывались в таких ситуациях, когда они воспринимали действия представителей своих народов как вызывающие чувство стыда. Среди студенток доля таких превысила половину (51,3 %), а среди молодых людей равнялась 40,4 %. Мужчинам ненамного, но чаще, чем студенткам, приходилось испытывать чувство стыда за свою страну (43,0 и 40,0 % соответственно). Этническая принадлежность (по крайней мере, для чувашей и русских) не влияет на восприятие отдельных ситуаций, вызывающих чувство стыда. Применительно к своей национальности положительные ответы русских равнялись 43,6 %, чувашей – 47,8 %. Чуть более 38 % респондентов назвали обстоятельства, при которых им становилось стыдно за представителей своей национальности. Многие говорили о бескультурье, хамском поведении, чрезмерном злоупотреблении алкоголем как внутри страны, так и за рубежом, невоспитанности, неуважении своей национальности, когда чуваша не знает или стесняется своего языка. Но бывают ситуации, когда стыдно становится за отношение к людям другой национальности, за участие в межэтнических конфликтах, когда избивают человека с другим цветом кожи, другой национальности. Неприязнь вызывает покорность судьбе, бездействие по отношению к будущему.

По данным опроса, 9 человек из 10 (90,8 %) в последние год или два не испытывали неудобства или негативного к себе отношения в связи с собственной национальностью. 3,4 % затруднились дать определенный ответ, а 5,9 % посчитали, что такие чувства им пришлось пережить. Говоря о подобных ситуациях, молодые люди отмечали, что они чувствовали агрессию со стороны представителей других национальностей, слышали нецензурную брань, замечали высокомерное отношение и прочее. В анкетах встречаются такие ответы (авторский текст сохранен): «многие стесняются разговаривать на чувашском языке», «в общественных местах, когда ты начинаешь разговаривать на чувашском языке, многие смотрят косо», «не любят, когда разговаривают на чувашском языке», «некоторым городским людям не нравятся чуваша, они их презирают», «чувашский народ считается алкоголиками в глазах других народов». Были ответы и другого характера: «русских не особенно любят и не всегда принимают достойно

в Чувашии», «я русский, но представители других национальностей считают, что они у себя дома и живут как им удобно», «отказались сдать мне квартиру, так как я татарка», «люди начинают тыкать, говорить, кто ты, что приехал сюда, т. к. я другой национальности» и т. д. Из этих ответов не совсем понятно, считают ли сами респонденты, испытывавшие подобные негативные чувства, что проявление такого отношения носит в республике системный и постоянный характер, или же это только отдельные случаи, происходящие в основном на бытовой почве. На наш взгляд, у некоторых из молодых людей сложились убеждения, характерные для ксенофобских настроений. Конечно, носители таких взглядов составляют незначительную долю молодежи, но не следует забывать об их наличии. Каждый шестой респондент (16,3 %) когда-либо испытывал чувство стыда за представителей своей национальности; 78,3 % дали отрицательный ответ на данный вопрос, и 5,5 % затруднились ответить. При этом чаще всего такое наблюдалось у студентов и учащихся, русских по этнической принадлежности (21,2 %, чуваша – 13,6 %). Краткое описание обстоятельств, при каких молодым людям пришлось пережить чувство, подобное стыду, свидетельствует, что зачастую это связано с алкоголизмом: «алкоголизм и наркомания, вражда между людьми своей национальности, неуважение людей», «алкоголизм пожилых людей», «алкоголизм, несоответствующее поведение, падение нравственности», «когда вижу алкашей, бомжей», «когда на праздники все напиваются и ругаются», «пьянство и непристойное поведение чувашей», «русский алкоголизм» и т. д. Подобные высказывания отмечены у людей разных национальностей, их практически нет у представителей тех из них, кто исповедует ислам. Другая группа претензий к людям своей национальности связана с культурой поведения, отношением к другим людям: «агрессивное поведение к другим людям», «безнравственное поведение», «бранная речь в общественных местах», «иногда ведут себя совершенно неадекватно и могут очень негативно выражать свои эмоции в адрес других», «иногда они себя очень некультурно ведут, нет никакой речи об этикете», «использование ненормативной лексики», «не уступают место в транспорте пожилым людям», «низкий уровень культуры и нравственности, часто в транспорте, в больницах и на улицах». Можно выделить группу респондентов, испытывавших чувство стыда из-за пренебрежения соотечественниками чувашского языка: «бывает такое, что человек стесняется разговаривать на родном языке даже со знакомыми», «когда чуваш (деревенский, сельский) после того, как начинает жить в городе, начинает разговаривать только на русском языке», «некоторые чуваша,

приезжая в город, общаются не на чувашском языке. Стыдно». Видимо, и личный опыт, и сообщения различных СМИ стали причиной критических высказываний по поводу поведения представителей своей национальности за рубежом, в местах отдыха: «как они ведут себя за границей», «когда по новостям говорят, что россияне нарушают законы других стран и т. д.», «не умеют прилично вести себя за границей», «непристойное поведение на курортах», «отдыхая за границей, представители моей национальности ведут себя неподобающе». Многим не нравится, когда при выяснении разных точек зрения аргументом становится не логика, а сила, когда встречаются нарушения закона: «когда унижают людей другой национальности», «когда человек моей национальности – националист», «когда человек моей национальности совершил преступление», «некоторые представители моей национальности чаще решают конфликты с помощью силы». Встречаются и другие претензии, но преобладают такие, которые были сведены нами в вышеназванные группы.

При общем положительном настрое молодых людей обращает на себя внимание наличие в их составе значительной доли (34,9 %) тех, кто испытывал личную неприязнь к людям другой национальности. Более половины (54,9 %) ответили, что они не испытывали подобной неприязни, и 10,2 % затруднились дать определенный ответ. Важно при этом подчеркнуть, что этническая принадлежность, различные типы учебных заведений, пол опрошенных не играли заметной роли при ответах на данный вопрос. Максимальная разница с учетом этнического фактора составляет около 6 % пунктов («другая национальность» и «русские»: 31,5 и 37,7 %). Для разных типов учебных заведений подобная дистанция

ограничена 2,6 % пунктами. Источник подобного негативного отношения, по мнению самих респондентов, в личном опыте, более половины из их числа (52,0 %) отметили, что их неприязнь к людям другой национальности сложилась на основе личного общения. Далее по частоте выбора шли материалы социальных сетей, различных интернет-форумов и т. п. (29,8 %), СМИ (29,5 %), сложившееся в круге общения молодых людей мнение (24,8 %), опыт родственников, друзей, знакомых (21,0 %). Около 8 % опрошенных дали иной вариант ответа, столько же затруднились сказать что-то определенное.

По мнению учащихся и студентов, основная причина нетерпимости к людям другой национальности – в их вызывающем поведении в обществе, именно таким образом считают 66,6 % респондентов. Практически на 30 % пунктов меньше доля тех, кто видит проблему в самом обществе: 37,1 % полагают, что среди населения преобладают негативные стереотипы. Чуть более четверти опрошенных (27,8 %) ответили, что в основе нетерпимости лежат ксенофобские настроения у отдельной части граждан в виде личной неприязни к людям другой национальности и религии. На наш взгляд, цифра заметно завышена и требует дополнительного анализа. Еще 14,9 % отметили социальную подоплеку причин нетерпимости, поскольку считают важным, что эти люди принадлежат к другим социальным группам. Можно предполагать, что речь идет о более высоком уровне успешности, в основном с точки зрения материальной. Незначительная группа опрошенных (2,3 %) выбрала свои варианты ответов.

I. I. Boyko, V. G. Kharitonova

Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary

STUDENT AND STUDYING YOUTH OF CHUVASHIA ON INTER-ETHNIC RELATIONS

Discusses the views of more than 700 students and pupils of Chuvashia on inter-ethnic relations in the Republic, on the causes of hostility towards persons of other nationalities, cases of discrimination on various grounds.

Keywords: students and pupils of Chuvashia, inter-ethnic relations, sociological survey.

УДК 325.86(594)

А. Р. Галушка-Адайкин

Международный славянский университет, г. Харьков, Украина

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ИНДОНЕЗИЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ ПОСТРЕФОРМАЦИИ

Данная статья посвящена развитию Республики Индонезия в первой половине 2000-х годов, а именно трансформации индонезийского общества от эпохи Реформации к эпохе Постреформации. Главное внимание уделяется парламентским и первым общенародным президентским выборам в стране, а также борьбе с коррупцией, терроризмом и преодолению последствий природных катаклизмов.

Ключевые слова: выборы, конфликт, коррупция, Индонезия, парламент, президент.

Эйфория, царившая в индонезийском обществе после падения режима второго президента Индонезии Сухарто в 1998 году и ставшая, соответственно, началом эры Реформации в стране, сменилась растущей неудовлетворенностью среди широких слоев населения. Все чаще стали звучать голоса, что во времена Сухарто, даже в 90-х годах XX в., то есть во времена кризиса режима «нового порядка», ситуация в стране была более стабильной. Одной из главных причин критики политики реформистов была коррупция, которую не только не смогли преодолеть, но и наоборот, она достигла еще более угрожающего уровня.

Среди литературы, посвященной проблематике развития Республики Индонезия в течение исследуемого периода, следует выделить работу Лесманы, в которой рассмотрено влияние личности президента на политику страны [8], труд Ти Кьян Ви относительно эволюции индонезийской экономики [11], труд Солахуддина по поводу развития радикального ислама в Индонезии [10], а также аналитическое исследование Анвара и Сальвиана относительно парламентских и президентских выборов в 2004 году [2].

Главной целью данной статьи является анализ трансформации индонезийского общества в первой половине 2000-х годов.

Политическая и экономическая нестабильность стали причинами того, что военные вновь начали возвращаться к активной политической деятельности. Индонезийское общество, уставшее от хаоса в стране под руководством правительств Абдуррахмана Вахида и Мегавати Сукарнопутри, стало поддерживать эти начинания. Таким образом, некоторые военные пенсионного возраста получили народную поддержку и были избраны во властные структуры во время губернаторских выборов в 2002–2003 годах.

Согласно закону № 30 от 2002 года, была создана Komisi Pemberantasan Korupsi (КПК, Комиссия

для искоренения коррупции). С первых дней своего существования этот орган стал играть важнейшую роль в общественно-политической жизни страны. КПК не было первым государственным учреждением подобного характера в истории независимой Индонезии. Во времена «старого порядка», то есть после национально-освободительной войны во время правления первого президента Сукарно, государственные органы, в компетенцию которых входили обязанности бороться с коррупцией в стране, назывались *Paran* и *Operasi Budhi*. Однако достижения этих двух антикоррупционных учреждений нельзя назвать значимыми, хотя во времена существования *Operasi Budhi* были спасены 11 миллиардов рупий государственного бюджета, но, по сравнению с общими хищениями, эта сумма была не особо значима. Борьба с коррупцией во времена Сухарто носила исключительно формальный характер. Сначала была создана группа под названием *TRK* (*Tim Pemberantasan Korupsi*, Команда для искоренения коррупции), во главе которой стоял генеральный прокурор, однако, несерьезность данного учреждения привела к сокрушительной критике антикоррупционной политики Сухарто со стороны мирового сообщества. Тогда Сухарто создал так называемый «Комитет четырех», в который вошли, как отметил Сухарто, чистые от коррупции и незаангажированные личности, а именно: профессор Джоханнес, Касимо, Вилопо, Чокроаминото. Комитет смог достичь определенных успехов, разоблачив нескольких коррупционеров в министерстве религии, в некоторых крупных корпорациях, однако, когда Комитет доложил правительству о коррупции в «Пертамина», в государственном нефтяном монополисте, власть не только не обратила на это внимание, но и сделала все, чтобы расследование было прекращено. На начальном этапе Реформации президент Хабиби хотел создать орган, который бы смог преодолеть тяжелое

коррупционное наследие режима «нового порядка». Было создано несколько органов, однако, окончательно Комиссия была сформирована, как было указано выше, в 2003 году. Отбор кандидатов на работу в КРК, тем более на руководящие должности, являлся серьезной процедурой: кроме незапятнанной репутации, кандидаты в члены Комиссии должны были отвечать многим условиям. КРК должна была не только расследовать дела в случаях, связанных с коррупционными махинациями, но также проводить превентивные антикоррупционные меры в стране [5].

Начало 2004 года прошло в подготовке к проведению всеобщих выборов президента страны, выборов в национальный парламент. Предстояло выбрать 550 депутатов, избираемых отныне напрямую народом. Выборы также проводились в новый орган DPD (Dewan Perwakilan Daerah, Совет регионов), который состоял из 128 депутатов, представителей индонезийских регионов. Отныне высшая палата парламента MPR (Majelis Permusyawaratan Rakyat, Народная консультативная ассамблея), состоявшая из депутатов DPR и DPD, не могла избирать президента и вице-президента, что стало исключительно народной прерогативой. Парламентские выборы были назначены на апрель, президентские – на июль 2004 года [2].

Результаты выборов потрясли руководство PDI-P (Partai Demokrasi Indonesia – Perjuangan, Демократическая Партия Индонезии – «Борьба»): партия получила лишь 18,5 % голосов по сравнению с 33,7 %, полученными партией Мегавати на выборах 1999 года. Консервативная просухартовская партия Голкар также потеряла голоса избирателей, но именно эта партия получила большинство голосов, а именно 21,6 % от общего числа проголосовавших. PKB Абдурахмана Вахида также потеряла сторонников, но с 10,6 % голосов по-прежнему оставалась важным игроком на политической арене Индонезии. Среди новых участников избирательной гонки следует выделить Демократическую партию, возглавляемую Сусило Бамбанг Юдойоно, которая с первой попытки смогла набрать 7,5 % голосов избирателей. PKS (Partai Keadilan Sejahtera, Партия цветущей справедливости), также новая партия, получила 7,3 % голосов [1]. PKS, основанная на принципах фундаментального ислама, но в предвыборной кампании ее представители не касались вопроса религии, сосредоточила свое внимание на борьбе с коррупцией и на проблематике повышения благосостояния населения страны. Эта партия смогла получить большинство голосов, больше четверти, на выборах в городской совет столицы Индонезии.

Результаты выборов вновь показали различие между Явой и другими регионами. Так, например, партия Голкар большинство своих голосов (55 %),

как и на предыдущих выборах, получила за пределами Явы. PDI-P, наоборот, 66 % от полученных голосов получила от жителей Явы. Гендерный вопрос относительно депутатского состава стал причиной обвинений со стороны многочисленных международных правовых организаций. Несмотря на то, что из общего числа депутатов, которых избирали жители Индонезии, 30 % были женского пола, в окончательном варианте парламента женщины составляли только 12 %. В DPD женщины были представлены большим количеством – 21 % от всего количества депутатов [12].

Впервые в истории Индонезии народ сам выбирал президента страны. Выборы состояли из двух этапов, во второй этап, если кто-то не получал абсолютное большинство голосов (50 % + 1 голос), проходило два кандидата. Голкар выдвинула генерала Виранто своим кандидатом, PDI-P – Мегавати Сукарнопутри, PAN – Амиена Раиса, Демократическая партия – Сусило Бамбанг Юдойоно, PPP – Хамза Хаза. Получить абсолютное большинство голосов не смог никто из кандидатов, а во второй этап, который должен был состояться в декабре того же года, прошли Сусило Бамбанг Юдойоно (33,6 %) и Мегавати Сукарнопутри (26,6 %) [8].

Важно отметить, что результаты парламентских выборов не совпали с результатами выборов президента страны, то есть человек, который отдал свой голос, например, Голкар, не обязательно поддержал Виранто на президентских выборах. Да и вообще, казалось, что индонезийское общество устало от этих избирательных гонок. Так, на второй этап президентских выборов явились лишь 116,7 миллиона человек из 153,3 миллиона зарегистрированных граждан Индонезии, имевших право голосовать.

Сусило Бамбанг Юдойоно, 1942 года рождения, в тандеме с кандидатом на пост вице-президента Юсуфом Калла, стали победителями президентской гонки, получив по результатам второго этапа 60,6 % голосов избирателей. Они одержали победу почти во всех регионах страны, за исключением таких, как Бали, Средняя Нуса Тенгара и Молукку. Переход власти состоялся вполне мирно, без столкновений между лагерями Мегавати и Сусило Бамбанг Юдойоно. Первый кабинет министров, который был создан новым президентом страны, стал результатом коалиции президентской партии, то есть Демократической партии, и мусульманских партии PBB, PKS и PAN. Большую роль в новой политической системе играл вице-президент Юсуф Калла, первый со времен Мохаммеда Хатты, то есть со времен ранней независимости, вице-президент, который действительно влиял на формирование политики государства. После избрания Юсуфа Каллы председателем Голкар, эта партия сразу же стала очень

важной частью правительственного блока в парламенте. PDI-P же стала крупнейшей партией в парламенте, не представленной своими членами в правительстве. В обществе начали распространяться слухи о столкновении характеров, растущей конкуренции между президентом и вице-президентом [8].

Рост цен на нефть на мировых рынках стал серьезным испытанием для индонезийской экономики в виду того, что правительство продолжало субсидировать горючее в стране. Однако с каждым годом это субсидирование становилось все труднее для государственного бюджета: только за один календарный 2004 год общая сумма субсидий должна была увеличиться с 7 миллиардов долларов США до 14. Исходя из этого правительство было вынуждено поднять цену на бензин на 149 %, на дизельное топливо – на 16,1 %, на топливо для бытовых целей – на 186 %. Индонезийское сообщество, понимая необходимость подобных мероприятий, вполне спокойно восприняло повышение цен, приведшее к росту инфляции на 18 %, однако, все же эти реформы имели положительное влияние на развитие государства [11].

22 ноября на форуме ОПЕК в Чили президент Сусило Бамбанг Юдойоно заявил, что Индонезии нужны 75 миллиардов американских долларов международной помощи, чтобы улучшить инфраструктуру в стране [7].

В конце 2004 года произошло событие, которое заставило не только Индонезию, но и весь мир забыть об экономических и политических неурядицах. Индонезия находится на разломе двух крупнейших тектонических плит в мире: Индо-Австралийской и Евразийской, именно в этом регионе происходит примерно 90 % всех землетрясений на Земле. 26 декабря 2004 года к северу от Суматры произошло землетрясение силой 9 баллов по шкале Рихтера. Оно вызвало разрушительное цунами, ставшее одним из самых разрушительных за всю сознательную историю человечества. Общее количество жертв достигло примерно 230 000 человек, основными странами, пострадавшими от стихии, были Индонезия, Таиланд, Шри-Ланка, Индия. Однако больше всего пострадала именно Республика Индонезия, а точнее север Суматры, а именно Ачех. Именно там погибли примерно 167 тысяч человек, только в столице региона Банда Ачех цунами унесло 90 тысяч жизней. Население Индонезии, правительство, международные организации, мировое сообщество направили свои усилия на помощь пострадавшим.

Ирония жизни заключается в том, что именно цунами и гибель десятков тысяч человек положили конец многолетнему конфликту между правительством Индонезии и сепаратистским движением на севере Суматры. 6 января в Джакарте состоялся саммит, на котором присутствовали госсекретарь США

Колин Пауэлл, генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, другие ведущие политики мира. Главными темами саммита стали последствия цунами и помощь пострадавшим в результате этой глобальной катастрофы.

В течение 2005 года более 180 губернаторов, бупати, городских глав были избраны на выборах местного уровня. Представители Голкар получили лишь 40 % от общего количества вышеперечисленных должностей, что стало следствием все большей партийной вариативности в стране. Несмотря на постепенную демократизацию, ощутимые реформы, в страны происходили события, негативно влияющие на имидж Индонезии. В марте 2004 года во время перелета из Джакарты в Амстердам был смертельно отравлен активист борьбы за права человека Мунир. За совершение этого преступления был осужден бывший пилот авиакомпании «Гаруда», однако, настоящий заказчик убийства так и не был обнаружен. Тем не менее главным отличием от сухартовских времен было то, что эти события не замалчивались, а, наоборот, широко освещались в СМИ, заставляя власть не изображать видимость действий, а наказывать преступников.

27 февраля 2005 года в Финляндии были начаты переговоры между правительством Республики Индонезия и GAM (Gerakan Aceh Merdeka, Движение за независимость Ачеха), что стало реальностью благодаря помощи бывшего президента Финляндии Марти Ахтисаари. 15 августа 2005 было согласовано прекращение любых боевых действий в регионе. Договор с индонезийской стороной был подписан председателем комиссии по переговорам Хамидом Авалуддином, со стороны GAM – Маликом Махмудом. Согласно мирному договору, была создана новая комиссия по восстановлению действия мирного договора от 2002 года, согласованы пределы автономии Ачеха в составе Республики Индонезия. Правительство обязывалось всячески способствовать созданию политических партий в Ачехе, допускать международных наблюдателей на время проведения общеиндонезийской президентских и парламентских выборов. Ачеху было предоставлено право на сбор налогов, на собственные символы, включая флаг, на создание собственной нормативной базы по регулированию региональных вопросов, однако, в рамках общеиндонезийских конституционных норм.

8 апреля 2005 года между Индонезией и Малайзией произошел очередной территориальный конфликт. Военный корабль индонезийских вооруженных сил «Гедонг Нага» протаранил малайзийский корабль «Ренчонг», который своими маневрами угрожал строительству маяка Каранг Унаранг, после чего малайзийский корабль был вынужден как можно быстрее покинуть акваторию Амбалат и вернуться

в порт Таван в Малайзии. Каранг Унаранг находится в водном пространстве под названием Амбалат, который стал спорной территорией между соседними государствами в конце 70-х годов XX века. Именно тогда Малайзия напечатала карту, на которой Амбалат отмечено частью Малайзии под названием Blok XYZ. Эта территория, в соответствии с предварительным геологическими исследованиями, богата на газ и нефть. Именно в том же 1979 году Петронас, нефтяной гигант Малайзии, передает концессию на разработку нефтяных месторождений компании Shell. Индонезия была вынуждена направить в Амбалату военные корабли и начать строительство сооружений для защиты своих прав на данное водное пространство. После инцидента кораблей «Тедонг Нага» и «Ренчонг», министерство иностранных дел Индонезии направляет Малайзии ноту протеста против нарушения Малайзией государственных границ Индонезии, в ноте также содержались оправдания действий индонезийского корабля в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву от 1982 года [9].

Наконец-то, по прошествии многих лет, а именно 16 августа 2005 года, Нидерланды официально признали, что Индонезия стала независимой именно 17 августа 1945 года. Это заявление от имени правительства сделал министр иностранных дел Нидерландов Бернард Бот.

К сожалению, положительный эффект от мер правительства по преодолению коррупции в стране было нивелировано. В октябре 2006 года был освобожден Томми Сухарто, сын второго президента страны, который просидел лишь 5 из 15 лет, которые он получил по обвинению в убийстве судьи. В течение нескольких месяцев стало известно, что один из банковских счетов, принадлежавших Министерству юстиции и основных прав человека, использовался для транзакции 10 миллионов долларов США с одного из французских банков, где имел счет Томми Сухарто. Эта транзакция состоялась с согласия министра юстиции и основных прав человека Хамида

Авалудина, также стало известно, что к этим событиям причастен государственный секретарь Юсриль Ихза Махендра. Эти два министра были уволены с их должностей в мае 2007 года.

Подводя итоги, следует заметить, что в исследуемый период в Республике Индонезия произошли качественные позитивные изменения в экономической и политической областях. Наконец-то, в стране начали проводиться общенациональные выборы, гиперинфляция конца 90-х была преодолена, но определенная непоследовательность этих мер, высокий уровень инфляции мешали Индонезии выйти на уровень развития, сопоставимый с уровнем Южной Кореи или Сингапура.

1. *Ambardi K.* Mengungkap Politik Kartel, Studi Tentang Sistem Kepartaian di Indonesia Era Reformasi. Jakarta: Gramedia, 2009.
2. *Anwar M. Kh., V. Salviana.* Perilaku Partai Politik: Studi Partai Politik dalam Kampanye dan Kecenderungan Pemilihan pada Pemilu 2004. Malang: UMM Press, 2006.
3. *Aspinall E.* Opposing Suharto: Compromise, Resistance and Regime Change in Indonesia. Stanford: Stanford University Press, 2005.
4. *Asshiddiqie J.* Perkembangan dan Konsolidasi Lembaga Negara Pasca Reformasi. Jakarta: Sekjen dan Kepaniteraan Mahkamah Konstitusi RI, 2006.
5. *Atmasasmita R.* Korupsi, Good Governance dan Komisi Anti Korupsi di Indonesia. Jakarta: BPHN, 2002.
6. Direktorat Riset Ekonomi dan Kebijakan Moneter. Laporan Perekonomian Indonesia Tahun 2005. Jakarta: Direktorat Riset Ekonomi dan Kebijakan Moneter, 2006.
7. *Finaldin T. S. Iskandar.* Presiden RI dari Masa ke Masa. Bandung: Jabar Education and Entrepreneur Center, 2006.
8. *Lesmana T.* Dari Soekarno Sampai SBY. Jakarta: Gramedia Pustaka Utama, 2009.
9. *Sodikin A.* Ambalat Ujian Diplomasi dan Harga Diri Negara Kepulauan // Kompas. Jakarta. 12 Maret 2005.
10. *Solahudin.* NII sampai Ji. Jakarta: Komunitas Bambu, 2011.
11. Thee Kian Wie. Indonesia's Economy Since Independence. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2012.
12. *Wessel I.* Democratisation in Indonesia after the Fall of Suharto. Berlin: Logos, 2005.

A. R. Galushka-Adaykin

International Slavonic University, Kharkov, Ukraine

THE MAIN VECTORS OF THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF INDONESIA DURING THE PERIOD OF EARLY POSTREFORMASI

This article is dedicated to the development of the Republic of Indonesia in the first half of the 2000s, mostly to the transformation of Indonesian society from the era of Reformasi to the era of Postreformasi. The focus is on the parliamentary and the first common presidential election in the country, as well as the fight against corruption, terrorism and overcome of the consequences of natural disasters.

Keywords: election, conflict, corruption, Indonesia, parliament, president.

УДК 141.155:53.01/05

Г. Ф. Горбашова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**Р. Пиль – ОБРАЗЕЦ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ БРИТАНИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Статья посвящена выдающемуся представителю британской политической элиты – Р. Пилю. На основе анализа английских источников показан процесс формирования политика нового типа. В центре внимания находятся его идеи, консервативные принципы, разработка новой тактики и стратегии, характерные черты политика нового типа.

Ключевые слова: парламентская реформа 1832 года, Р. Пиль, Темуорский манифест, консервативная партия, либеральный консерватизм, политическая элита.

В российском англоведении (одном из направлений в современной отечественной историографии) определился ряд актуальных проблем, изучаемых и требующих дальнейших исследований. При этом следует отметить присутствие особого интереса к истории Англии и ее глубокое изучение представителями различных поколений отечественных историков, и не только в Москве и Петербурге, но в таких городах, как Казань, Калуга, Екатеринбург, Ярославль, выявление новых сюжетных линий. Британская политическая элита пока еще остается малоизученной отечественными исследователями, личностям консервативной партии ранневикторианской эпохи не уделялось должного внимания, за исключением ряда работ российских историков, занимающихся изучением политической истории Британии XIX века. Безусловно, заслуживает внимания и накопленный опыт в изучении «человека первого плана» в истории Британии викторианской эпохи, представленный в российском англоведении известнейшими исследователями В. Г. Трухановским, К. Б. Виноградовым, О. А. Науменковым, В. В. Сергеевым, И. М. Узнародовым, В. Д. Кукатовым, И. С. Меншиковым [1, 2]¹.

В политической истории Великобритании Р. Пиль был и остается одним из ярких представителей политической элиты, вынужденной приспосабливаться в соответствии с требованиями времени. В первой половине XIX в. по мере раскрытия основных тенденций, заложенных новым веком, когда становится очевидным, что восстановить старые общест-

венные связи невозможно, а новые создаются с невероятным трудом, когда все отчетливее проявляются новые экономические интересы и деньги начинают играть роль «единственного закона», люди утрачивают веру в себя, в свое будущее, их охватывают сомнения, порожденные неопределенностью, долгим процессом осознания своего действительного места в «революционном мире». Именно тогда смыкается с традиционализмом и романтическое сомнение в прочности общественных основ и возможности какого бы то ни было будущего. «В британцах, живущих в ранний период правления королевы Виктории (1837–1850 гг. – Г. Г.), – пишет И. М. Узнародов, – нельзя было не заметить изрядной доли романтизма, печать которого буквально лежала на всем – на отношении к своей истории и традициям, на отношении к религии, к семье...» [3, с. 11].

Менялись нравы, нормы поведения, складывалось новое мировосприятие, менялся характер общества, происходил поворот во всей жизни, но, несмотря на все достижения, жизнь Соединенного Королевства не была так безоблачна, как может показаться на первый взгляд. Изменилось соотношение сил разных социальных групп, усиливалось противостояние между аристократией и «молодой» промышленной буржуазией (это противостояние, переросшее в конце 30-х годов XIX в. в конфликт, стало водоразделом в политической жизни не только страны, партиях, но и отдельных людей), возникала опасность новых потрясений. После парламентской реформы 1832 г. общество не обрело умиротворения, а значит, по-прежнему стремилось найти точку опоры в «новом» мире. И в этом обществе помогают поэты-романтики (Р. Саути, С. Кольридж) и политики (Дж. Крокер, Р. Пиль). Р. Саути (не только поэт «озерной школы», но и сотрудник журнала «Квотерли Ревью» – органа партии тори), осуждая ужасы индустриализации и критикуя буржуазию,

¹ Россия и Британия. Вып. 3. М., 2003; Вып. 5. М., 2010; Россия и Британия. XVI–XIX века. М., 2007; Давидсон А. Б. Российские и британские историки на пути к взаимопониманию // Новая и новейшая история. 2014, № 5. С. 114–125; Трухановский В. Г. Б. Дизраэли, или история одной невероятной карьеры. М., 1988. Викторианцы. Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996; Меншиков И. С. Британские премьер-министры XIX века. Курган, 2006.

которая разрушает «старый общественный порядок», призывая к сохранению законопослушания и рассудительности, понимает невозможность возвращения к «доброй старой Англии». С. Кольридж, окунувшись в неприятную действительность, отмечал вырождение правящей аристократии, ее измену нравственным идеалам. В воспитании нравственно-го здоровья аристократии он отводил главную роль церкви, которая, благодаря образованности, обеспеченности и неучастию в экономической конкуренции, призвана поддерживать и увековечивать духовное богатство нации [9, р. 74–75]. И если романтики (С. Кольридж, Р. Саути) стараются не столько решать, сколько ставить проблемы во всем их объеме через свои публикации, формируя тем самым определенный настрой общественного мнения, то политиков, в частности Дж. Крокера (член парламента и известный журналист), в большей степени занимало решение проблем. Он переводит «традицию из сферы совести и сознания» в практическую политику, принимает активное участие в парламентских дебатах по поводу вигского парламентского билля (4 марта 1831 г.), будучи его противником, являясь защитником «величайших государственных интересов», не в меньшей мере стремится продемонстрировать и объединить силы, способные сохранить эти институты [24, в. 48, р. 544, 547]. Не менее интересным с этой точки зрения является тот факт, что в начале 30-х гг. XIX в. в статье Дж. Крокера в «Квотерли Ревью» впервые был введен термин «консервативная партия» (в смысле охранительная), который стал использоваться не только в прессе, но и тогдашними политиками, хотя термин «консервативная партия» еще не употреблялся как общепризнанное название партии тори. Новое название партии утвердилось за ней с середины 30-х гг. после того, как один из лидеров тори Р. Пиль в 1834 г. провозгласил: «Политика партии преследует цель сохранить все хорошее, что есть в существующих институтах» [24, р. 106]. Следовательно, речь шла не только о смене названия партии, но и линии партии, в основе которой должны лежать «охранительные меры», не допускающие радикальных преобразований, «крайностей революции». По мнению Дж. Крокера, это значение термина и его использование позволяло объединить силы «охранителей», да и не только их, ведь чувство неуверенности в незыблемости общественных институтов захватило и часть бывших реформаторов [10, в. 1, р. 137]. Можно согласиться с утверждением Н. Гэша, что после поражения консерваторов на выборах 1832 года важным для них стал не только вопрос объединения, политики партии, но и ее лидера. Проблема лидерства стояла наиболее остро, так как согласия в партии по этому вопросу не было достигнуто. Р. Пиль –

неординарный политик викторианской Англии, по рождению тори, по убеждениям – «либеральный консерватор», продолжатель дела Ливерпуля и Каннинга (оба относились к группе «умеренных тори»), но достигший больших успехов в развитии «либерального консерватизма», чем его учителя, по мнению газеты Times становится «главой Консервативной партии» [30, 1835, 3 September]. Не менее важным является и тот факт, что он с 1835 года становится главой консервативных сил в стране.

Р. Пиль родился 5 февраля 1788 г. недалеко от Темуорса в Стаффордшире в семье разбогатевшего фабриканта хлопчатобумажных изделий, принадлежавшей к «среднему классу», но происходившей из старинной саксонской ветви. Его отец был удостоен титула баронета. Р. Пиль поступил в 1801 г. в Харроу, с 1805 г. продолжил образование в Оксфорде. Со школьной скамьи он отличался трудолюбием, удачно сдал академические экзамены, владел незаурядными знаниями в различных областях и широтой мышления. Он не выбирал своих политических убеждений, он родился тори. В 1809 г. Р. Пиль стал торийским членом парламента как представитель от Камела (ирландский избирательный округ) [8, р. 45; 31, р. 232], и тем самым присоединился к отцу, который входил в палату общин как представитель местечка Темуорс. Перед ним открылись широкие возможности для начала политической карьеры. Следует подчеркнуть, что уже в самом начале своей политической карьеры Р. Пиль следовал желанию отца – «оставить след в истории». С этого времени его жизнь связана с государственной и политической деятельностью: статс-секретарь по делам колоний, статс-секретарь по ирландским делам, министр внутренних дел в кабинете лорда Ливерпуля, а позднее в правительстве герцога Веллингтона. Первые шаги Р. Пилия в большую политику были сделаны в начале 20-х гг. XIX в. в период министерства герцога Веллингтона. К этому времени он примкнул к группе «умеренных тори» (каннингитов) – сторонников превентивных реформ в духе Э. Берка, противостоящей крайне правой аристократической группировке во главе с Веллингтоном. Будучи министром внутренних дел совместно с министром торговли Гэскинсоном осуществил ряд умеренных реформ в интересах промышленной буржуазии (отменены или снижены ввозные пошлины на различные виды продовольствия, введена «скользящая шкала» пошлин на хлеб. Р. Пиль несколько смягчил уголовное законодательство: акт 1829 г. о лондонской полиции сделал борьбу с преступностью более эффективной и гуманной. Данный акт сделал его «национальной фигурой». В процессе обсуждения и принятия закона об эмансипации католиков (1829) он вынужден был противостоять

официальной оппозиции большинства «ультра-тори». В ходе борьбы за парламентскую реформу он примкнул к лагерю ее противников. После ее принятия Р. Пиль свою платформу изложил в речи в парламенте при обсуждении ответа на послание Вильгельма IV: он признавал акт о реформе и заявил о готовности поддерживать те меры, которые будут способствовать укреплению основ общества – законность, порядок, сохранение конституции и собственности. [17, v. 15, p. 366–386]. Парламентская реформа расценивалась Р. Пилем как важный шаг, следствием которого явилось окончательное урегулирование конституционного вопроса. Вместе с тем мысль о противостоянии радикализму высказывалась Р. Пилем постоянно. В одном из своих писем в 1833 году он следующим образом определил позицию партии: «Противодействие радикализму, противостояние дальнейшим демократическим действиям» [26, v. 2, p. 212].

Необычайный взлет Р. Пилля не в последнюю очередь был связан с разработкой, введением в политическую жизнь «либерального консерватизма», позднее получившего название «пилевского консерватизма», в основе которого лежит осторожный реформизм Э. Берка, предполагающий сохранение традиционных институтов, но допускающий бережное и благоразумное удаление злоупотреблений. Можно согласиться с утверждением британских исследователей, что ведущим элементом пилизма была выработка политического курса реформ, который позволил бы сохранить земельную аристократию от разрушительных и деструктивных революционных сил. Но вместе с тем Р. Пиль, будучи выходцем из среды крупной промышленной буржуазии, отдавал себе отчет в том, что для восстановления позиции партии ориентация только на «ультра-тори», т. е. на ту часть крупной буржуазии, больше всего задетых и напуганных парламентской реформой, бесперспективна. Р. Пиль считал крайне важным довести до сведения основной массы избирателей (и тори, и потенциальных союзников) позицию партии. И такая возможность ему представилась. 11 декабря 1834 г. он выступил перед избирателями местечка Темуорс: «Я обращаюсь к влиятельному и разумному классу общества... к честным его представителям, к классу, который менее всего заинтересован в обещаниях партии. В сохранении порядка, – продолжал он, – в искреннем провозглашении общих принципов, которые не могут служить интересам министерства, лежат главные условия хорошего правительства» [20, p. 11, 13].

В Темуорском манифесте Р. Пиль официально признана парламентская реформа 1832 г. и готовность действовать в духе этой реформы: «... дух этого закона требует только внимательного пере-

смотра наших гражданских и церковных учреждений, пересмотра без всякого враждебного чувства с целью исправить только доказанные злоупотребления и устранить действительные тяготы, твердо сохраняя законно приобретенные права» [12, v. 12 (1), p. 128]. Консерваторы убедились в том, что закон не является угрозой их политическому господству, т. е. власти земельной аристократии, а несет лишь устранение некоторых назревших злоупотреблений. Признание тори парламентской реформы позволило снять с себя обвинения в реакционности, антиреформаторстве. В Манифесте Р. Пиль утверждал, что он был и будет сторонником реформ, ссылаясь на свою поддержку проведенных реформ (уголовного права) и предлагал ряд новых реформ (городского самоуправления, церкви). Им была предложена программа превентивных реформ в духе Э. Берка, которые стояли на страже традиционных институтов – гражданских и духовных – и не затрагивали бы их по сути. «От всякого прямого или косвенного нападения он (Р. Пиль – Г. Г.) защищал общественную собственность, действующие законы и права, престол, церковь...» [5, с. 529].

Манифест Р. Пилля – обращение к избирателям – по сути дела был своего рода декларацией, в которой определялись основные политические установки партии, хотя конкретной программы действий еще не было. Характерной особенностью его обращения к избирателям местечка Темуорс являлось стремление подчеркнуть необходимость реформ в «консервативном охранительном стиле», которые не ослабляют основ государства. Между тем Р. Пиль, как наиболее дальновидный политик, указывал, что консерватизм не будет угрозой социальным и политическим улучшениям, введенным «средним классом» в предыдущий период, хотя задачей консерватизма является перевод реформ в приемлемое русло для правящего аристократического истеблишмента, что означало в конечном счете противодействие радикальным преобразованиям. Главной целью тогдашних консерваторов было стремление объединить всех тех, кто заинтересован в сохранении существующих порядков. Идеи и принципы, изложенные Р. Пилем, оказались созвучными настроениям различных слоев ранневикторианского общества. К консерватизму в стране в данный период подталкивал шок, вызванный парламентской реформой 1832 г., чувства неуверенности в незыблемость существующих общественных институтов. Это была программа «разумного консерватизма» – речь шла о применении «охранительных мер» и допустимых пределах в использовании реформ. Реформы должны твердо укорениться в существующей «традиции действия», в соответствии с накопленной мудростью отражаться в социально-политической

установленной процедуре. Это и обеспечивает, по мнению консерваторов, сохранение общественных институтов, являющихся результатом медленно и постепенного роста обычаев, традиции, практики и официального указа [23, р. 97. 25–26]. Как считает М. П. Айзенштат, Р. Пиль «предложил альтернативу как радикализму, так и ультра-торизму. Он сформулировал программу политики, допускающую умеренные и постепенные преобразования. ...Такая апелляция главы кабинета к общественному мнению с программным документом стала первой в политической истории... К общественному мнению обращались кабинеты, издавая памфлет с разъяснением своей политики. Однако глава правительства с программным политическим заявлением выступал впервые, что не осталось незамеченным» [2, с. 305].

В декабре 1834 г. Р. Пиль согласился возглавить правительство, полагая, что даже кратковременное пребывание партии у власти позволит ему стать центром притяжения тех сил, которые приняли реформу как свершившийся факт: задача теперь состоит в сохранении традиционных политических институтов, государственной церкви и Унии. Тори ясно понимали, что не смогут долго оставаться у власти. Об этом свидетельствует и то, что на выборах в 1835 г. они выдвинули своих кандидатов только 3/5 избирательных округов [14, р. 17]. Действительно, правительство тори пребывало у власти немногим более 1000 дней (19 декабря 1834 г. – 8 апреля 1835 г.), глава правительства, не найдя поддержки в палате общин, в апреле подал в отставку. Сам факт возвращения тори к власти стимулировал процесс возрождения партии, как представители тори стали именовать себя, консервативной партии. Как писала «Морнинг Пост», Р. Пиль стал «бесспорным лидером, «руководителем партии верной Конституции» [21, 7 September].

С 1835 по 1841 гг. Р. Пиль и его единомышленники начинают борьбу за возвращение консерваторов к власти. Находясь в оппозиции, партия приступила к формированию нового политического курса, хотя традиционная ориентация партии постоянно заставляла ее отдавать дань торийскому курсу. Но после 1832 г. Р. Пиль увидел важные реалии нового времени и прежде всего – увеличение экономической силы и влияния промышленной буржуазии. Целью Р. Пилля стало стремление объединить всех, кто заинтересован в сохранении «порядка» и законности, создании союза собственности и порядка, делающего уступки силам перемен». Он считал важным сделать упор на союз собственников, который включал бы «земельный класс», духовенство – традиционных представителей партии, а также торговую и промышленную буржуа-

зию, лиц «свободных профессий», но с сохранением преобладающего влияния земельной аристократии. Примечательно, что Р. Пиль, опиравшийся преимущественно на землевладельцев и выразивший их интересы, попытался расширить социальную опору партии за счет привлечения консервативно настроенных буржуа. «Городской консерватизм» отражал стремление Р. Пилля к превращению партии в нечто большее, чем «представительство земельных интересов» [12, р. 127–130]. Как дальновидный политик, он понимал, что только партия, выражающая интересы всех господствующих классов, будет в состоянии находиться у власти. Но это были лишь первые шаги Р. Пилля на пути превращения консервативной партии в аристократически-буржуазную, она и в начале 40-х гг. XIX в. оставалась оплотом земельной аристократии. Р. Пиль, как отмечают А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир, «опередил время, синтез феодальной аристократии и промышленной буржуазии» не мог произойти в этот период. [4, с. 30]. В сущности Р. Пиль допускал некоторое расширение элиты партии за счет консервативно настроенной буржуазии. Основные принципы политики партии наиболее четко были сформулированы Р. Пилем в 1838 г.: поддержка прерогативы королевской власти, лордов, палаты общин; защита англиканской церкви, сохранение и защита института собственности [25, v. 61, No. 122, р. 511–518, 537–538]. Выступление Р. Пилля в этом году следует квалифицировать как стремление лидера партии к защите институтов государства и церкви от посягательств радикалов. Угроза радикализма, возникшая в период борьбы за парламентскую реформу 1832 г., вновь вернулась в конце 30-х гг. со стороны «среднего класса» в виде движения за отмену хлебных законов, вновь поставила перед консерваторами конституционные вопросы, но на новом уровне. Пилевский консерватизм, сохраняя генетическую связь с торизмом, использовал более гибкие методы. В данном случае речь идет об использовании «охранительных мер», допускающих ограниченные реформы, но вместе с тем ставящих барьеры на пути радикальных преобразований. Он пытался направить политику консервативной партии по среднему пути между реакцией и революцией, сбалансировать требование реформ и требование стабильности.

Ростки «нового консерватизма», появившиеся в конце 1930-х гг., набирали свою силу в ходе трудной борьбы с «ультра» – могущественной группировкой консерваторов-традиционалистов (Р. Вивиан, маркиз Чандос, Э. Нэтчбулл, Г. Бентик, Дж. Стэнли и др.), «тори-радикалами» – аристократами из общества «Молодая Англия» (Д. Смит, Д. Мэннерс), опасавшихся пилевского компромиссного консерватизма. Р. Вивиан, Э. Нэтчбулл, Г. Бентик полагали,

что настоящее призвано опираться на прошлое, которое должно быть сохранено. Р. Пиль считал, что прошлое надо реставрировать, приспособлять к новым условиям. Он был не просто обращен в прошлое, он сторонник сохранения, всего жизнеспособного, но вместе с тем он традиционалист (прежде всего в его стремлении сохранить многие традиционные элементы торизма – законность, порядок, собственность, конституция), хотя его охранительная позиция допускает возможность модификации, способность изменяться в ответ на перемены в обществе. Для Р. Пилиа главным является связь времен, взаимоотношения прошлого, настоящего и будущего. Но в своих взглядах Р. Пиль в известной мере опередил свое время.

Свою позицию, линию поведения, свое политическое кредо Р. Пиль изложил в Темуорском манифесте и в выступлениях в 1838 году. Его вряд ли можно назвать теоретиком консерватизма он, «ум практический». Его главная цель – создать партию, которая противостояла бы «беспокойному духу» революционных перемен. Именно под руководством Р. Пилиа консервативная партия приступила к разработке новых методов введения избирательных кампаний, к созданию местных консервативных ассоциаций, обеспечивающих регистрацию избирателей, началась обработка общественного мнения, пресса стала использоваться как инструмент, как часть партийной машины [16, р. 238]. Р. Пиль становится руководителем консервативных сил в стране и в парламенте.

Важнейшими направлениями деятельности Р. Пилиа становится работа в парламенте и вне его. Огромное значение Р. Пиль придавал деятельности партийных организаторов («кнутов» или «хлыстов»). Поэтому по его решению «кнутами» консервативного лагеря стали Дж. Клерк, Т. Фрементель, Дж. Янг, обладающие организаторскими способностями и разделяющие взгляды Р. Пилиа, они не только оказывали давление на членов парламентской фракции, но проводили разъяснительные беседы, «помогая» принять правильное решение при голосовании, по инициативе Р. Пилиа они проводили работу и с колеблющими депутатами внутри фракции «ультра-тори» и даже вигов. И «эта сфера деятельности, – пишет М. П. Айзенштат, – была настолько успешной, что в 1840 г. к ним присоединилось более 40 человек из числа ранее непримиримых противников... среди «новичков» находились и такие знаменитые и влиятельные виги, как лорд Стэнли, Д. Грэхэм...» [2, с. 331].

Р. Пиль не оставил без внимания и аристократические клубы, которые, начиная со второй половины XVIII столетия, стали центрами, где «дебатировались политические темы и складывалась политика

партии», [6, с. 357–358]. И здесь, в непринужденной атмосфере дружеской трапезы или партии в карты, происходил обмен информацией, обсуждались кандидатуры на ведущие государственные должности. И это были не досужие разговоры «пикейных жилетов», то, о чем шла речь в уютных клубных залах и кабинетах, находило отражение в персональном составе министерств, в наиболее принципиальных политических решениях правительства, а порой и определяло эти решения. В Лондоне наступил «золотой век политических клубов». С 1832 г. Карлтон-клуб (клуб тори) превратился в штаб-квартиру, в стенах которого регулярно встречались консерваторы. Именно Карлтон-клуб и его политический комитет стали центром объединения и формирования дисциплинированной парламентской партии, способствовал формированию новой политической элиты. Кроме того, политический клуб поддерживал тесную связь с местными партийными «агентами» и регистрационными обществами, различными консервативными объединениями по всей стране. Партийные «агенты» Р. Боухэм, Ф. Роберт и другие занимались «обработкой провинций», избирательными кампаниями, составляли избирательные списки. Все данные стекались в Карлтон-клуб. «Воспитанием избирателей Англии», по меткому выражению С. И. Раппопорта, занялись и местные партийные организации, которые создавались не только в аграрных районах и графствах, но и в промышленных центрах. Главным направлением стала подготовка к выборам, а главным результатом – участие в политической жизни не только членов парламента, но представителей провинций. Все это, безусловно, способствовало не только успеху консерваторов на выборах 1841 г., но и расширению социальной базы консерваторов, проведению «городского консерватизма» в жизнь, что означало стремление Р. Пилиа привлечь на свою сторону консервативно настроенные слои городского «среднего класса». Однако и к 1841 г. концентрация аграрных интересов в партии была почти полной. Главной особенностью успеха консерваторов, их популярности в период с 1833 по 1841 гг. стало, как писала «Морнинг Пост», выступление консервативной партии «за сохранение старых английских институтов и интересов, традиций британских подданных»; понимание необходимости противодействия «иностранный конкуренции с английским сельским хозяйством...» [21, 1845. 7 July], т. е. сохранение принципа аграрного протекционизма. «Земельный класс» – крупные лендлорды, джентри, фермеры, даже сельскохозяйственные рабочие – сплотились вокруг консервативной партии и поддерживали ее на выборах в 1841 г. Обращение к городским избирателям было свидетельством признания определенными кругами

консерваторов необходимости соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового «среднего класса». Ни Р. Пиль, ни его сторонники вовсе не собирались идти на разрыв с большинством партии, они хотели сбалансировать интересы торговой и промышленной буржуазии и интересы земельной аристократии и джентри, не ущемляя последние. Либерально-консервативная тенденция этой группировки нашла реальное воплощение в экономической политике правительства Р. Пиля (1841–1846 гг.).

По совету своих сторонников и друзей Р. Пиль стал использовать прессу для ознакомления общественного мнения со своей платформы, так и как «инструмент», «элемент» формирующейся партийной машины, стараясь при этом поддерживать с ней хорошие отношения, в частности с газетами «Таймс», «Морнинг Пост» (последняя, особенно в начале 1840-х гг., резко критиковала экономическую политику Р. Пиля), журналом «Квотерли Ревью».

Безусловно, необычный взлет Р. Пиля был связан с разработкой, введением в политическую жизнь «либерального консерватизма», сущность которого была изложена им 18 декабря 1834 г. в обращении к избирателям местечка Темуорс. Обладая необходимым политическим умом, наделенный честолюбием, он отразил стремление консерваторов адаптироваться к изменившимся экономическим, социальным, политическим условиям, опираясь на ценностно-идеологический багаж, созданный его предшественниками. Впрочем, не последнюю роль в успехе консерваторов и Р. Пиля сыграло формирование новой партийной структуры (местных партийных ассоциаций, дисциплинированной парламентской фракции, хотя до создания четкой партийной машины еще было далеко, начало ее формирования – это несомненная заслуга Р. Пиля), целенаправленная деятельность партийных организаторов и «агентов», умелое использование прессы, а также расширение деятельности и влияния Карлтон-клуба. Активизация деятельности консерваторов вне парламента, безусловно, привлекали к Р. Пилю сторонников в стране. Однако сын фабриканта еще не стал для «ультра-тори» своим и «подходящим лидером» партии, значительную роль в партии играли У. Гладстон (министр промышленности и торговли во втором кабинете Р. Пиля), «прежние виги» – лорд Стэнли (министр по делам колоний в правительстве Р. Пиля), Д. Грэхэм (министр внутренних дел второго кабинета Р. Пиля). Этот последний отнюдь не случайно был приглашен в правительство и занял столь значительный пост. Он был популярным в стране политическим деятелем, но главное заключалось в том, что он обладал познаниями по всем экономическим вопросам более глубокими, чем все ос-

тальные члены кабинета [22, р. 248]. Безусловно, сыграл свою роль тот факт, что Дж. Грэхэм разделял позицию премьер-министра и признавал его влияние в партии. Введение его в состав кабинета министров в значительной степени диктовалось желанием Р. Пиля усилить свою опору в правительстве. Влияние Р. Пиля на членов правительства, впрочем, «единственным министром», отмечает Дж. Р. Сурсфилд, являлся сам Р. Пиль, все остальные – только его подчиненными» [27, р. 181]. Следует отдать должное консервативной прессе: она подметила весьма характерную черту – сплоченность правительства вокруг премьер-министра. В то же время в печати немало говорилось и о поддержке правительства в обеих палатах парламента, об уверенности в том, что правительство во главе с Р. Пилем будет следовать основным принципам консерватизма [28, 1841 6, 11, 13 September].

Разумеется, Р. Пилю еще предстояло «завоевать» не только страну, но и королеву Викторию. Это было одной из труднейших задач для нового лидера партии. В основе негативного отношения королевы Виктории к Р. Пилю лежали причины личного характера и ее политические позиции: она считала Р. Пиля «холодным и достаточно странным», ее раздражали его манеры и даже его «чрезмерная скромность и стеснительность» [18, р. 200], она явно высказывала свое предпочтение лорду Мельбурну, чьим советам и рекомендациям королева следовала неукоснительно, их отношения были очень доверительными, она считала его «истинным вигом»; Р. Пиль по рождению был тори, королева Виктория в 30–40-е гг. придерживалась вигских взглядов.

Таким образом, выбор политических пристрастий для Р. Пиля имел субъективный характер – решающим фактором стал наследственный принцип выбора политического кредо. В нем сочетались черты «старого» и «нового» типа политика. Его идеи и принципы оказались созвучными настроением различных слоев ранневикторианского общества. Программа консервативной партии, изложенная Р. Пилем в Темуорском манифесте, стала первым обращением к общественному мнению в политической истории Британии. Он представлял образец политического поведения лидера партии, адаптирующейся к изменившейся ситуации. Главной тактической задачей Р. Пиля стало объединение все еще разрозненных консервативных сил как в парламенте, так и вне его. Новым являлось привлечение на свою сторону части заднекамеечников, активизация деятельности партийных организаторов, создание консервативных объединений не только в аграрных графствах и районах, но и в городах, работа с избирателями (выступления на собраниях, митингах, банкетах). Активизация деятельности партии и ее лидера означала,

что участие в политической деятельности переставало быть деятельностью только узкого круга лиц (членов парламента, аристократической верхушки).

Р. Пиль являлся ярким представителем нового типа политика, характерными чертами которого можно считать обращение к избирателям, активную деятельность вне парламента, использование прессы, стремление к расширению социальной базы консерватизма («городской консерватизм»). Но при этом Р. Пиль – это представитель существовавшей парламентской традиции – человек, имевший практический политический опыт. Семейная традиция участия в политической жизни (его отец – член палаты общин от местечка Темуорс) позволила ему не только пройти школу «политического ученичества», но и сделать карьеру, по рождению – тори, по убеждениям – либеральный консерватор. Бесспорно, он «консерватор-охранитель», смыслообразующим элементом мировоззрения Р. Пилия выступает традиция, понимаемая им как сохранение, развитие всего ценного, накопленного предыдущими поколениями, в соответствии с реалиями «нового» времени.

1. *Айзенштат М. П.* Британия нового времени. Политическая история. М., 2007.

2. *Айзенштат М. П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009. С. 305; С. 331.

3. *Викторианцы.* Столпы британской политики XIX в. Ростов-на-Дону, 1996. С. 11.

4. *Галкин А. А., Рахимир П. Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М. 1987; С. 30.

5. *Гизо.* Сэр Пиль // Русский Вестник. 1856. Т. 6. С. 529.

6. *Соколов А.* Лондон // История Великобритании / Руководитель издательского проекта: А. И. Булдаков. М., 2004. С. 357–358.

7. *Хибберт К.* Королева Виктория / пер. с англ. В. М. Заболотного. М., 2005. С. 137.

8. *Brasher N. H.* The Arguments in History. Britain in the nineteenth Century. L.-N. Y. 1968. P. 45; 47, 47–48.

9. *Brinton C.* English Political Thought in the nineteenth Century. L., 1933. P. 74–75.

10. *Crocer J. W.* The Crocer' Papers. The Correspondence and Diaries of 2-nd ed. L., 1885. V. 1. P. 137.

11. *Cecil Algerion.* Queen Victoria and her prime-ministers. L. 1953. P. 102–103.

12. English Historical Documents. Camb. 1956. V. 12 (1). P. 128. English Historical Documents P. 127–130.

13. *Gash N.* Sir Robert Peel. The Life of Sir Robert Peel after 1830. L., 1972. P. 59–60.

14. *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics 1832–1852. Oxford. 1965. P. 17.

15. *Gash N.* Politics in the age of Peel. A study in the technique of Parliamentary representation 1830–1850. N. Y. P. 393.

16. *Hanham H. J.* The XIX Century Constitution. 1815–1914. Documents and Commentary. Camb. 1968., P. 238.).

17. HPD (Hansard Parliamentary Debates) 1833, V. 15. P. 366–386.

18. The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty' correspondence between the years 1837 and 1861. Ed. By A. Ch. Benson. L., 1907, v. 1. P. 200.

19. Lord Buttler / ed /. The Conservatives: a History from the Origins to 1965. L. 1977.

20. Memoirs by the right Honourable Sir R. Peel. L. 1858. P. 11, 13.

21. Morning Post. 1835, 7 september; 1845. 7 July.

22. *Morley J.* The Life of William Edvard Gladstone. L.-N. Y. 1905. V. 1. P. 248.

23. *Norton Ph., Aughey A.* Conservatives and Conservatism. L. 1981. P. 25–26; P. 70–71.

24. *Punnet R.* British Government and Politics. N. Y., 1968. P. 106.

25. *Quarterly Review.* L. 1838, V 48., No. 96. P. 544, 547; V. 61, No. 122. P. 511–518, 537–538.

26. *Sir R. Peel.* From his Private Papers. Ed. By B. Parkers Ch. St. N. Y. 1970. V 2. P. 212; 486.

27. Thursfield J. R. Peel. L. 1898. P. 181.

28. Times, 1835, 3 September; 1841. 2 September; 1841 6, 11, 13 September.

29. Who's who of British members of Parliament 1832–1885. L. 1976. P. 232.

1. *Ayzenshtat M. P.* Britaniya novogo vremeni. Politicheskaya istoriya. M., 2007.

2. *Ayzenshtat M. P.* Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. M., 2009; S. 305; S. 331.

3. *Viktoriansy.* Stolpy britanskoj politiki XIX v. Rostov-na-Donu, 1996; S. 11.

4. *Galkin A. A., Rakhshmir P. YU.* Konservativizm v proshlom i nastoyashchem. M. 1987; S. 30.

5. *Gizo.* Ser Pil' // Russkiy Vestnik. 1856. T. 6. S. 529.

6. *Sokolov A.* London // Istoriya Velikobritanii /Rukovoditel' izdatel'skogo proekta: A. I. Buldakov. M., 2004. S. 357–358.

7. *KHibbert K.* Koroleva Viktoriya / per. s ang. V. M. Zabolotnogo. M. 2005, S. 137.

8. *Brasher N. H.* The Arguments in History. Britain in the nineteenth Century. L.-N. Y. 1968. P. 45; 47, 47–48.

9. *Brinton C.* English Political Thought in the nineteenth Century. L., 1933. P. 74–75.

10. *Crocer J. W.* The Crocer' Papers. The Correspondence and Diaries of 2-nd ed. L., 1885. V. 1. P. 137).

11. *Cecil Algerion.* Queen Victoria and her prime- ministers. L. 1953. P. 102–103.

12. English Historical Documents. Camb. 1956. V. 12 (1). P. 128). English Historical Documents P. 127–130.

13. *Gash N.* Sir Robert Peel. The Life of Sir Robert Peel after 1830. L., 1972. P. 59–60.

14. *Gash N.* Reaction and Reconstruction in English Politics 1832–1852. Oxford. 1965. P. 17.

15. *Gash N.* Politics in the age of Peel. A study in the technique of Parliamentary representation 1830–1850. N. Y. P. 393.

16. *Hanham H. J.* The XIX Century Constitution. 1815–1914. Documents and Commentary. Camb. 1968., P. 238.).

17. HPD (Hansard Parliamentary Debates) 1833, V. 15. P. 366–386).

18. The Letters of Queen Victoria. A selection from Her Majesty's correspondence between the years 1837 and 1861. Ed. By A. Ch. Benson. L., 1907, v. 1. P. 200.
19. Lord Butler / ed /. The Conservatives: a History from the Origins to 1965. L. 1977.
20. Memoirs by the right Honourable Sir R. Peel. L. 1858. P. 11, 13.
21. Morning Post. 1835, 7 september; 1845. 7 July.
22. Morley J. The Life of William Edvard Gladstone. L.-N. Y. 1905. V. 1. P. 248.
23. Norton Ph., Aughey A. Conservatives and Conservatism. L. 1981. P. 25–26; P. 70–71.
24. Punnet R. British Government and Politics. N. Y., 1968. P. 106.
25. *Quarterly Review*. L. 1838, V 48., No. 96. P. 544, 547; V. 61, No. 122. P.. 511–518, 537–538.
26. *Sir R. Peel*. From his Private Papers. Ed. By B. Parkers Ch. St. N. Y. 1970. V 2. P. 212; 486.
27. Thursfield J. R. Peel. L. 1898. P. 181.
28. Times, 1835, 3 September; 1841. 2 September; 1841 6, 11, 13 September.
29. Who's who of British members of Parliament 1832–1885. L. 1976. P. 232.

G. F. Gorbashova

Mari State University, Yoshkar-Ola

**R. PEEL – SPECIMEN OF THE NEW POLITICAL ELITE OF BRITAIN
THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY**

The article is dedicated to notable representative of english political elite – R. Peel. The process of the emergence of new type politician is shown through the analysis of the English sources. The study is focused on his ideas, conservative principles, working up new tactics and strategic, characteristic features of new type politician.

Keywords: parliamentary reform 1832, R. Peel, Tamworth Manifesto, conservative party, liberal conservatism, political elite.

УДК 94(470.343)«1921/1930»

В. С. Григорьев

**Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары**

ОБЩЕСТВЕННАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КРЕСТЬЯН МАРИЙ ЭЛ В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье исследуется роль крестьянских комитетов общественной взаимопомощи Марийской автономной области в преодолении стихийных бедствий, массового голода в Поволжье начала 20-х годов XX в., реализации функций органов социального обеспечения в марийской деревне и проведении мероприятий по кооперированию крестьян в условиях осуществления новой экономической политики после Гражданской войны в России.

Ключевые слова: новая экономическая политика (НЭП), крестьянские комитеты взаимопомощи, голод в Поволжье, социальное обеспечение, кооперирование крестьянства.

Актуальность исследования темы состоит в важности учета в описании современного менталитета россиян таких социально-исторических феноменов, как общественная солидарность, взаимопомощь крестьянства, и связана с недостаточной изученностью данной проблемы в ряде регионов страны.

Общественная солидарность российских крестьян в форме хозяйственной и социально-бытовой взаимопомощи была заметным фактором сельской жизни еще до XX столетия, а в советский период ее организация стала особым направлением социальной политики властей как в центре, так и на местах. Первые рекомендации советам всех уровней по целенаправленной организации взаимопомощи в деревне на принципах самодеятельности и добровольности были изложены в декрете Совета народных комиссаров (правительства РСФСР) от 14 мая 1921 г., который предусматривал создание крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (ККОВ, кресткомы) для решения насущных проблем социального обеспечения крестьян и оказания поддержки сельским хозяйствам, пострадавшим в период Первой мировой и Гражданской войн [7].

Решение о создании кресткома в той или деревне, волости принималось на сходах, собраниях крестьян. Так, сход Миняшкинского сельского общества Козьмодемьянского кантона Марийской автономной области постановил: «Помогать по силе возможности всем нуждающимся гражданам своего общества по доброй воле и социалистической совести, как помогали и поддерживали друг друга до настоящего времени...» [2, оп. 1, д. 7, л. 6]. Идею организации общественной взаимопомощи с энтузиазмом встретили малоимущие крестьяне, особенно те, кто в собственном жизненном опыте прочувствовал беды многолетних военных событий в стране. Ко дню

первой годовщины издания декрета Совнаркома о кресткомах в Марийской автономной области было организовано 728 сельских и 30 волостных крестьянских комитетов общественной взаимопомощи [5].

Для осуществления мер по оказанию социальной поддержки односельчанам кресткомы создавали фонды взаимопомощи. На начальном этапе главным источником их формирования было самообложение, сбор пожертвований. Впоследствии формы взаимопомощи расширились: применялись общественные запашки на нужды взаимопомощи, трудовая помощь в строительных и сезонных сельскохозяйственных работах, предпринимательская деятельность, льготное кредитование и обслуживание на хозяйственных предприятиях ККОВ и т. д. В связи с наступлением голодной стихии в Поволжье летом 1921 г. кресткомы получали в свои фонды для перераспределения голодающим детям и сельчанам продовольствие и предметы первой необходимости, поступающие от центральных и местных органов помгола (комиссий Всероссийского центрального исполнительного комитета и региональных Советов по организации помощи голодающему населению). В районах, охваченных голодом, кресткомы собирали также предметы роскоши и первой необходимости для обмена на продовольствие в урожайных местностях. Так, в Краснококшайском (Йошкар-Олинском) кантоне Марийской автономной области среди коммунистов и активистов провели сбор золотых и серебряных вещей, что дало в пользу голодающих три с лишним миллиона руб. [3, оп. 1, д. 8, л. 92–93].

В Марийской автономной области деятельность комитетов взаимопомощи имела большое значение и в работах по устранению последствий лесных пожаров, бушевавших здесь в течение мая – июля 1921 г. и полностью уничтоживших 12 селений, множество

отдельных домов в ряде деревень и почти 200 тыс. га лесных массивов. В таких условиях кресткомы выдали 250 пострадавшим семьям льготный лесоматериал для восстановления жилищ, распределили среди крестьян около 2 тыс. кос. Народный комиссариат социального обеспечения России в июле–ноябре 1921 г. перечислил пострадавшим от стихийных бедствий в Марийской автономной области 435 млн руб. В апреле 1922 г. область получила от Наркомсобеса еще 500 млн руб., которые были распределены пропорционально числу волостных комитетов взаимопомощи: Краснококшайскому кантону – 250 млн руб., Козьмодемьянскому – 160 млн руб. и Сернурскому – 90 млн руб. [2, оп. 1, д. 12, л. 105,156].

В условиях борьбы с голодом 1921–1922 гг. губернии, наименее пострадавшие от засухи и получившие сносный урожай, были прикреплены к голодающим районам для оказания шефской помощи. При поддержке центральных государственных органов на местах открывались пункты питания; дети и инвалиды войны передавались под опеку благополучных регионов. В числе 2 тыс. беженцев и инвалидов, прибывших в Пензенскую губернию, состояли инвалиды, эвакуированные в сентябре 1921 г. из Марийской автономной области и размещенные в мастерских губернского отдела соцобеспечения [4, оп. 2, д. 1392, л. 124 об.; д. 773, л. 7; д. 1391, л. 179; д. 1392, л. 26,3,4 об., 61]. Соответственно, кресткомы этой губернии поставляли инвалидным домам продукты питания, передавали эвакуированных голодающих на попечение в относительно благополучные крестьянские семьи. Представитель Марийской автономной области осенью 1921 г. принял участие во Всероссийском совещании работников социального обеспечения, которое приняло решение о более тесном взаимодействии организаций социальной защиты населения страны.

В обстановке преодоления экстремальных условий голода кресткомы стали больше внимания уделять восстановлению разоренных крестьянских хозяйств и развитию предпринимательства на селе, используя возможности НЭПа. Крестьянская взаимопомощь становилась важным подспорьем в своевременном проведении сезонных полевых работ, доставке и выборочном распределении трудоспособным крестьянским дворам семенного материала, выданного правительством под посев. Забота о содействии маломощным, безлошадным хозяйствам и семьям инвалидов была весьма кстати в связи с тем, что часть обессилевшего от голода населения невольно «обрекала себя на голодную смерть и не выходила даже поднимать пар, считая излишней трату энергии» [3, оп. 1, д. 50, л. 4]. Постепенное восстановление крестьянских хозяйств и укрепление фондов взаимопомощи позволили кресткомам

Марийской автономной области принять участие в оказании помощи регионам, пострадавшим от наводнений 1924 г. По решению Центрального комитета КОВ РСФСР от 4 ноября 1924 г. кресткомы Марий Эл наравне с Нижегородским, Северо-Двинским, Вятским, Башкирским, Татарским региональными комитетами взаимопомощи были прикреплены для оказания помощи самарским кресткомам [1].

Оптимальным средством преодоления зависимости крестьян от стихийных природных явлений и радикального повышения производительных сил деревни называлось в тот период кооперирование и коллективизация сельского хозяйства. Соответственно, комитеты взаимопомощи вовлекались в деятельность по развитию кооперативного движения, прежде всего путем выделения средств на вступительные взносы за бедноту, пропаганды лучших примеров налаживания крестьянских хозяйств при содействии кооперации, личного примера членов кресткомов в активной кооперативно-колхозной работе. Так, в соответствии с решениями XIII съезда Российской компартии, в результате очередной пропагандистской кампании за октябрь 1926 г. – август 1927 г. комитеты взаимопомощи Марийской автономной области вовлекли в кооперативы 701 человека. Создавались артели и коллективы на подрядные кустарно-промысловые и сельскохозяйственные работы; крестьяне объединялись в группы по совместной покупке и эксплуатации техники и инвентаря, совместной обработке земли, переработке сельхозпродукции и т. д. Кресткомы становились организаторами кустарных производств, предприятий по переработке сельхозпродукции, местной промышленности. В целом по России в 1929 г. за комитетами КОВ числилось 14545 предприятий, в том числе 7973 мельницы и крупорушки, 1234 сыроваренных и маслобойных заводов, 1685 кирпичных и черепичных заводов; 3653 единицы других предприятий и производств – кузниц, слесарных и столярных мастерских, зерноочистительных, случных и лесопильных пунктов, паромных переправ, пунктов проката сельскохозяйственного инвентаря, машин и т. д. [6, с. 10].

В условиях массовой коллективизации советской деревни с 1930 г. комитеты взаимопомощи основным своим составом вступали в сельхозартели (колхозы) и передавали им свои фонды, предприятия, технику и все имущество. В колхозной деревне функции социальной поддержки сельчан вплоть до введения системы государственных пенсий для колхозников (1964 г.) выполняли кассы общественной взаимопомощи колхозов.

Таким образом, важным направлением реализации новой экономической политики советской власти 20-х годов XX в. являлась организация общественной взаимопомощи крестьян, которая использовалась

главным образом для осуществления функций органов социального обеспечения в деревне, оказания коллективной помощи сельчанам и их хозяйствам, пострадавшим от социальных и стихийных бедствий.

1. Взаимопомощь. 1924. 18 ноября.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Фонд 36 «Отдел социального обеспечения Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Марийской автономной области».
3. ГА РМЭ. Фонд П-1 «Марийский республиканский комитет КП РСФСР, 1921–1991».
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Фонд А-413 «Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР».
5. Известия Народного комиссариата социального обеспечения. М.: НКСО. 1922. 22 мая.
6. Крестьянская взаимопомощь. 1930. № 13.
7. Об улучшении постановки дела социального обеспечения рабочих, крестьян и семейств красноармейцев: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). М.: 1921–1941 гг.

1. Vzaïmopomoshch'. 1924. 18 noyabrya.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy E' (GA RME'). Fond 36 «Otdel sotsial'nogo obespecheniya Ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov Mariyskoy avtonomnoy oblasti».
3. GA RME'. Fond P-1 «Mariyskiy respublikanskiy komitet KP RSFSR, 1921–1991».
4. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF). Fond A-413 «Narodnyy komissariat sotsial'nogo obespecheniya RSFSR».
5. Izvestiya Narodnogo komissariata sotsial'nogo obespecheniya. M.: NKSO. 1922. 22 maya.
6. Krest'yanskaya vzaïmopomoshch'. 1930. № 13.
7. Ob uluchshenii postanovki dela sotsial'nogo obespecheniya rabochikh, krest'yan i semeystv krasnoarmeytsev: Dekret Soveta narodnykh komissarov RSFSR // Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR (SU RSFSR). M.: 1921–1941 gg.

V. S. Grigor'ev

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

**SOCIAL SOLIDARITY IF MARI EL PEASANTS IN THE CONDITIONS
OF AGRICULTURE RECONSTRUCTION AND DEVELOPMENT
IN THE 20S OF THE XXTH CENTURY**

The article deals with the role of peasants' committees of mutual aid in the Mari autonomous region in overcoming natural calamity, massive starvation in the Volga region at the beginning of the 20s of the XXth century, realization of functions of social security authority in the Mari village and taking measures to organize the peasants in the conditions of New Economic Policy after the Civil War in Russia.

Keywords: New Economic Policy, peasants' committees of mutual aid, starvation in the Volga region, social security, organization of peasants.

УДК 94(470.344)«192»:342.1+94(470.41)«192»:342.1

М. А. Зыков

**Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары**

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ТЕРРИТОРИЙ ЧУВАШИИ И ТАТАРСТАНА В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема территориальных споров между Чувашией и Татарстаном в 20-е годы XX в. Описаны основные этапы разрешения этого вопроса между двумя регионами Среднего Поволжья. Акцентируется внимание на том, что острая территориальная проблема была решена мирным путем.

Ключевые слова: государственность малочисленных народов, территориальные споры, чувашская автономия, Татарская АССР, демаркация границ.

Актуальность темы исследования определяется возможностью использования исторического опыта решения территориальных споров в русле мирных конструктивных дискуссий. 1920-е годы в истории Чувашии характеризуются резким обострением территориальных вопросов с соседними субъектами. В тяжелых условиях революционных событий февраля – октября 1917 г. не было определенности, что ждет в будущем малые народности России. Поэтому среди чувашского населения развернулись процессы национального сплочения вокруг идеи самоопределения.

Вопрос о государственности чувашского народа решался долго, тяжело. Реальным шагом в этом деле стало внесение 3 января 1920 г. в Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР проекта о создании Чувашской трудовой коммуны» [3]. Основопологающим принципом данного проекта было образование административно-территориальной единицы с обеспечением чувашам Сурско-Волжского междуречья этнически компактного проживания в особой национальной области на правах губернии. В результате дальнейшей работы коммунистов Чувашской секции в Казани¹, работников Чувашского отдела при Наркомнаце и ряда наркоматов руководством компартии и советского правительства 24 июня 1920 г. был принят исторический декрет «Об Автономной Чувашской области», подписанный Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным, Председателем ВЦИК М. И. Калининым и секретарем ВЦИК А. С. Енукидзе [4]. В соответствии с декретом ВЦИК от 21 апреля 1925 г. Чувашская автономная область (ЧАО) была преобразована в Чувашскую Автономную

Социалистическую Советскую Республику (ЧАССР). Центром республики стал город Чебоксары [6].

В ходе государственного строительства Чувашии, создания ЧАО, а затем ее преобразования в ЧАССР остро встали территориальный вопрос и проблема установления границ республики с другими регионами России. Сложно решались вопросы размежевания Чувашии с Татарской республикой и Марийской автономной областью. Установленная территория Чувашской автономии оказалась меньше предложенной в проекте Чувашской трудовой коммуны. В ЧАО вошли следующие территории: Чебоксарский, Цивильский, Ядринские уезды Казанской губернии, часть волостей Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии и Козьмодемьянский уезд Казанской губернии. Эта территория составляла 10335 кв. верст (11,66 тыс. кв. км.), на ней находилось 4 города (Чебоксары, являвшиеся административным центром, Маринский Посад, Цивильск, Ядрин) и 1738 сельских населенных пунктов, где проживали 805 тыс. чел. [7]. Поскольку декрет определил лишь общие очертания территории Чувашской области, то требовались детализация и уточнение ее внешних границ.

Значительную часть времени занял вопрос о размежевании границ Чувашии и Татарстана. Поэтому в течение второй половины 1920–1921 гг. органами управления двух автономий подробно изучался вопрос о смежных пограничных территориях, их национальном составе, о позициях самого населения этих территорий по вопросам принадлежности той или иной автономии. 13 сентября 1920 г. была создана Административная комиссия при отделе управления Чувашской области. В дальнейшем же, по указанию замнаркома внутренних дел РСФСР М. Ф. Владимирского, была сформирована смешанная комиссия по Татарской АССР и Чувашской области. Эта комиссия выработала общие принципы, которых необходимо

¹ Первый Всероссийский съезд чувашских секций и ячеек РКП(б) и активных работников коммунистов-чуваш, созданный в начале 1920 г. в Казани по инициативе Д. С. Эльменя и С. А. Корицева, рассмотрел вопрос об образовании Чувашской автономной области.

было придерживаться в процессе административно-территориального размежевания, – за основу принимаются те границы, которые были установлены декретами ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике» от 27 мая 1920 г. и «Об Автономной Чувашской области» от 24 июня 1920 г. [2]. В сентябре 1921 г. был выработан согласованный проект детализации границ Татарстана и Чувашии. 22 сентября этот проект внесен Административной комиссией на Президиум ВЦИК, где он был утвержден. Был принят декрет «Об изменениях в очертаниях границы между Автономной Татарской Социалистической Советской Республики и Автономной Чувашской области», по которому были внесены следующие изменения в очертания границы между АТССР и АЧО: к Чувашской области присоединялись – волости Ново-Шимкусская Тетюшского кантона, Шихирданская, Шемалаковская, Батыревская и селения Убей-Начарово и Ишмурзино Энтугановской волости Буинского кантона Татарской ССР; селения Алексеевской волости: Ново-Андиберово, Апан-Демяши, Байдеряково, Байглычево, В.-Яльчики, Избахтино, М.-Яльчики, Н.-Байдеряково, Н.-Имбулаево, Н.-Изимбаево, Н.-Тойдеряково, С.-Янашево, Н.-Янашево, Таскаево, селения В.-Таябинской волости: Новопоселенная Тояба, Байбердино, Арокчеево, Кужелка, В.-Воложка, В.-Тояба и М.-Тояба Тетюшского кантона Татарской ССР включаются в состав Автономной Чувашской Области. Что же касается Татарской ССР, то в нее включались: селения Чувашские Ишли и Матаки Шемуршинской волости присоединялись к Буинскому кантону, селения Айдарово, Акзегитово, Бакарчи, Кугушево, Тугаево и Сунчалеево Ново-Ковалинской волости, Бельштыбердино и Чутеево Кошелевской волости, селения Хозесаново, Малькеево, С.-Курбаши, Ст. Тябердино, Ново-Ишино, Янгозино-Суринск и Вторая Александровка Старо-Тябердинской волости Цивильского уезда Чувашской области [9].

Таким образом, в ноябре 1921 г. из Татарской ССР в ЧАО были приняты 64 селения с населением 47,4 тыс. человек, а из Чувашии перечислено 17 населенных пунктов с числом жителей около 21 тыс. человек. Площадь области увеличилась до 13105 кв. верст, а ее население на 1 января 1922 составило 831,4 тыс. человек [10].

Хотя и был принят декрет Президиума ВЦИК от 22 сентября, который устанавливал границы между двумя субъектами, споры между ними еще не были закончены. По поручению облисполкома Советов ЧАО Административная комиссия областного управления приступила к составлению проекта нового разграничения территорий между двумя субъектами РСФСР. В итоге был подготовлен проект, который предусматривал расширение автономии путем присоединения

территорий за счет Ульяновской (включая г. Ульяновск как будущую столицу), Самарской (Мелекесский уезд) губерниях, Татарской АССР (часть Буинского кантона) и Нижегородской губернии (часть Васильсурского уезда) [3, с. 106]. Площадь будущей республики должна была составлять 37 тыс. кв. км, население – около 1,5 млн человек (чувашское население – 51 %, от всех чувашей страны 70 %).

Этот проект был представлен во ВЦИК 9 февраля 1924 г. [4, с. 62]. В ходе обсуждений и долгих споров этот проект был отклонен. Но взамен постановлением ВЦИК от 21 апреля 1925 г. ЧАО была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику в ранее установленных границах. 20 июня этого же года ВЦИК принимает постановление «О расширении границ Автономной Чувашской ССР». Согласно этому проекту к Чувашской АССР были присоединены г. Алатырь и 3 волости Алатырского уезда Ульяновской губернии – Алатырский, Кувакинский и Порецкий. В Чувашскую АССР вошло 107 селений и 1 город с общим числом жителей 121,5 тыс. человек. Площадь новой республики составила 18309 кв. км, по переписи населения 1926 г. – более 809 тыс. человек, в том числе чувашей – 74,6 %, русских – 20 %, татар – 2,5 %, мордвы – 2,7 %. В результате изменений, связанных с образованием ЧАССР, в ее составе стало 5 уездов с 61 волостью: Алатырский с 3 укрупненными волостями, Батыревский с 12, Цивильский с 13, Чебоксарский с 14 и Ядринский с 19 волостями [10].

Таким образом, постепенно были сформированы современные границы юго-востока Чувашии, которые оставались почти неизменными по настоящее время. Однако следует заметить, что в Республике Татарстан все еще остаются чувашские деревни; их насчитывается 170, среди них: Старые Савруши, Чувашские Кищаки, Большое Шемякино, Старое Ильмово, Убей, Чувашское Дрожжаное, Матаки, Егоркино, Салдакаево, Старое Иглайкино, Кошки-Новотимбаево, Чувашское Черепаново и др. [7].

Становление границ всегда приводит к трудностям, часто именно споры из-за территорий приводят к вражде, и территориальные споры являются причиной разорительных войн. Современный мир характеризуется резким обострением межнациональных, территориальных споров между различными нациями, государствами. Так, очень продолжительную историю имеет проблема на Ближнем Востоке – противостояние Израиля и Палестины. Предметом спора между двумя государствами является территориальный вопрос – споры из-за западного берега Иордан. Эту проблему правительства двух государств не могут решить мирным путем, поэтому между ними идет жестокое военное противостояние. Особую актуальность территориальные

проблемы приобрели в 2014 году, когда на Украине произошел государственный переворот. Не все группы населения признали законным этот переворот; например, республика Крым и город Севастополь в марте 2014 г. провели референдум и по его итогам объявили о своем присоединении к России. Украина при поддержке США и европейских стран все еще продолжает устраивать демарши против Российской Федерации.

Территориальные споры, которые велись между Татарстаном и Чувашией в условиях становления советской государственности, прошли мирно, без кровопролития. Это внесло свою лепту в налаживание конструктивного сотрудничества как между регионами, так и в отношениях социальных слоев внутри республик и в целом в стране [1, с. 230]. Исторический опыт налаживания конструктивного взаимодействия между автономными республиками РСФСР является поучительным примером для многих поколений политиков всех стран и национальностей.

1. Григорьев В. С. Организация общественной взаимопомощи российского крестьянства (1921–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. М.: 1997. 530 с.

2. Иванов В. П., Клементьев В. Н. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 191 с.

3. История Чувашии новейшего времени. 1917–1945 / А. В. Изоркин, В. Н. Клементьев, Г. А. Александров. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. Кн. 1. 261 с.

4. Минеева Е. К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской и Чувашской республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары: Чувашский гос. ун-т, 2007. 300 с.

5. Николаев И. В. Историко-правовые аспекты формирования чувашской государственности: учеб. пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2000. 85 с.

6. О преобразовании Чувашской автономной области в Чувашскую Автономную Социалистическую Советскую республику: Декрет ВЦИК от 21 апреля 1925 г. // Правовая система Консультант-плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=29470>

7. Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республике: Декрет ВЦИК от 27 мая 1920 г. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/91vistavki/64_tassr

8. Об Автономной Чувашской области: Декрет ВЦИК и СНК // Декреты советской власти. Т. 9 (июнь–июль 1920 г.). М., 1978. С. 159–160.

9. Об изменениях в очертаниях границы между Автономной Татарской Социалистической Советской Республики и Автономной Чувашской области: Декрет ВЦИК от 22 сентября 1921 г. // Правовая система Консультант-плюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30218>

10. Чувашская электронная энциклопедия. URL: <http://enc.cap.ru/>

1. Grigor'ev V. S. Organizatsiya obshchestvennoy vzaimopomoshchi rossiyskogo krest'yanstva (1921–1941 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. M.: 1997. 530 s.

2. Ivanov V. P., Klement'ev V. N. Obrazovanie CHuvashskoy avtonomii: predposylki, proekty, etapy. CHEboksary: CHuvash. kn. izd-vo, 2010. 191 s.

3. Istoriya CHuvashii noveyshego vremeni. 1917–1945. Kn. 1 / A. V. Izorkin, V. N. Klement'ev, G. A. Aleksandrov. CHEboksary: CHuvash. kn. izd-vo, 2001. 261 s.

4. Mineeva E. K. Narkomnats i stanovlenie Mariyskoy, Mordovskoy i CHuvashskoy respublik: istoricheskiy opyt i uroki. CHEboksary: CHuvash. gos. un-t, 2007. 300 s.

5. Nikolaev I. V. Istoriko-pravovye aspekty formirovaniya chuvashskoy gosudarstvennosti: uch. pos. CHEboksary: CHuvash. gos. un-t, 2000. 85 s.

6. O preobrazovanii CHuvashskoy avtonomnoy oblasti v Chuvashskuyu Avtonomnuyu Sotsialisticheskuyu Sovetskuyu respubliku: Dekret VTSIK ot 21 aprelya 1925 g. // Pravovaya sistema Konsul'tant-plyus. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=29470>

7. Ob Avtonomnoy Tatarskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respublike: Dekret VTSIK ot 27 maya 1920 g. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/main/?path=/pages/ru/2nart/91vistavki/64_tassr

8. Ob Avtonomnoy CHuvashskoy oblasti: Dekret VTSIK i SNK // Dekrety sovetskoy vlasti. Т. 9 (iyun'–iyul' 1920 g.). М., 1978. S. 159–160.

9. Ob izmeneniyakh v ochertaniyakh granitsy mezhd Avtonomnoy Tatarskoy Sotsialisticheskoy Sovetskoy Respubliki i Avtonomnoy CHuvashskoy oblasti: Dekret VTSIK ot 22 sentyabrya 1921 g. // Pravovaya sistema Konsul'tant-plyus. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=30218>

10. CHuvashskaya elektronnaya entsiklopediya. URL: <http://enc.cap.ru/>

М. А. Зыков

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

DEMARICATION OF THE TERRITORIES OF CHUVASHIA AND TATARSTAN IN THE 20S OF THE XXTH CENTURY

The article deals with the problem of the territorial dispute between Chuvashia and Tatarstan in the 20s of the XXth century. The main stages of the settlement of this question between these two Middle Volga regions are described in the article. The fact that this vexed territorial problem was solved peacefully is emphasized in the article.

Keywords: nationhood of minorities, territorial dispute, Chuvash autonomy, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, boundary demarcation.

УДК 908

А. А. Иванов

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
МАРИЙСКОГО ОБЛАСТНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ (1926–1937):
СОСТАВ И ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

В статье рассматриваются основные документальные комплексы, сложившиеся в результате деятельности Марийского областного общества краеведения. Анализируются отдельные документы, составляющие основу регионального историко-документального краеведческого наследия, в частности, анкеты и опросные листы. Определяются археографические особенности всех разновидностей исторических источников и их информативные возможности.

Ключевые слова: краеведение, Марийская автономная область, крестьянство, историко-документальное наследие, археография, источниковедение.

Статья подготовлена при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Республики Марий Эл.

*Проект № 13-11-12002а/В «Марийское областное общество краеведения
(1926–1937 гг.): проблемы археографического и источниковедческого
изучения документального наследия».*

Изучение истории Марийского областного общества краеведения (1926–1937) одноименной автономной области имеет сравнительно недавнюю историографическую традицию. Исследования по организации и функционированию этой общественно-научной организации в местной историко-краеведческой литературе, после непродолжительного всплеска публикаторской активности 20-х – первой половины 30-х годов XX века, появляются только во второй половине 1980-х – 1990-е годы, что было связано с общими тенденциями развития отечественных гуманитарных наук, актуализацией проблем изучения «белых пятен» российской истории, одним из которых и было названо «золотое десятилетие» советского краеведения [37]. Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В. М. Васильева были организованы юбилейные конференции (с последующей публикацией материалов), посвященные творческому наследию наиболее известных деятелей краеведения – языковеда Валериана Михайловича Васильева, этнографа Тимофея Евсеевича Евсева, историка и экономиста Михаила Николаевича Янтемира [4, 25, 26]. В обзорных статьях О. А. Требушковой и Г. Н. Айплатова были выделены основные этапы деятельности местных краеведческих организаций, их состав, главные направления деятельности и конкретные достижения [1, 34, 35]. Затем последовал двадцатилетний перерыв в изучении истории марийского краеведения. И только в последние годы стали реализовываться высказанные ранее идеи

о полномасштабном анализе деятельности Марийского областного общества краеведения, в том числе на уровне диссертационных исследований (монографий) и публикации его историко-документального наследия. Эти идеи нашли практическое воплощение в коллективной статье Г. Н. Айплатова, А. Г. Иванова и А. А. Иванова [2], нескольких публикациях И. Ф. Ялтаева, Н. Е. Фищенко и Л. Николаевой-Янтемира [30, 36, 40]. Были изданы отдельные документы по краеведческой тематике [39], а в 2012 году впервые были опубликованы протокол учредительного собрания, устав областного общества изучения местного края и некоторые другие материалы об истоках марийского краеведения [3]. Однако по-прежнему нетронутым исследователями остается значительный пласт исторических свидетельств, имеющих отношение к историко-документальному наследию Марийского областного общества краеведения. На повестке дня стоит вопрос о полномасштабном вовлечении в научный оборот всех известных материалов (как документальных коллекций, так и отдельных документов), отложившихся в результате его деятельности.

Известно, что с первых шагов своей работы учредители краеведческого общества планировали организовать сбор сведений по истории, этнографии, экономике, культуре населения области методом анкетирования с помощью разнообразных вопросников, программ и опросных листов, направляемых непосредственно на места. Таким образом, преследовались две цели: осуществлялся сбор фактической

информации и максимально широко пропагандировались краеведческие знания. Часть такого рода «инструкций» появилась еще до организационного оформления общества краеведения [22]. Основной же их массив был разработан на рубеже 1920–1930-х годов, что было в целом типично для большинства краеведческих организаций Союза ССР [24, 32].

В фонде Марийского областного общества краеведения Государственном архиве Республики Марий Эл (ГА РМЭ) выявлено несколько десятков проектов вопросников для сбора информации буквально обо всех аспектах жизнедеятельности многонационального, главным образом, сельского населения Марийской автономной области (МАО). Вот лишь наиболее любопытные и оригинальные из них, учитывающие специфику автономии: «Программа монографического обследования деревни», «Программа обследования кооператива», «Программа обследования ремесленника или кустика», «Программа изучения условий здравоохранения в деревне», «Программа по изучению торфяных болот», «Программа изучения погоды и климата», «Программа изучения сельскохозяйственного птицеводства деревни», «Программа по изучению быта деревни и школ», «Программа по собиранию материалов для составления краеведческого словаря марийского языка», «Программа изучения национальных марийских и других игр» и т. д. [11–13]. Всего к концу 1920-х годов было отобрано 12 анкет (по данным на 1928/1929 хозяйственный год), которые распространялись по филиалам общества краеведения в кантонах (уездах) и отдельным краеведческим ячейкам. Такое тематическое разнообразие сами краеведы признавали недостаточным. В отчетном докладе Марийского областного общества краеведения за 1929/1930 хозяйственный год прямо указывалось: «Совсем плохо было дело со снабжением программами. За неимением их, к тем 12 основным программам, которые были посланы отделением еще в 1928/1929 году, удалось прибавить только программу описания деревни МАО (М. Янтемир)» [15, л. 7]. Но не только это составляло сложность в сборе сведений с мест. Многие вопросники, распространяемые обществом из областного центра, были по разным обстоятельствам проигнорированы низовыми краеведческими структурами, поэтому полноценные, в той или иной степени представительные коллекции документальных свидетельств современников 1920–1930-х годов отложились в фонде областной краеведческой организации только по некоторым задуманным обследованиям. Одним из них было описание сельских населенных пунктов области по программе, составленной ученым секретарем общества краеведения М. Н. Янтемиром [31].

Вопрос о сборе информации по отдельным деревням МАО ставился краеведческими организациями

неоднократно на протяжении второй половины 1920-х годов, но в практическую плоскость он перешел уже после начала коллективизации сельского хозяйства. 3 мая 1930 года программа «описания деревни и колхоза» была рассмотрена, рекомендована к печати и рассылке на места на заседании бюро Марийского областного общества краеведения [10, л. 143]. Еще ранее проект программы, подготовленной М. Н. Янтемиром, был обсужден слушателями областного педагогического техникума.

В предисловии к программе подчеркивалась особая актуальность проведения данной работы именно сейчас, во время глобальных социальных преобразований и реконструкции народного хозяйства, «когда старое быстро сменяется новым, учет всех перемен и сдвигов в хозяйственной технике, социальном строе, домашнем быту, общественной жизни и народной психике является большой необходимостью». Причем главной надеждой общества краеведения в выполнении предстоящей работы становились сельские учителя и «сельские краеведы». Им поручалось выявить максимум сведений, опираясь на все доступные материалы: личные наблюдения, литературу, материалы делопроизводства низовых органов управления, рассказы старожил и т. д. Приводимые факты предлагалось обосновывать ссылками на источники, а явления показывать в динамике. Важнейшим пунктом программы являлась обязательная подача любой информации в национальном разрезе [31, с. 4–5].

Опубликованный текст программы состоял из 16 разделов, охватывающих вопросы истории, географии, этнографии, экономики, общественной жизни и культурного развития конкретного сельского населенного пункта [31, с. 6–36]. Последовательное заполнение каждого из них при соблюдении инструкций позволяло составить более чем детальное описание отдельно взятой деревни, села или даже сельской округи («района сельсовета»). Каждый из разделов включал в себя несколько пунктов, многие из которых сопровождались наводящими вопросами и возможными примерами. Наиболее информативными из них и в количественном и в качественном отношении следует признать три раздела: исторический (21 пункт с подробными данными по прошлому населенного пункта с момента его возникновения), о хозяйственной деятельности населения и «быт населения». Два последних из них дополнительно дробились на подразделы (11 в первом случае и 4 во втором), а уже затем на пункты (их число могло достигать 28).

В архивном фонде областной краеведческой организации ГА РМЭ отложились два подлинных описания, составленных по программе М. Н. Янтемира. Оба составлены в том же 1930 году. Судя по протоколам

заседания бюро Марийского областного общества краеведения, первой из представленных стала работа слушателя областных педагогических курсов С. А. Куприянова, посвященная селу Емешево Козьмодемьянского кантона МАО. Работа была выполнена на марийском языке. Ее содержание было заслушано на заседании бюро 14 сентября 1930 г. Выяснилось, что «работа Куприянова есть первый опыт составления описания по данной обществом программе; работу ведут и другие педкурсанты, но пока не закончили». Само «Описание села Емешево», помимо текстовой части, было снабжено иллюстрациями, планами, диаграммами и образцами полезных ископаемых «района деревни» и в целом «заслуживает внимания» и вероятно, публикации («после тщательного просмотра и одобрения надо отпечатать»). Бюро поручило двум членам общества, в том числе одному члену бюро, дать письменный отзыв на материалы, подготовленные Куприяновым [10, л. 327–327 об.]. До публикации дело не дошло, но из годового отчета Марийского областного общества краеведения за 1929/1930 хозяйственный год известно, что рукопись была готова к изданию в виде отдельной брошюры [15, л. 2].

Имеющийся в нашем распоряжении подлинник описания села Емешево включает в себя только текстовую часть, выполненную на горном наречии марийского языка. Отсутствуют упомянутые выше приложения. Не известна также точная дата написания рукописи. В содержательном плане текст описания включает 16 разделов в точном соответствии с преподанной программой и саму программу в сжатом виде на русском языке. В составе фонда Марийского областного общества краеведения Центрального общества краеведения РСФСР ГА РМЭ описание села Емешево выделено в самостоятельное тематическое дело [16, л. 2–74].

Другое из обнаруженных «описаний» заслуживает особого внимания, прежде всего благодаря своей полноте и качеству представленных сведений. (Сам источник выполнен карандашом с большим количеством исправлений и дополнений и хранится в составе одного из дел упомянутого фонда вместе с проектами программ и программами других обследований) [14, л. 98–117 об.]. Любопытно и само описанное поселение, вернее, целая округа, его окружающая: крупнейший из сельских населенных пунктов области – деревня Княжна, расположенная вплотную к столице марийской автономии г. Йошкар-Оле. Основанная на рубеже XVI–XVII столетий русскими дворцовыми крестьянами в иноязычном марийском окружении и превратившаяся к началу XX века в зажиточное промысловое село с интенсивно развивающимся сельским хозяйством, она представляла уникальную для историков и этнографов

лабораторию по изучению повседневной жизни многонационального крестьянства региона в условиях не только современности (1920–1930-х годов), но и за несколько предыдущих столетий.

Анонимный автор описания деревни Княжна оказался весьма сведущим и, по-видимому, увлеченным «сельским краеведом». Все пункты рекомендуемой программы были им заполнены, некоторые настолько обстоятельно, что претендуют на самостоятельные микроисторические очерки (например, о христианизации нерусского населения Марийского края, стихийных бедствиях, оставшихся в народной памяти, об археологических памятниках и исторических преданиях, об обрядах, обычаях, верованиях и суевериях как русского, так и окрестного марийского крестьянства, бытовых традициях, а также описание построек, одежды, пищи и т. д.). Масса фактических данных и отдельных деталей, не выявляемых по другим документальным материалам, исторического, этнографического, экономического, культурного плана, заимствованных из самых разнообразных источников, делают данное описание одним из наиболее информативных именно в краеведческом плане, в изучении малой родины. Достаточно привести пример о стихийных бедствиях, постигших это сельское поселение и известных только по «преданиям» старожилов («дедов и прадедов»): эпидемии «азиатской холеры» столетней давности и вымирании четверти поселения, пожаре середины XIX века, уничтожившем деревню, что привело к изменению ее планировки, неурожаях 1877, 1891–1892 и 1922 гг. и связанным с ними голодом с человеческими жертвами и т. д. [14, л. 102 об. – 103].

Отдельно взятый сельский населенный пункт в качестве территориального объекта сбора данных вообще был наиболее распространенной и удобной формой получения максимально представительного в тех условиях документального материала по тематическим программам, которые разрабатывались Марийским областным обществом краеведения на рубеже 1920–1930-х годов. С применением этого принципа строилось проведение большинства обследований. Так было и в случае с изучением «культуры и быта мари и русских» на основе анкет, распространенных обществом в 1934 году предположительно по всем районам автономной области. Первичные материалы, скомпонованные в тематическое дело в составе документов фонда краеведческого общества ГА РМЭ, выявлены только по Йошкар-Олинскому району [17]. Не известна также история разработки программы этого обследования. Ни в одном из планов или отчетов краеведческого общества о нем не упоминается. Тем не менее в распоряжении исследователей на настоящий момент имеется 31 анкета по марийским и русским сельским населенным

пунктам, содержащая скудную, однообразную, но в совокупности своей важную, а в некоторых случаях уникальную информацию историко-этнографического плана о ежебудничной жизни деревни МАО, только что пережившей массовую коллективизацию и раскулачивание.

Каждый опросный лист был отпечатан на пишущей машинке с заранее подготовленными местами для ответов, а в некоторых случаях и с их вариантами, которые необходимо было заполнить или подчеркнуть. (По отдельным вопросам предполагалось, кроме того, описание явлений и фактов). Все анкеты предваряла «программа», своего рода преамбула, дающая общее представление о методике сбора информации и приоритетах, интересующих краеведческую организацию. В частности, из нее известно, что обследование проводится по «выборочной системе». О чем идет речь, точно не известно. Далее уточнялось, что сведения представляются либо в статистической, либо в описательной форме. Особо обращалось внимание на подачу данных «в разрезе изучения культурно-бытового состояния как марийского, так и русского населения». Непосредственно содержательная часть анкеты состояла из шести разделов: «I. Общие сведения»; «II. Санитария и гигиена»; «III. Одежда и обувь»; «IV. Печать»; «V. Культурный отдых»; «VI. Физкультура и спорт» [17, л. 1–2]. Каждый из них включал в себя до 15 пунктов. Например, в разделе «Культурный отдых» местные краеведы должны были ответить на вопросы о том, как проводятся вечера-посиделки, ставятся ли спектакли, как часто, кем, имеется ли драмкружок. В обоих случаях предполагалось краткое описание этих форм досуга сельского населения. Далее программа опроса предлагала назвать имеющиеся местные музыкальные инструменты (как общеизвестные, так и национальные) и их количество. В конце раздела выяснялось количество кинопоказов в деревне и наличие радиоустановок. Веянием времени было продиктовано в некоторых случаях разделение ответов по классовому принципу и по линии *колхозник/единоличник* (это относилось ко всем разделам анкеты) [17, л. 1–2].

Материалы других обследований, проводившихся областной краеведческой организацией до момента ее ликвидации в 1937 году, пока известны на уровне программ. Фронтальная проверка дел фонда Марийского областного общества краеведения ГА РМЭ и научного архива Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, фактического ставшего правопреемником и продолжателем краеведческого движения в МАО, не позволила обнаружить иных источников, поступивших с мест в виде анкет, описаний и т. п. Их нахождение не исключено как

в ряде фондов современного Государственного архива Республики Марий Эл (в частности, в фондах Марийского областного исполнительного комитета, областного отдела народного образования, областного краеведческого музея и др. [7–9]), так и – с меньшей долей вероятности – в федеральных архивах (например, в фондах учреждений Наркомпроса РСФСР [20–21]). Таковы предварительные итоги археографической работы, связанной с выявлением и первичным анализом архивных материалов. Известные уже сейчас документальные элементы общего историко-документального наследия, собранного марийскими краеведами, безусловно, найдут свое место в региональной историографии.

Напомним в заключение, что часть краеведческих материалов в интересующем нас плане, не известная по архивным фондам, была опубликована еще современниками 1920–1930-х годов [5, 23, 27–29, 33, 38]. По-прежнему мало востребованные, эти фактические данные дополняют архивные документы, вместе с которыми они составляют общий историко-документальный комплекс.

1. Айплатов Г. Н. Роль Марийского общества краеведения в изучении материальной и духовной культуры марийцев // Вопросы истории культуры народов Среднего Поволжья. Чебоксары, 1993. С. 92–106.

2. Айплатов Г. Н., Иванов А. Г., Иванов А. А. Изучение материальной и духовной культуры марийцев в 20–30-х годах XX века // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. № 3. С. 139–147.

3. Айплатов Г. Н., Фищенко Н. Е. У истоков марийского краеведения // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2012. Вып. 22. С. 217–223.

4. Васильев В. М. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ученого. Йошкар-Ола, 1985.

5. Водоснабжение, питание и жилище в Звениговском и Моркинском кантонах по обследованию 1928–1929 годов. Б. м., 1929.

6. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 45.

7. ГА РМЭ. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 234.

8. ГА РМЭ. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 305.

9. ГА РМЭ. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 389.

10. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 2.

11. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 8.

12. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 10.

13. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 14.

14. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 15.

15. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 19.

16. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 27.

17. ГА РМЭ. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 36.

18. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 810.

19. ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 1011.

20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-2306.
21. ГА РФ. Ф. А-2307.
22. *Егоров Ф.* Об учете, регистрации и охране археологических памятников древности: инструкция для описания городищ, курганов, пещер и мелких случайных находок // *Марийское хозяйство*. Краснококшайск, 1925. № 5. С. 120–123.
23. *И. З.* О марийцах быв[шего] Велужского уезда (По материалам Костромского музея и Костромского научного общества по изучению местного края) // *Марий ильш*. Йошкар-Ола, 1931. Вып. 4. С. 52–68.
24. *Иванов А. А., Загребин А. Е.* Анкеты 1920-х годов: из документального наследия Вятского института краеведения // *Отечественные архивы*. М., 2008. № 4. С. 76–83.
25. Краевед-исследователь М. Н. Янтемир (1887–1938). Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1998.
26. Краевед Т. Е. Евсевьев. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола, 1988.
27. Материалы по изучению экономического и социально-культурного развития народа марий. Краснококшайск, 1926.
28. *Милославский В. В., Лось Л. И.* Питание сельского населения Мари-Турекского кантона Маробласти по данным анкетного обследования 1925–1929 гг. // *Марий ильш*. Йошкар-Ола, 1930. Вып. 3. С. 35–48.
29. *Милославский В. В., Лось Л. И.* Питание сельского населения Торъяльского кантона Маробласти по данным анкетного обследования 1925–1929 гг. // *Марий ильш*. Йошкар-Ола, 1931. Вып. 4. С. 21–36.
30. *Николаева-Янтемир Л.* У истоков марийского краеведения // *Ончыко*. Йошкар-Ола, 2012. № 5. С. 76–85.
31. Программа описания деревни М. А. О. Йошкар-Ола, 1930.
32. Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)». Ижевск; Йошкар-Ола, 2008.
33. *Сигов П.* Марийцы Уральской области // *Марий ильш*. – Йошкар-Ола, 1929. Вып. 1. С. 82–103.
34. *Требушкова О. А.* Изучение деревни 20–30-х годов марийским обществом краеведения // *Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья*. Йошкар-Ола, 1990. С. 230–236.
35. *Требушкова О. А.* Общества изучения местного края и развитие массового краеведческого движения в 20–30-е годы (на примере Марийской и Чувашской автономий) // *Марийский археографический вестник*. Йошкар-Ола, 1992. Вып. 2. С. 41–47.
36. *Фищенко Н. Е.* Вклад Марийского общества краеведения в изучение крестьянства // *Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право*. Сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.). Казань, 2012. С. 377–379.
37. *Шмидт С. О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // *Отечество*. Краеведческий альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 11–27.
38. *Яковлев П. Я.* Марисолинский район Сернурского кантона // *Марий ильш*. Йошкар-Ола, 1929. Вып. 1. С. 44–51.
39. *Ялтаев И. Ф.* Анкета по изучению культуры и быта крестьян д. Кораксола Ашламашского сельсовета Йошкар-Олинского района // *Марийский архивный ежегодник* 2008. Йошкар-Ола, 2008. С. 274–276.
40. *Ялтаев И. Ф.* Культура и быт крестьян МАО по анкетным материалам Марийского общества краеведов 1934 г. // Межрегиональная научная конференция «Социально-культурное развитие народов Поволжья и Приуралья в XX – начале XXI вв.», посвященная Дню марийской письменности и 80-летию со дня рождения заслуженного работника культуры РСФСР М. Т. Сергеева. 8 декабря 2006 г. Йошкар-Ола, 2007. С. 71–74.
1. *Ayplatov G. N.* Rol' Mariyskogo obshchestva kraevedeniya vizuchenii material'noy i dukhovnoy kultury mariytsev // *Voprosy istorii kultury narodov Srednego Povolzh'ya*. SHeboksary, 1993. S. 92–106.
2. *Ayplatov G. N., Ivanov A. G., Ivanov A. A.* Izuchenie material'noy i dukhovnoy kultury mariytsev v 20–30-kh godakh XX veka // *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*. Saransk, 2012. № 3. S. 139–147.
3. *Ayplatov G. N., Fishchenko N. E.* U istokov mariyskogo kraevedeniya // *Mariyskiy arkhеографический вестник*. Yoshkar-Ola, 2012. Vyp. 22. S. 217–223.
4. *V. M. Vasil'ev.* Materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo. Yoshkar-Ola, 1985.
5. *Vodosnabzhenie, pitanie i zhilishche v Zvenigovskom i Morkinskom kantonakh po obsledovaniyu 1928–1929 godov*. B. m., 1929.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy E'l (GA RME')*. F. R-171. Op. 1. D. 45.
7. *GA RME'*. F. R-171. Op. 1. D. 234.
8. *GA RME'*. F. R-171. Op. 1. D. 305.
9. *GA RME'*. F. R-171. Op. 1. D. 389.
10. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 2.
11. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 8.
12. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 10.
13. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 14.
14. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 15.
15. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 19.
16. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 27.
17. *GA RME'*. F. R-189. Op. 1. D. 36.
18. *GA RME'*. F. R-250. Op. 1. D. 810.
19. *GA RME'*. F. R-250. Op. 1. D. 1011.
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)*. F. A-2306.
21. *GA RF*. F. A-2307.
22. *Egorov F.* Ob uchete, registratsii i okhrane arkhеологических pamyatnikov drevnosti: Instruktziya dlya opisaniya gorodishch, kurganov, peshcher i melkikh sluchaynykh nakhodok // *Mariyskoe khozyaystvo*. Krasnokokshaysk, 1925. № 5. S. 120–123.
23. *I. Z.* O mariytsakh byv[shеgo] Vetluzhskogo uezda (Po materialam Kostromskogo muzeya i Kostromskogo nauchnogo obshchestva po izucheniyu mestnogo kraya) // *Mariy ilysh*. Yoshkar-Ola, 1931. Vyp. 4. S. 52–68.
24. *Ivanov A. A., Zagrebina A. E.* Ankety 1920-kh godov: iz dokumental'nogo naslediya Vyatskogo instituta kraevedeniya // *Otechestvennyye arkhivy*. M., 2008. № 4. S. 76–83.
25. *Kraeved-issledovatel' M. N. YAntemir (1887–1938)*. Materialy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya. Yoshkar-Ola, 1998.
26. *Kraeved T. E. Evsev'ev.* Materialy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Yoshkar-Ola, 1988.

27. Materialy po izucheniyu ekonomicheskogo i sotsial'no-kul'turnogo razvitiya naroda mariy. Krasnokokshaysk, 1926.
28. *Miloslavskiy V. V., Los' L. I.* Pitanie sel'skogo naseleniya Mari-Turekskogo kantona Maroblasti po dannym anketnogo obsledovaniya 1925–1929 gg. // *Mariy ilysh. Yoshkar-Ola, 1930. Vyp. 3. S. 35–48.*
29. *Miloslavskiy V. V., Los' L. I.* Pitanie sel'skogo naseleniya Tor'yal'skogo kantona Maroblasti po dannym anketnogo obsledovaniya 1925–1929 gg. // *Mariy ilysh. Yoshkar-Ola, 1931. Vyp. 4. S. 21–36.*
30. *Nikolaeva-YAntemir L.* U istokov mariyskogo kraevedeniya // *Onchyko. Yoshkar-Ola, 2012. № 5. S. 76–85.*
31. Programma opisaniya derevni M. A. O. Yoshkar-Ola, 1930.
32. Revolyutsiya dlya vsekh: Ankety Vyatskogo nauchno-isledovatel'skogo instituta kraevedeniya «Vliyaniye revolyutsii na byt natsmen (1924–1927 gg.)». Izhevsk; Yoshkar-Ola, 2008.
33. *Sigov P.* Mariytsy Ural'skoy oblasti // *Mariy ilysh. Yoshkar-Ola, 1929. Vyp. 1. S. 82–103.*
34. *Trebushkova O. A.* Izuchenie derevni 20–30-kh godov mariyskim obshchestvom kraevedeniya // *Krest'yanskoe khozyaystvo i kul'tura derevni Srednego Povolzh'ya. Yoshkar-Ola, 1990. S. 230–236.*
35. *Trebushkova O. A.* Obshchestva izucheniya mestnogo kraia i razvitie massovogo kraevedcheskogo dvizheniya v 20–30-e gody (na primere Mariyskoy i CHuvashskoy avtonomiy) // *Mariyskiy arkhograficheskiy vestnik. Yoshkar-Ola, 1992. Vyp. 2. S. 41–47.*
36. *Fishchenko N. E.* Vklad Mariyskogo obshchestva kraevedeniya v izuchenie krest'yanstva // *KHozyaystvuyushchie sub"ekty agrarnogo sektora Rossii: Istoriya, ekonomika, pravo. Sbornik materialov IV Vserossiyskoy (XII Mezhhregional'noy) konferentsii istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (g. Kazan', 10–12 oktyabrya 2012 g.). Kazan', 2012. S. 377–379.*
37. *SHmidt S. O.* «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya // *Otechestvo. Kraevedcheskiy al'manakh. M., 1990. Vyp. 1. S. 11–27.*
38. *Yakovlev P. YA.* Marisolinskiy rayon Sernurskogo kantona // *Mariy ilysh. Yoshkar-Ola, 1929. Vyp. 1. S. 44–51.*
39. *Yaltaev I. F.* Anketa po izucheniyu kul'tury i byta krest'yan d. Koraksola Ashlamashskogo sel'soveta Yoshkar-Olinskogo rayona // *Mariyskiy arkhivnyy ezhegodnik 2008. Yoshkar-Ola, 2008. S. 274–276.*
40. *Yaltaev I. F.* Kul'tura i byt krest'yan MAO po anketnym materialam Mariyskogo obshchestva kraevedov 1934 g. // *Mezhhregional'naya nauchnaya konferentsiya «Sotsial'no-kul'turnoe razvitie narodov Povolzh'ya i Priural'ya v XX nachale XXI vv.», posvyashchennaya Dnyu mariyskoy pis'mennosti i 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo rabotnika kul'tury RSFSR M. T. Sergeeva. 8 dekabrya 2006 g. Yoshkar-Ola, 2007. S. 71–74.*

A. A. Ivanov

Mari State University, Yoshkar-Ola

**HISTORICAL AND DOCUMENTARY HERITAGE OF MARI REGIONAL
LOCAL HISTORY SOCIETY (1926–1937):
COMPOSITION AND INFORMATIVE OPPORTUNITIES**

The article discusses the main documentary complexes formed as a result of the Mari regional society of local lore. Analyzes the individual documents that form the basis of regional historical and local lore documentary heritage, in particular, forms and questionnaires. Determined archeografic features all kinds of historical sources and informative opportunities.

Keywords: Regional Studies, Mari Autonomous Oblast, the peasantry, historical and documentary heritage, Archeology, source.

УДК 03.09.23

Ю. С. Обидина

*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ
ДРЕВНИХ ГРЕКОВ: ОПЫТ ОДИССЕЯ КАК ЧЕЛОВЕКА «ГРАНИЦЫ»**

В статье предпринята попытка рассмотрения плавания Одиссея с точки зрения реконструкции локализации мира живых и мира мертвых в древнегреческой традиции. В качестве метода исследования избран контекстуальный анализ, методологической основой стали исследования в области антропологии и исторической психологии, проведенные историками школы Анналов. Автор приходит к выводу, что описанное Гомером путешествие Одиссея по морю – это маркер коллективной памяти греков, осознание того, что память о мертвых неустанно преследует живых.

Ключевые слова: эпос, Гомер, Одиссей, загробный мир, коллективная память.

По справедливому замечанию А. Я. Гуревича, «исследователи ментальности решили обнажить облик смерти в истории, и это помогло им увидеть много нового в жизни и сознании людей минувших эпох» [7, с. 114]. И это произошло отнюдь не случайно. В наши дни тенденция к вытеснению смерти из коллективного сознания достигла, пожалуй, своего апогея. Общество живет так, как будто вообще никто не умирает, и смерть человека не пробивает в ткани общества никакой брешки [2, с. 119]. Девиз нынешнего общества страшен и притягателен одновременно: «Незаменимых людей не бывает».

Ф. Арьесу принадлежит большая заслуга в установлении того, какое поприще открывает для историков тема смерти, насколько широк может быть круг применяемых источников и насколько важными данные знания являются для исторической психологии [3].

И действительно, долгое время исследователи не сходили с проторенного пути всеобъемлющего рационализма, удачно найденного И. Кантом, который отметил, что «любопытным людям, которые так настойчиво стараются хоть что-нибудь узнать о том мире, можно дать простой, но совершенно естественный совет: терпеливо дожидаться, пока не попадете туда» [8, с. 261–266].

Историческая антропология позволила историкам свернуть с традиционного пути. Но все же следует подчеркнуть, что «самодовлеющей истории смерти» создать так и не удалось, поскольку невозможно создать то, чего просто не существует.

Обращение к древнегреческой традиции смерти избрано нами не случайно. Во-первых, это давний предмет исследования автора [10, 12, 11], во-вторых, истоки европейских представлений (в том числе и христианских), берут свое начало именно в Древней Элладе.

Несмотря на все сложности, актуальность исследований подобного рода не вызывает сомнений, поскольку среди причин неразработанности данной проблематики можно назвать табуирование понятий, связанных со смертью, в последующей европейской традиции и культуре.

Почему исследования подобного рода востребованы именно сейчас? Во-первых, осуществлены различного рода изыскания в области исторической психологии и исторической антропологии, во-вторых, появились работы, в которых предпринимается попытка реконструировать представления о смерти и бессмертии с различных методологических позиций. Таким образом, создаются благоприятные предпосылки для изучения соответствующего комплекса представлений на различных уровнях и с различных точек зрения.

Что касается методики исследования, то она строится на нескольких принципах, среди которых одним из центральных может быть назван контекстуальный анализ.

Кроме того, следует отметить, что приводимые контексты не претендуют на универсальность описания, они лишь намечают возможные и нередко наиболее значимые мотивы.

В Греции все начинается с эпоса, этим и обусловлено обращение именно к данному пласту представлений, зафиксировавших интересующие нас данные. Поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» играют главную роль в реконструкции древнегреческих представлений о бессмертии [9, с. 85–89]. Безусловно, что проблема во всей ее многогранности может быть решена лишь при условии детального анализа целого комплекса источников. Однако поставленные в данной статье задачи – рассмотреть представления о загробном царстве как маркере коллективной памяти древних греков, позволяют очертить круг

исследуемых проблем и наметить пути дальнейшего изучения, опираясь на данные эпической традиции.

Продемонстрируем этот тезис на конкретных примерах.

Представления о времени и пространстве являются важнейшими категориями, характеризующими сознание человека, образующими контуры «образа мира». При этом представления о пространстве могут изучаться в самых разнообразных аспектах [13, с. 37].

Обращение к эпосу в данном контексте не случайно. По сути, Одиссей, по мнению Ф. Артога [2, с. 71], – это человек границы, который своими путешествиями очерчивает границы греческой идентичности. Одиссей знает, что в конце пути его ждет смерть, предсказанная ему в Аиде прорицателем Тиресеем (Од., XI, 119–137). На Одиссея, по сути, проецируется общий облик греческой коллективной ментальности, которая является не только индикатором культурных, но и социальных отношений.

Появление верования в подземный Аид, населенный душами умерших, свидетельствует об определенной стадии разработанности пространственно-временных представлений о человеческом континууме, несмотря на то, что первоначально теории локализации потустороннего мира понимались в самом буквальном смысле. Именно Гомер первым в древнегреческой традиции занялся этим вопросом. Важность данных представлений подтверждается многочисленными комментаторами Гомера, которые подходили к нему с наивным рационализмом. Они называли несколько, с их точки зрения, реально существующих входов в царство мертвых. Самые часто упоминаемые традицией: в Южной Лаконии, на мысе Тенар; в Мессении, недалеко от Пилоса; в Аркадии, у водопада на реке Стиксе; и в Италии, в Авернской пещере. Грек Павсаний, живший во II в. н. э., автор популярного «Описания Эллады», писал, что у Гомера указан вход в загробный мир, который находился в Северо-Западной Греции, в области Феспротия [1, с. 135–136]. По свидетельству древних авторов, здесь действительно текли три реки с соответствующими месту названиями: Коцит, Ахерон и Пирифлегетон, и недалеко от впадения в море они сливались так, как это описано у Гомера. Новейшие историки пошли дальше древних авторов. В ходе археологических раскопок недалеко от места слияния этих рек были обнаружены остатки святилища, идентифицируемое учеными как оракул мертвых. Находки костей овец и других животных говорят о том, что здесь возможно приносились жертвы и заклинались души мертвых точно таким же способом, как это сделал Одиссей, чтобы проникнуть в царство Аида. С одной стороны, эти находки

будто бы подтверждают гипотезу Павсания. Но с другой стороны, рушат всю стройную концепцию локализации подземного царства Аида, так как выявляют одно немаловажное обстоятельство, которое никак не согласуется с предложенной Гомером локализацией. Феспротия находится едва ли не по соседству с Итакой – родиной Одиссея. И для того чтобы до нее добраться, незачем было столько скитаться по морю, до нее можно было доплыть за 2–3 дня. Однако Гомер описывает долгие скитания Одиссея по неведомым морским путям, что никак не согласуется с теорией Павсания. Во время этого пути Одиссей пересекает реку Океан, и у Гомера эта река названа условной границей, разделяющей мир живых и мир мертвых. Следовательно, река Океан должна находиться на максимально отдаленном расстоянии от ареала человеческого существования.

Чтобы подтвердить или опровергнуть теорию Гомера (а за ним и Павсания), нам остается обратиться к тексту поэм. И сразу становится очевидно, что у Гомера нет определенности в локализации царства Аида. В «Илиаде», с одной стороны, «дом Аида» находится едва не под Троянским полем («на этом пусть месте утроба земная мрачная всех нас проглотит!») (Ил., XXIII, 416–417); сквозь землю на берегу моря уходит психея Патрокла (Ил., XXIII, 100–101). С другой стороны, Тартар находится у «последних пределов суши и моря» (Ил., VIII, 478–479), на севере, в холодной Додоне, река Титаресий «из ужасного Стикса, из вод заклинаний исходит» (Ил., II, 749–755). Не проще обстоит дело и в «Одиссее». С одной стороны, указывается «далеко и на запад», к «глубоким водам Океана», с другой стороны, говорится, что на острове Эе, на котором живет Кирка и который находится в одном дне плавания от входа в Аид, «Гелиос всходит» (Од., XII, 1–4). Солнце, как мы помним, всходит на Востоке. Стало быть, на Востоке находится и вход в мрачное царство Аида? Или на Севере, возле Додоны? А может, вовсе на Юге, поскольку Кирка посылает в парус Одиссею северный ветер Борей (Од., X, 507)?

Решая этот географический ребус, логичнее все же выбрать западное направление. Во-первых, пещера Скиллы, «темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад» (Од., XII, 80–81). Во-вторых, грекам не была чужда мысль, что царство Аида есть царство заката западного бога. В-третьих – самое интересное с точки зрения нашей теории человека-границы и теории коллективной памяти. Возможно, не случайно Одиссей, живым проникший в Аид и живым оттуда вернувшийся, был родом с самого западного, по Гомеровской географии, острова Итаки (Од., IX, 24–25). Родившемуся в этой «погранполосе» было безопаснее, чем другим, в ней путешествовать.

Но в то же время с точки зрения этой же самой «теории границы», очевидно, что странствие Одиссея не имеет никакого отношения к географии [5, с. 51].

И дело даже не в том, что некоторые исследователи полагают, что все странствие Одиссея происходит в загробном, потустороннем мире [6, с. 65–67]. Этот фантастический мир, безусловно, отличен от реального мира, в котором живут герои Гомера. Но отличен он и от обители Аида. Это «срединный», «пограничный» мир между миром живых и миром мертвых. Именно здесь, в этом мире «боги сна обитают» (Од., XXIV, 12–13). И этот мир, быть может, страшнее даже мира мертвых, так как в нем гораздо легче, чем с жизнью, можно распрощаться с памятью, с рассудком, поддаться сводящим с ума зелью и чарам Кирки, или попасть в плен к Калипсо, «той, что скрывает». Но все же жизнь в этом мире возможна: в царстве Аида Одиссей не смог выдержать даже одного дня, тогда как у Калипсо он живет целых семь лет. В этом «приграничном» мире живут странные, но все-таки вполне себе люди, а не бесплотные призраки.

Другими словами, бесконечный путь Одиссея по морю – это нечто гораздо большее, чем просто путешествие. Это – осознание человеческой идентичности, коллективной памяти. Это осознание того, что *память о мертвых неустанно преследует живых*.

Не случайно обрядовая традиция и фантазия так тесно переплелись для того, чтобы в подробностях изобразить путь в загробный мир. Противоречия в данном случае объяснимы; царство мертвых находится то далеко на краю света, по ту сторону Океана – как это описывает «Одиссея», то оно расположено непосредственно под землей – как это изображено в «Илиаде». Суть здесь в другом.

Подлинно человеческое пространство у Гомера четко очерчено. Небо – место пребывания «бессмертных», под землей – жилище Аида и страна мертвых [2, с. 79].

Пища, которой угощают спутников Одиссея лотофаги, лишает их главного человеческого свойства – памяти (Од., IX, 84, 94–97). Помещенные по соседству с царством мертвых киммерийцы, несмотря на то, что у них, по словам Гомера, наличествуют *demot* и *polis*, исключены из людей в силу того, что им, так же как мертвым, невидимо солнце (Од., XI, 14–16).

На острове Калипсо Одиссей получает возможность обрести бессмертие, вступив в брак с богиней (Од., V, 136; XXIII, 336) [5, с. 58]. Возможно, не случайно древние любители аллегорий видели в острове Калипсо символ тела и материи, от которого должна оторваться душа человека. Философы-неоплатоники придавали путешествию Одиссея

и вовсе мистический характер, видя в Одиссее образ души, оказавшейся в чувственном мире. Все живущие, с их точки зрения, в каком-то смысле случайные странники и скитальцы [2, с. 89].

Живое и мертвое четко разграничено. Жертвоприношение теням умерших, чтобы напоить их кровью и на время вернуть им память (Од., X, 516–521; XI, 23–29), – зеркальная противоположность трапезе живых (Од., X, 524–525; XI, 30–33) [5, с. 53].

Таким образом, география загробного царства подробно представлена у Гомера для того, чтобы, по словам В. Буркерта, «раз и навсегда отделить мертвых от мира живых. Живому нет угрозы со стороны мертвых; «тени» лишены силы и сознания. Нет ужаса перед привидениями, картин разложения, стука мертвых костей; но нет и утешения, нет надежды» [4, с. 347].

Вернемся к коллективной памяти. Существует множество способов уйти из жизни. По сравнению с героической гибелью в битве, смерть на море ужасна, поскольку при такой смерти человек теряет все, ничего не получая взамен. Его нельзя даже целиком причислить к миру мертвых, поскольку, не будучи погребенным, он не может попасть в Аид (Ил., XXIII, 74; Од., XI, 72–75). И для мира живых его неприкаянная душа становится угрозой. Другими словами, смерть на море – это безымянное исчезновение. Вот почему, несмотря на все мыслимые и немыслимые трудности, Одиссей возвращается домой.

Таким образом, «теория границы» объясняет то, что не может объяснить простая реконструкция представлений о подземном царстве Аида и нанесение на новейшую географическую карту маршрута Одиссея. В этом, возможно, и кроется ответ на вопрос, почему гомеровский образ загробного мира, одновременно столь утонченный и притягательный, не был общепринятым, тем более что и ритуал вызывал к жизни совсем иные представления.

1. Андреев Ю. В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
2. Артог Ф. Возвращение Одиссея // Одиссей. М., 1997. С. 71–95.
3. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
4. Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / пер. с нем.: М. Витковской и В. Витковского. СПб., 2004.
5. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
6. Гиндин Л. А. Лингво-филологический анализ X песни «Одиссеи» и некоторые принципы гомеровской поэтики // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 65–67.
7. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. М., 1989. С. 114–135.

8. Кант И. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика // И. Кант. Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 2.
9. Обидина Ю. С. Идея воздаяния в ранней греческой традиции: о проблеме эволюции представлений о смерти и бессмертии в гомеровском эпосе // Историк и его дело. Межвузовский сборник научных трудов. «Серия памяти профессора В. Е. Майера». Ижевск, 2003. С. 85–89.
10. Обидина Ю. С. Мир смерти в культурных представлениях греков эпохи архаики и классики: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001.
11. Обидина Ю. С. Представления о бессмертии души в культуре древней Греции: становление, эволюция, трансформация в христианское воскресение. Йошкар-Ола, 2007.
12. Обидина Ю. С. Развитие идеи бессмертия в античности с древнейших времен до утверждения христианства. Йошкар-Ола, 2003.
13. Подосинов А. В. Ориентация по сторонам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. М., 1994. С. 37–53.
1. Andreev YU. V. Poeziya mifa i proza istorii. L., 1990.
2. Artoğ F. Vozvrashchenie Odisseyi // Odisey. M., 1997. S. 71–95.
3. Ar'ez F. SChelovek pered litsom smerti. M., 1992.
4. Burkert V. Grecheskaya religiya. Arkhaika i klassika / per. s nem.: M. Vitkovskoy i V. Vitkovskogo. SPb., 2004.
5. Vidal'-Nake P. SChernyy okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. M., 2001.
6. Gindin L. A. Lingvo-filologicheskiy analiz KH pesni «Odisei» i nekotorye printsipy gomerovskoy poetiki // Antichnaya kul'tura i sovremennaya nauka. M., 1985. S. 65–67.
7. Gurevich A. YA. Smert' kak problema istoricheskoy antropologii: o novom napravlenii v zarubezhnoy istoriografii // Odisey. M., 1989. S. 114–135.
8. Kant I. Grezy dukhovidtsa, poyasnennyye grezami metafizika // I. Kant. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1994. T. 2.
9. Obidina YU. S. Ideya vozdayaniya v ranney grecheskoy traditsii: o probleme evolyutsii predstavleniy o smerti i bessmertii v gomerovskom epose // Istorik i ego delo. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. «Seriya pamyati professora V. E. Mayera». Izhevsk, 2003. S. 85–89.
10. Obidina YU. S. Mir smerti v kul'turnykh predstavleniyakh grekov epokhi arkhaiki i klassiki. Diss. na soiskanie uchenoy stepeni kand. filos. nauk. Nizhniy Novgorod, 2001.
11. Obidina YU. S. Predstavleniya o bessmertii dushi v kul'ture drevney Gretsii: stanovlenie, evolyutsiya, transformatsiya v khristianskoe voskresenie Yoshkar-Ola, 2007.
12. Obidina YU. S. Razvitie idei bessmertiya v antichnosti s drevneyshikh vremen do utverzhdeniya khristianstva. Yoshkar-Ola, 2003.
13. Podosinov A. V. Orientatsiya po storonam sveta v drevnikh kul'turakh kak ob"ekt istoriko-antropologicheskogo issledovaniya // Odisey. M., 1994. S. 37–53.

YU. S. Obidina

Mari State University, Yoshkar-Ola

**REPRESENTATIONS ABOUT THE AFTERLIFE IN THE CONTEXT
OF THE COLLECTIVE MEMORY OF THE ANCIENT GREEKS:
THE EXPERIENCE OF ODYSSEUS AS A MAN "BORDER"**

The article attempts to review voyage of Odysseus in terms of the reconstruction of the localization of the world of the living and the dead in ancient Greek tradition. As a research method chosen contextual analysis, the methodological basis of the study began in anthropology and historical psychology by historians of the Annales school. The author concludes that described by Homer Odysseus journey by sea – a marker of the collective memory of the Greeks, the realization that the memory of the dead relentlessly pursues alive.

Keywords: epic, Homer, Odysseus, the afterlife, the collective memory.

УДК 947(470.343)

А. Г. Ошаев

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКИЙ КРАЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ ЮЛИИ ВИХМАНН

В статье рассматриваются дневниковые записи Юлии Вихманн, написанные в 1905–1906 гг. во время комплексной экспедиции по Марийскому краю. В дневниковых записях содержатся материалы по хозяйственному быту и материальной культуре марийцев.

Ключевые слова: дневник, записи, финно-угорские народы, экспедиция, марийцы, этнография, обычаи, революция.

Работа подготовлена

при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 14-11-12002.

На рубеже XIX–XX вв. значительный вклад в изучение истории и культуры марийского народа внесли финские и венгерские ученые. Для научной общест-венности идея финно-угорского родства послужила стимулом сравнительного изучения языка, устного народного творчества и искусства, быта, материальной и духовной культуры финно-угров.

Финно-угорское общество систематически на-правляло длительные научные экспедиции к финно-уграм России с целью стационарного обследования их языка, фольклора и этнографии. В 1905–1906 гг. комплексную экспедицию по сбору языкового, фольк-лорного и этнографического материала среди ма-рийцев совершили супруги Юрьё и Юлия Вихманн по заданию Будапештского университета, где обу-чался Юрьё Вихманн по направлению Финляндии. Они занимались стационарными исследованиями, подолгу останавливаясь в избранном пункте [8, с. 78]. Такими поселениями стали села Еласы Козьмодемь-янского и Морки Царевококшайского уездов Казан-ской губернии, Люмпанур Яранского, Сернур Ур-жумского, Кильмезь Малмыжского уездов Вятской губернии.

Профессор Юрьё Вихманн проводил лингвисти-ческие и фольклорные исследования, а его супру-га Юлия Вихманн занималась изучением этногра-фии марийцев. Она собирала полевые материалы по хозяйственному быту и материальной культуре [6, с. 85].

Юлия родилась в 1881 году в семье известного венгерского этнографа Антала Херманна. С буду-щим мужем лингвистом Юрьё Вихманном она по-знакомилась летом 1904 г. во время отдыха с семьей в городке Совата в Трансильвании. Юрьё изучал там венгерский язык. Вступив в брак осенью 1905 г., они выехали в научную экспедицию к марийцам.

Эта поездка превратилась в своеобразное свадебное путешествие для супругов [4, с. 341].

Экспедиция продолжалась десять месяцев. До на-чала путешествия Юлия консультировалась в этно-графическом отделе Национального музея Венгрии по поводу сбора народных песен марийцев. Ее за-интересовала культура марийцев, и она решила со-бирать этнографический материал, хорошо пред-ставляя основные задачи полевых исследований на примере отца. К тому же она советовалась с из-вестным финским этнографом А. О. Хейкелем о сбо-ре материалов для Национального музея Финляндии [4, с. 342]. Ей удалось собрать богатый материал по материальной культуре и хозяйственному быту луговых и горных марийцев Казанской и Вятской губерний.

По результатам научной экспедиции Ю. Вихманн подготовила и издала монографию «К этнографии че-ремис» в Венгрии [10]. Указанная работа состоит из трех очерков. Первый представляет собой пер-вое типологическое описание марийского женского костюма и его составных частей с показом возраст-ных и локальных особенностей. Второй очерк по-священ характеристике народных промыслов де-ревообработки, в частности, плетеным изделиям (из древесины, коры, лыка, бересты, лозы, корня и т. п.). В третьем очерке рассматриваются разно-видности одной из важнейших в прошлом хозяйст-венных построек, каковым считался овин [6, с. 86]. Несмотря на относительность изложения и недоста-точное привлечение сравнительных материалов, мо-нография Юлии Вихманн поражает своей полнотой и подробностью представления изучаемых объектов.

Во время этой поездки Юлия Вихманн вела дне-вниковые записи о своих впечатлениях, полученных от пребывания в различных населенных пунктах

Марийского края. Эти экспедиционные материалы вошли в книгу на финском языке, которая была опубликована в 1987 г. в Хельсинки и содержала письма и дневниковые записи Юрье и Юлии Вихманн во время научных экспедиций с 1891–1906 гг. [11]. Дневниковые записи Юлии Вихманн, сделанные в период экспедиции к марийцам в 1905–1906 гг., переведены Э. Н. Лебедевой на русский язык и опубликованы в журнале «Финно-угроведение» [3], а затем в журнале «Ончыко» [1]. В дневниковых записях содержится живописный материал о природно-климатических условиях в местах пребывания, есть сведения о социально-политической обстановке в этот период. Основной же материал посвящен этнографическим исследованиям.

В начале путешествия, описывая свой переезд, она заметила: «При отъезде из Варшавы в сторону Москвы пейзаж изменился и стал более живописным. Много леса, и здесь начинается чудесная золотая осень – высокие стволы деревьев отличают русский пейзаж от венгерского: у хвойных деревьев они красные, а у берез – белые» [3, с. 118]. Она представила весьма красочное описание природы. Во время экспедиции в Марийский край супруги познакомились суровыми условиями зимы. В Люмпануре 24 февраля 1906 г. Юлия записала: «Сегодня 35 градусов мороза. Такого я еще не видела» [3, с. 133].

Ученые стали свидетелями общественно-политических событий, происходивших в эти годы. 4 декабря 1905 г. Юлия отметила: «Мы живем здесь, посреди спокойствия в тихой деревне Еласы, во время революции. Народ здесь дремлет и не чувствует необходимости в больших переменах, которые уже стоят на пороге. Вести о революции доходят сюда с опозданием» [3, с. 126]. Такие данные позволяют говорить о некоторых региональных особенностях вовлеченности и участия населения провинции в социально-политических процессах в годы Первой революции в России.

В конце августа 1906 г., находясь в Кильмези, она дала следующую оценку политической обстановке: «Члены распушенной думы, которые собрались в Выборге, в Финляндии пришли к решению о том, что время всеобщей революции еще не наступило... правительство чувствует себя довольно сильным, хотя и нет всеобщей революции, беспорядки во всех крупных городах тревожат...» [3, с. 149]. Забастовки почтовых служащих вызвали огорчение и неудобства у путешественников, потому что они не могли вовремя получить денежные переводы и почту. Несмотря на беспорядки стране в годы революции, супруги благополучно добрались до запланированных населенных пунктов.

После трехчасовой поездки из Козьмодемьянска они прибыли в с. Еласы. Юлия много внимания

и времени здесь уделяла изучению русского языка, для того чтобы начать этнографические работы. «Мои планы по работе следующие: 1. Одежда родственных народов разных регионов. Изготовление одежды, резьба по дереву, шитье и вышивка, особенно оригинальные способы вышивки. Название предметов одежды. 2. Кора деревьев и ее использование, способы обработки, орудия труда, изготовленные предметы. 3. Сбор фонографии. 4. Сбор народных обычаев. 5. Зарисовка и фотографирование предметов народного быта», – так определила она область своих научных интересов [3, с. 127].

Собирала Юлия Вихманн этнографический материал по заданию Национального музея Венгрии, а также готовила материалы для публикации в Хельсинки. 5 февраля 1906 г. в с. Еласы она записала обычай прощания уходящих в армию с односельчанами. Свои наблюдения она зафиксировала следующим образом: «По слухам такой обычай есть только у черемисов. Посреди саней стоит уходящий в армию парень. У него на поясе завязан платок. В обеих руках он держит один или несколько платков. В ритм песни он по очереди поворачивается, махая платками, то в одну, то в другую сторону. Вокруг него на санях, на коленях стоят его друзья и держат друга за руку за спиной, образуя таким образом цепь, которая защищает каждого из них и стоящего в середине военнообязанного от падения. Так с песнями, а иногда и с гармонью они ездят из деревни в деревню, обходя знакомых» [3, с. 129–130].

В том же селе Юлия побывала на марийской свадьбе. Описывая свадьбу, она заметила, что жених платит за невесту. Такие же данные она засвидетельствовала в с. Сернур, указывая: «Жених всегда платит за невесту отцу девушки. Обычно платят десять рублей, но чем богаче невеста, тем больше за нее надо платить, сто рублей здесь платят редко. У богатой девушки, когда она выходит замуж, имеется около сорока платьев и рубашек, по меньшей мере, пять льняных и пять суконных кафтанов и шуб» [3, с. 139]. Молодые помолвленными бывают, как она отмечает, очень короткое время, 7–10 дней. Невеста во время свадьбы может появиться перед гостями, когда на нее наденут шарпан и нашмак. Ширина вышитого края шарпана указывает, насколько богата невеста.

Следующим пунктом пребывания исследователей был Люмпанур, где проводились базары и имелись магазины. Остановились они в марийской семье, в которой хозяйка по вечерам очень увлеченно играла на гусях.

В юбилейный день рождения Юлия Вихманн находилась в пути из Люмпанура в Сернур, по этому поводу оставила краткую заметку: «Провела 25-го (марта – А. О.), свой день рождения, довольно особым

образом: сидя в санях с утра до вечера» [3, с. 134]. Здесь местное население охотно помогало собирать ученым фольклорный материал. На новом месте Ю. Вихманн записала сведения о традиционных верованиях марийцев: «Народ здесь по религиозному верованию в большинстве своем придерживаются язычества, и в этом крае живы многие языческие обряды. Однако их соблюдают строго в тайне, так как правительство налагает штрафы на тех, кто, будучи крещеным, соблюдает языческие обряды» [3, с. 138].

В Сернуре исследователь увидела особую старую пастушью трубу. Сделала небольшое описание этого музыкального инструмента: «Труба состоит из двух полых труб: одна узкая труба вставляется в другую широкую, и они туго перевязываются полоской бересты» [3, с. 139]. Осенью по вечерам девушки играют на них во дворе около ворот. Если звуки такой пуч-трубы слышны, то это значит, что в доме есть девушка, желающая выйти замуж. В этом населенном пункте у Юлии Вихманн было много работы по рисованию. Она указывала, что у местных девушек очень много украшений, «у здешних девушек самая красивая и живописная одежда» [3, с. 139].

Во время поездки ею было приобретено для музея 70 предметов, главным образом, женской одежды и украшений, и сделано 360 рисунков различных вещей домашнего обихода и крестьянского хозяйства, впервые в истории записаны на фонографе 24 марийские народные песни [2, с. 6]. Эти записи поныне хранятся в Будапештском этнографическом музее.

В с. Морки Царевококшайского уезда гидом-информатором был учитель-мариец Тимофей Евсеев из д. Азьял Шалинской волости [7, с. 124]. Общение последнего с финскими учеными определило его дальнейшую судьбу. Через них он установил тесные научные связи с Финно-угорским обществом и Национальным музеем Финляндии. Шесть недель продолжалась интересная совместная работа, вызвавшая у самого переводчика-информатора большой вкус к собирательской работе, интерес к этнографии, родному народному творчеству [5, с. 5]. В гостях у переводчика ученые сфотографировали множество сюжетов и вещей: женскую одежду, марийские музыкальные инструменты, сушку зерновых и другое. Впоследствии по этому поводу Юлия сделала следующую запись: «Фотографировали черемисскую одежду. Я оделась в черемисскую одежду и Юрьё сфотографировал меня в этой одежде. Вся деревня собралась посмотреть на нас...» [3, с. 142]. Здесь же она описала марийскую постройку из бревен – кудо, пояснив смысл и предназначение этого места в культуре и быту марийцев. Дневниковые записи воссоздают картины повседневной экспедиционной жизни. По словам Юлии, «у Юрьё везде

были хорошие отношения с переводчиками... Юрьё считает черемисов очень одаренным народом» [9, с. 338].

На последних страницах своего дневника Юлия Вихманн все больше внимания уделяет оценке общественно-политической обстановки в стране. Забастовочное движение в крупных городах вызывает у нее определенную обеспокоенность. В это время комплексная научная экспедиция шла к завершению, предстояла долгая дорога домой через губернские и столичные города, в которых социально-политическая обстановка была напряженной и нестабильной. По справедливому замечанию Т. Л. Молотовой, исследования и экспедиция супругов Вихманн имеют подвижнический характер [4, с. 344]. Они побывали в Марийском крае в период Первой российской революции, являлись свидетелями забастовок и беспорядков, им приходилось преодолевать большие расстояния по плохим дорогам, жить не всегда в уютных условиях. Несмотря на эти трудности, они увлеченно и упорно работали, накапливая этнографический и фольклорный материал. После завершения поездки Юлия выступила с докладом о результатах экспедиции на собрании Венгерского географического общества в октябре 1906 г.

Дневниковые записи Юлии Вихманн являются важным источником в деле изучения материальной и духовной культуры марийского народа в начале XX века. Их ценность обуславливается тем, что в них представляется видение некоторых важных аспектов культурно-хозяйственной жизни одного из финно-угорских народов России – марийцев, глазами иностранного исследователя.

1. Вихманн Ю. У черемис. Из дневника / пер. Э. Лебедевой // Ончыко. 2001. № 3. С. 138–152; № 4. С. 111–125.
2. Галкин И. С. Из истории венгерско-марийских связей // Венгерские ученые о марийском крае и народе. Йошкар-Ола, 1990. С. 3–17.
3. Дневниковые записи Юлии Вихманн / пер. Э. Лебедевой // Финно-угроведение. 1996. № 3. С. 117–153.
4. Молотова Т. Л. Вихманн (Херман) Юлия // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 341–344.
5. Сануков К. Н. Из истории финско-марийских научных связей // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы научной конференции / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 4–13.
6. Сенева Г. А. Финские ученые и традиционная этнография марийцев // Финские ученые о языке и культуре марийского народа: материалы научной конференции / МарНИИЯЛИ при Правительстве РМЭ. Йошкар-Ола, 2002. С. 81–93.
7. Сенева Г. А. Финские этнографы на марийской земле // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1993. № 2–3. С. 121–126.

8. *Сенева Г. А.* Финские этнографы на мари́йской земле // Мари́й Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994. № 2. С. 77–80.
9. *Сибатрова С. С.* Вихманн Юрьё Йоосеппи // История Мари́йского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 337–340.
10. *Wichmann J.* Ethographische Beobachtungen bei den Tscheremissen. Budapest, 1908.
11. Yrje ja Julie Wichmannin Kirjeiti ja piivikirjamer Kinteji tutkimusmat Koilta 1891–1906. Toimittanut Irene Wichmann. Helsinki, 1987.
1. *Vikhmann YU.* U cheremis. Iz dnevnika / Perevod E'. Lebedevoy // Onchyko. 2001. № 3. С. 138–152; № 4. С. 111–125.
2. *Galkin I. S.* Iz istorii vengersko-mariyskikh svyazey // Vengerskie uchenye o mariyskom krae i narode. Yoshkar-Ola, 1990. С. 3–17.
3. Dnevnikovye zapisi YUlii Vikhmann / Perevod E'. Lebedevoy // Finno-ugrovedenie. 1996. № 3. С. 117–153.
4. *Molotova T. L.* Vikhmann (KHerman) YUliya // Istoriya Mariyskogo kraya v litsakh. XIV – nachalo XX vekov. Yoshkar-Ola: MarNIYALI, 2012. С. 341–344.
5. *Sanukov K. N.* Iz istorii finsko-mariyskikh nauchnykh svyazey // Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariyskogo naroda: materialy nauchnoy konferentsii / MarNIYALI pri Pravitel'stve RME'. Yoshkar-Ola, 2002. С. 4–13.
6. *Sepeev G. A.* Finskie uchenye i traditsionnaya etnografiya mariytsev // Finskie uchenye o yazyke i kul'ture mariyskogo naroda: materialy nauchnoy konferentsii / MarNIYALI pri Pravitel'stve RME'. Yoshkar-Ola, 2002. С. 81–93.
7. *Sepeev G. A.* Finskie etnografy na mariyskoy zemle // Mariy E'l: vchera, segodnya, zavtra. 1993. № 2–3. С. 121–126.
8. *Sepeev G. A.* Finskie etnografy na mariyskoy zemle // Mariy E'l: vchera, segodnya, zavtra. 1994. № 2. С. 77–80.
9. *Sibatrova S. S.* Vikhmann YUr'e Yooseppi // Istoriya Mariyskogo kraya v litsakh. XIV – nachalo XX vekov. Yoshkar-Ola: MarNIYALI, 2012. С. 337–340.
11. *Wichmann J.* Ethographische Beobachtungen bei den Tscheremissen. Budapest, 1908.
11. Yrje ja Julie Wichmannin Kirjeiti ja piivikirjamer Kinteji tutkimusmat Koilta 1891–1906. Toimittanut Irene Wichmann. Helsinki, 1987.

A. G. Oshaev

Mari State University, Yoshkar-Ola

MARI LAND IN THE EARLY XX CENTURY DIARIES JULIA WICHMANN

This article explores diary entries of Julia Wichmann, written in 1905–1906 years during the expedition on the edge of Mari. In the diaries contains material on the economic life and the material culture of the Mari.

Keywords: Diary entries, Finno-Ugric peoples, expedition, Mari, ethnography, custom, the revolution.

УДК 61(091)(470.343)

В. И. Рыбалка

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ МАРИЙСКОЙ АССР В 1966–1985 ГОДАХ

В статье рассматривается реорганизация в работе лечебно-профилактических учреждений, создание централизованных районных больниц, укрепление материально-технической базы здравоохранения, оснащение их современным медицинским оборудованием. Особое место отведено специализированной медицинской помощи, подготовке кадров врачей и средних медицинских работников.

Ключевые слова: задачи, реорганизация, строительство, специализация, подготовка кадров.

В начале рассматриваемого периода перед органами здравоохранения Марийской АССР стояли следующие задачи: дальнейший рост и укрепление материальной и технической базы здравоохранения путем реорганизации существующих и строительства новых современных многопрофильных больниц; создание центральных районных больниц мощностью 150 и более коек; оснащение их новейшим оборудованием и аппаратурой; укомплектование высококвалифицированными кадрами; создание максимальных условий труда и быта путем проведения комплекса санитарно-гигиенических и оздоровительных мероприятий на промышленных предприятиях, колхозах и совхозах; усиление санитарного надзора за чистотой и сохранностью внешней среды; совершенствование форм и методов медико-санитарного обслуживания колхозников; достижение высокого качества медицинского обслуживания сельского населения.

К 1970 году была проведена некоторая реорганизация в работе лечебно-профилактических учреждений, санитарно-противоэпидемической службы; созданы новые виды специализированной медицинской помощи; реконструированы и вновь построены современные лечебные учреждения; значительно увеличилась коечная сеть и число квалифицированных медицинских кадров.

На базе районных больниц было создано 14 крупных централизованных районных больниц, способных оказывать все виды специализированной медицинской помощи сельскому населению. Завершение строительства комплекса республиканской больницы на 570 мест позволило организовать многопрофильную и высококвалифицированную помощь сельскому населению. Вновь построено несколько лечебных корпусов Мари-Турекской, Звениговской, Моркинской, Куженерской; построена Советская районная больница; с 75 коек до 150 расширена и реконструирована Горномарийская участковая больница. В городах

Волжске и Козьмодемьянске построены типовые поликлиники на 450 и 250 посещений в смену, в которые приезжали лечиться и жители близлежащих деревень. В 1967 году построено и сдано межреспубликанское рентгенорадиологическое отделение диспансера, где лечились больные не только Марийской республики, но и соседних – Мордовской, Чувашской.

Дальнейшее развитие специализированной помощи по различным профилям хирургической, терапевтической и других основных служб было бы немыслимо без создания современной службы крови. В 1969 году вступил в строй действующий новый корпус республиканской станции переливания крови, оснащенный современной техникой и оборудованием, куда приезжали больные из различных районов республики.

В годы восьмой пятилетки в сельской местности были проведены капитальный ремонт и реконструкция более 20 участковых больниц и около 50 медицинских пунктов как за счет средств предприятий, колхозов и совхозов, так и за счет централизованных средств. Только за 1966–1968 годы в отрасль здравоохранения сделано почти 2 млн рублей капитальных вложений, а за 1968 год капитальное вложение на строительство больниц составило 702 тыс. рублей, за 9-ю пятилетку – 6 млн 375 тыс. руб. Бюджет здравоохранения только за 1974 год составил 29 млн руб. 781 тыс. рублей [2].

Неуклонный рост бюджета обеспечил строительство и ввод новых больниц в республике. Увеличение бюджета к 1975 году в два раза, по сравнению с 1960 годом, способствовало расширению коек в лечебно-профилактических учреждениях республики до 8300 и обеспечило население 119 койками на каждые 10 тыс. жителей.

К концу 70-х годов в республике была создана мощная база здравоохранения: республиканская больница на 570 мест, горбольница № 2 на 35, Йошкар-

Олинская городская на 720, детская на 240. Все эти медицинские учреждения посещали и лечились в них и труженики сельского хозяйства республики. В республике также функционировали 14 центральных районных больниц на 2530 коек, 49 участковых больниц – на 2230,6, медико-санитарных частей – на 225,10, диспансеров – на 225 мест, госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны – на 150, грязелечебница – на 60, психиатрическая больница на 470, больница водников в поселке Звенигове, сельская амбулатория. Кроме того, медицинскую помощь и профилактическую работу осуществляли станции переливания крови, 16 санитарно-эпидемиологических станций, 2 дезинфекционные станции, 5 санаториев на 600 мест, 2 санатория-профилактория, 4 городских стоматологических поликлиники, 92 здравпункта, 398 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 2 Дома ребенка и 51 детские ясли [1, л. 38]. К 1965 году обеспеченность стационарной помощью была на 8,2 выше общесоюзного показателя.

В результате укрепления лечебно-профилактических учреждений обеспеченность населения стационарными койками увеличилась во всех районах, и в среднем для села она составляла 78, а по городам – 182,1 на каждые 10 тыс. жителей. Сельское здравоохранение пока еще более чем в два раза отставало от городского (по койкообеспечению).

Значительное развитие в рассматриваемый период получила специализированная медицинская помощь, проводилась профилизиация больниц и отделений, возникали новые виды квалифицированной помощи. Кроме крупных оснащенных диспансеров, таких, как онкологический, кожно-венерологический, противотуберкулезный, трахоматозный, лечебной физкультуры, специализация медицинской помощи все шире стала внедряться в поликлиниках и амбулаториях не только города, но и района, сельской местности. К появившимся еще в 20-х годах основным профилям медицины – хирургии, терапии, педиатрии, акушерству и гинекологии – прибавились травматологическая, эндокринологическая, гематологическая, неврологическая, кардиоревматологическая, гастроэнтерологическая и другие службы.

Специализированные диспансеры и кабинеты, помимо лечебно-консультативной помощи, все шире стали проводить работу по организации диспансерного обслуживания, разработке и проведению профилактических мероприятий по снижению заболеваемости сельского населения. Они стали организационно-методическими центрами.

В десятой пятилетке продолжалось строительство амбулаторно-поликлинических учреждений в районах новостроек и в сельской местности, улучшилась подготовка и повышение квалификации врачей и среднего медицинского персонала.

Четвертая сессия Верховного Совета МАССР (29 июня 1976 года), обсудив вопрос о состоянии здравоохранения в республике, приняла постановление «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения организации здравоохранения в республике в свете решений XXV съезда КПСС» [3]. Была намечена и утверждена обширная программа улучшения медицинской помощи в республике на десятую пятилетку.

В эти годы намечалось построить больниц на 600 коек, и общее количество их в лечебных учреждениях к концу пятилетки должно достигнуть 7560, что составит в среднем 121 койку на каждые 10 тыс. жителей республики (показатели без учета ведомственных учреждений). За годы десятой пятилетки намеченные планы практически были выполнены, так как бюджет на нужды здравоохранения позволял укрепить материально-техническую базу лечебно-профилактических учреждений. Так, бюджет в 1976 году составил 29,7 млн рублей, в 1977 – 30,5, а в 1978 году – 35,8 млн рублей.

План капитального строительства лечебных учреждений в 1976 году был перевыполнен в два раза, а в 1977 году составил 153 процента. На строительство больниц только в 1978 году было отпущено 1 млн 750 тыс. рублей капитальных вложений [4]. Кроме того, многие объекты возводились за счет централизованных средств предприятий, колхозов и совхозов.

В эти же годы были построены Параньгинская на 100 мест, Куженерская, Оршанская больницы. Построены также к концу рассматриваемого периода Моркинская, Микряковская больницы, несколько поликлиник, более 20 медицинских пунктов в сельской местности.

В создании современных лечебно-профилактических учреждений на селе активное участие принимали и колхозы республики. Так, в 1977 году колхоз «Рассвет» Советского района построил поликлинику на 150 посещений в смену, Министерство лесного хозяйства – Черноозерскую участковую больницу на 25 коек, в Люльпанах Медведевского района была построена сельская амбулатория.

Вместе с укреплением материальной базы лечебно-профилактических учреждений проводилась работа по оснащению их современным медицинским оборудованием и санитарным транспортом. На эти цели ежегодно расходовалось около миллиона рублей. Это особенно важно было для сельской местности в связи с большой удаленностью некоторых населенных пунктов от районных больниц.

К концу 70-х годов во всех районных центрах и крупных участковых больницах имелись рентгеновские, клиничко-диагностические, физиотерапевтические и электрокардиографические кабинеты, в ряде центральных районных больниц – биохимические лаборатории и кабинеты лечебной физкультуры.

В республике проводилась непрерывная работа по подготовке кадров врачей и средних медицинских работников. К концу 70-х годов в районных больницах имелись врачи по всем основным специальностям, во многих больницах – по 10 и более профилям.

Расширились масштабы строительства объектов здравоохранения, культуры и спорта на селе. В одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) сданы в эксплуатацию Оршанская центральная районная больница, лечебный корпус в пос. Куженер, участковые больницы в селах Микряков Горномарийского и Пектубаево Новоторъяльского районов, поликлиника в пос. Советский, открылись четыре аптеки: в поселках Октябрьский Моркинского и Приволжский Волжского районов, в селах Зашмжемье Сернурского и Красный Яр Звениговского районов.

Количество врачей с 1965 года по 1985 год увеличилось почти в два раза, больничных коек – более чем на 40 %. В конце 1985 года на селе осуществляли прием врачи и фельдшеры в 53 амбулаторно-поликлинических, в расчете на 10 тысяч человек сельского населения количество врачей всех специальностей было 6,1 человека, больничных коек – 58,3. Врачебные учреждения, оказывающие амбулаторно-поликлиническую помощь, в смену могли принять 1,9 тыс. больных.

Лечебные учреждения республики были оснащены более 500 специальными санитарными автомашинами. Оснащение больниц и поликлиник современной аппаратурой и оборудованием помогло улучшить качество медицинского обслуживания населения, развивать и специализировать медицинскую помощь. В тридцати поликлиниках и диспансерах городов и районов прием и лечение больных начали проводить по более десяти специальностям. На четкую организацию сельского здравоохранения оказывала большое влияние численность населения в отдельных пунктах, наличие путей сообщения, удаленность от городов и районных центров. В условиях Марийской республики в конце рассматриваемого периода было немало сельских участковых больниц, имеющих по 10–15 коек. Как правило, они расположены вдали от крупных населенных пунктов.

Но и эти больницы делали большое и важное дело – стояли на страже здоровья тружеников села.

Увеличилось число путевок в санатории, дома отдыха, туристических и др., выдаваемых работникам агропромышленного комплекса. Так, по данным областного комитета профсоюза работников сельского хозяйства, в 1985 году всего лечилось и отдыхали в санаториях и домах отдыха 5974 человека, в том числе в санаториях и санаториях-профилакториях с лечением – 4632 человека, в домах и пансионатах отдыха и туристических базах – 472 отдыхающих. Примечательно, что росла численность лечившихся и отдыхающих в санаториях и домах отдыха, использующих туристические путевки среди колхозного крестьянства. Этими услугами в 1985 году воспользовался 1361 колхозник. Большой популярностью у них пользовались санаторий-профилакторий «Сосновый бор» Марийского Госагропрома [5, с. 95, 96].

Таким образом, в рассматриваемый период значительно улучшилось медицинское обслуживание в марийской деревне. Обеспеченность села больничными койками приближалась к городской. Однако уровень и качество медицинской помощи сельскому населению республики все еще отставал от уровня медицинской помощи в городе.

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-642. Оп. 6. Д. 420.

2. Марийская правда. 1976. 20 января.

3. Марийская правда. 1976. 1 июля.

4. Марий коммуна. 1978. 1 января.

5. Социально-экономическое развитие марийского села. Йошкар-Ола, 1988. 179 с.

1. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El. F. R-642. Op. 6. D. 420.

2. Mariyskaya pravda. 1976. 20 yanvaryä.

3. Mariyskaya pravda. 1976. 1 iyulyä.

4. Mariy kommuna. 1978. 1 yanvaryä.

5. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie mariyskogo sela. Yoshkar-Ola, 1988. 179 s.

V. I. Rybalka

Mari State University, Yoshkar-Ola

THE DEVELOPMENT OF PUBLIC HEALTH SERVICES IN THE RURAL AREAS OF MARI ASSR DURING 1966–1985 YEARS

Reorganization in the work of medical and preventive treatment institutions, centralized regional hospitals creation, material and technical basis of public health service upgrading and providing it with modern medical equipment are considered in the article. Particular attention is given to the specialized medical aid, personnel training of the doctors and the paramedical workers.

Keywords: tasks, reorganization, construction, specialization, manpower raining.

УДК [373:070](091)

Т. С. Сергеев

Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

ОБСУЖДЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье освещается полемика в периодической печати накануне и ходе буржуазных реформ в России в середине и во второй половине XIX века. Одним из педагогов-демократов и сторонников передовых педагогических идей был инспектор и директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов.

Ключевые слова: педагогическая идея, педагогическая журналистика, демократическая печать, К. Д. Ушинский, И. Н. Ульянов.

Царское правительство в области просвещения проводило сословную политику, распределяя его строго по «рецепту», в зависимости от классовой и сословной принадлежности людей. Образование было доступно лишь детям привилегированных сословий – дворянства, духовенства, купечества. По числу учебных заведений и грамотных на душу населения Россия заметно отставала от стран Европы. Под влиянием развития капиталистического уклада в экономике, распространения просветительских идей в общественной жизни правительство вынуждено было расширять сферу просвещения, открывать гимназии и средние специальные и высшие учебные заведения, в том числе и педагогические. После земской реформы 1864 г., наряду с «министерскими» училищами, церковно-приходскими школами и частными учебными заведениями, стали открываться земские школы. Предстояло подготовить большую группу народных учителей, воспитанных в духе новых педагогических воззрений К. Д. Ушинского и работавших по новым методам, особенно среди нерусских народов. К числу передовых представителей педагогической интеллигенции, работавших по новым методам и приемам, были Н. А. Корф, В. И. Бунаков, В. И. Водовозов, Л. Н. Толстой, И. Н. Ульянов и другие. Они выступали за претворение в жизнь идей подлинно народной школы.

Царизм, по природе своей враждебный к просвещению, должен был выработать свои приемы и методы обучения и воспитания. При этом имело место и заимствование западноевропейского опыта. Во второй половине и конце XIX в. на Западе возникла буржуазная по сути так называемая реформаторская педагогика с идеями «нового воспитания», «педагогике личности», «трудовой школы», «художественного воспитания», усиления воспитательного аспекта деятельности школы, свободного развития индивидуальных способностей ребенка, новых организационных форм и методов обучения и так далее.

В России, приступившей в середине XIX в. к буржуазным реформам, освободившим помещичьих крестьян от крепостного права, тоже создавалась почва для подобных новаций. В центре внимания оказались вопросы назначения школы, гуманизации воспитания, изменения характера образования и методов обучения и другое.

Переход от буквослагательного метода обучения детей чтению к звуковому происходил негладко. Возникали вопросы: начинать изучение букв с русского или церковнославянского алфавита, сначала изучать печатные или письменные буквы, начинать с гласных или согласных, каков порядок изучения букв и так далее. В разных руководствах имелись до 6–7 разных вариантов постижения алфавита [2, с. 15–16].

Возникали споры вокруг методики обучения чтению. К. Д. Ушинский, автор «Родного слова», настольной книги школьников, рекомендовал обучать детей в первые шесть месяцев грамоте, лишь затем знакомить с печатным алфавитом, причем сначала изучались гласные буквы. Последнее вызывало возражения со стороны В. И. Водовозова и Н. Ф. Бунакова. Н. А. Корф выступал сторонником синтетического метода с характерной «тайной слияния» звуков. В ходе методических исканий И. Н. Ульянов и учителя Симбирской губернии стали применять комбинированный метод обучения грамоте. В результате полемики осваивались методы объяснительного чтения, правила правописания. Некоторые методисты пропагандировали письмо «под такт», заимствованный у американского педагога Карстнера. Различные рекомендации давались по применению наглядности. Стали применяться экскурсии на предприятия и заводы. В области преподавания арифметики хорошо показал себя метод Грубе – Паульсона – Евтушевского, заключающийся во всестороннем и сознательном изучении чисел от 1 до 100 с переходом впоследствии к арифметическим действиям. Получали

критику задачки, оперирующие незнакомыми для детей терминами и названиями. Многих педагогов возмущало игнорирование светского пения за счет широкого распространения церковного пения. Новыми предметами оказывались рисование и черчение, гимнастика, которые преподавались не во всех школах.

В эпоху политехнического взлета стран Европы актуальным становилось преподавание ручного труда. Во второй половине XIX в. он вводился в школах Германии, Дании и Швеции. Возникал вопрос, в какой форме и в каком количестве допускать ручной труд. Если на Западе много было школьных мастерских, то в России первоначально вводили столярное, токарное и перелетное дело лишь в военных гимназиях, а попытки ввести ремесла в народные и городские училища были редки. Изучение различным ремеслам зависело от материального положения школ, поэтому оно было введено лишь в некоторых из них.

Классная форма обучения, узаконенная в России положением от 31 мая 1872 г., тоже вызвала неоднозначную реакцию. По нему в училищах, наряду с законоучителем, вводилось столько штатных учителей, сколько классов. Это должно было усилить нравственное воспитание детей [8, с. 1–32].

Естественно, вопрос стоял о качестве преподавания, о людях, выполняющих эту функцию. В землях дискутировался вопрос: нужны ли учительские семинарии? Если да, то какими они должны быть? Этот опыт сравнительно лучше был поставлен в северо-западных губерниях России, особенно в Виленской [3, с. 95–130]. Жизнь показала их необходимость. Положительно показали себя и кратковременные учительские курсы, проводившиеся в летние месяцы.

Важной составной частью общественного движения было мощное педагогическое движение. Русская прогрессивная педагогика 1860-х годов выдвинула такие злободневные вопросы, как критика крепостнического воспитания, борьба против сословной школы, за общее светское образование, дающее широкий кругозор, за воспитание человека и гражданина, за просвещение женщин, борьба против догматизма и схоластики, зубрежки и муштры, уважение к личности ребенка, разработка на прогрессивных началах дидактических вопросов, требование широкой сети народных школ, автономия высшей школы, национальная система подготовки и переподготовки учительских кадров и так далее. Конечно, педагогическое движение не могло быть однородным, как и само общество, стоявшее на пороге либеральных реформ.

Возникали общественные организации, которые ставили себе целью решение злободневных проблем педагогической теории и практики. В 1859 г. создано Петербургское педагогическое собрание,

переименованное в Петербургское педагогическое общество. В его работе участвовали известные педагоги и методисты К. Д. Ушинский, В. Я. Стоюнин, П. Г. Редкин, В. И. Водовозов, А. Я. Герд, Д. Д. Семенов и др. В том же году появились воскресные школы, школы для детей рабочих, дошкольные учреждения. В 1861 г. при Вольном экономическом обществе был создан Комитет грамотности, где оживленно обсуждались вопросы организации народной школы.

Развивалась педагогическая журналистика: в 1857 г. возник «Журнал для воспитания», с 1860 г. выходивший под названием «Воспитание». В 1860–1870 гг. издавался журнал «Учитель». В 1861–1862 гг. журналом «Ясная Поляна» Л. Н. Толстой освещал опыт местной школы. Общие вопросы воспитания и средней общеобразовательной школы поднимали «Русский педагогический вестник» и «Педагогический сборник», издаваемый Главным управлением военно-учебных заведений с 1864 г. Литературный и политический журнал «Современник» помещал на своих страницах статьи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова по вопросам воспитания. В журнале «Морской сборник» в 1856 г. была опубликована статья Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», вызвавшая большую дискуссию.

Н. И. Пирогов (1810–1881), доктор медицины, основатель военно-полевой хирургии, будучи попечителем Одесского учебного округа, своей статьей выступил с передовыми идеями об общечеловеческом воспитании. Он сделал резкий выпад против сословной школы и ранней утилитарно-профессиональной выучки детей. Ученый-хирург предпочитал классическую среднюю школу перед реальной. Главное место в программе обучения он отводил древним языкам (латинскому и греческому), русскому языку и литературе, истории и математике. С целью облегчить получение высшего образования неимущим, Н. И. Пирогов предлагал уменьшить плату за обучение. Он внес значительные улучшения в работу педагогических советов гимназий, расширил содержание обсуждаемых вопросов, ввел в систему доклады и обмен мнениями по дидактическим вопросам, всячески поощрял методические искания учителей, рекомендовал взаимное посещение уроков. Н. И. Пирогов обращал внимание учителей на необходимость отхода от схоластики и догматизма, побуждал к поискам и применению новых методов, будящих умственные способности детей, к привитию им навыков самостоятельной работы. Он относился отрицательно к переводным экзаменам, отмечая в них элемент случайности и формализма, а перевод детей из класса в класс предлагал производить по годовой успеваемости.

В статье «Нужно ли сечь детей, и сечь в присутствии других детей?» (1858) Н. И. Пирогов в принципе осудил телесные наказания детей и доказывал

антипедагогичность применения розог и требовал отмены такого вида наказания. Однако в редких случаях допускал его применение по результатам решения педагогического совета. Такая примиренческая позиция вызвала возражение со стороны Н. А. Добролюбова [5, с. 203–204].

Революционные демократы Н. А. Добролюбов (1836–1861) и Н. Г. Чернышевский вскрыли грабительский характер реформ, проводимых царизмом в 1860-е гг., подвергли критике религию, мораль, официальную теорию воспитания. Они полагали, как и А. И. Герцен, что Россия придет к социализму через крестьянскую общину. В отличие от идеологов буржуазных революций на Западе и либералов в России, они понимали, что система просвещения любой страны может стать подлинно народной только при завоевании политической власти самим народом.

В известном трактате «О значении авторитета в воспитании» (1857) Н. А. Добролюбов пропагандировал необходимость учитывать при воспитании законы развития ребенка, установленные естественными науками. Он настаивал на том, чтобы воспитатели, зная особенности детской природы и опираясь на них, разумно руководили развитием детей, обеспечивая им свободу, необходимую для проявления тех качеств, которые должны быть у всесторонне развитого человека. У нового человека, истинного патриота родины, близкого к народу, должно быть единство мыслей, слов и действий. Критикуя выдвинутую Л. Н. Толстым теорию «свободного воспитания», Добролюбов и Чернышевский отстаивали необходимость предъявления детям разумных и справедливых требований. Важнейшими условиями и средствами поддержания сознательной дисциплины среди воспитанников революционеры-демократы считали заботливое и ровное отношение учителя к учащимся, личный пример воспитателя и использование положительных примеров из окружающего, настойчивость и постоянство в педагогических требованиях воспитателя. Отсюда высокие требования к убеждениям и нравственному облику учителя.

Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский обосновали стройную систему революционно-демократического учения о воспитании и педагогике. Они полнее, чем предшественники, разработали учение о содержании и методике учебной и воспитательной работы школы, о воспитательном значении учебных предметов, воспитании самостоятельной мысли учащихся в процессе обучения, о сущности сознательной дисциплины, о расширении женского образования и так далее. Педагогическое наследие Добролюбова и Чернышевского сыграло большую роль в борьбе прогрессивных сил России за передовую систему воспитания и обучения.

Опираясь на достигнутое своими предшественниками в области педагогики и психологии, К. Д. Ушинский (1824–1870) стал основоположником научной педагогики в России. Главное звено его педагогической системы составляли требование демократизации народного образования, идея народности воспитания, протест против деспотизма, признание деятельной сущности человека, возвеличение труда как фактора жизни и воспитания. В области дидактики он утверждал идею воспитывающего обучения, разработал принципы отбора содержания учебного материала и методы обучения применительно к особенностям умственного развития ребенка. Его педагогические идеи и взгляды нашли отражение в книгах для чтения «Детский мир» (1861), «Родное слово» (1864), ставших настольными книгами для детей в течение полутора века, а также в известном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» в двух томах (1869). Он утверждал, что педагогу необходимо вооружиться знанием основных законов человеческой природы и уметь применять их в каждом конкретном случае. Он стремился рассматривать психику не абстрактного человека, находящегося вне времени и пространства, а живущего, действующего, развивающегося в определенной среде.

В просветительной системе и педагогическом учении К. Д. Ушинского определяющими являются идеи родного языка, национальной самобытности, равноправия полов, воспитания в труде, возрастающей роли просвещения в общественной жизни народов, межнациональных культурных связей в условиях многонациональной России, вступившей на путь капитализма. Принцип народности, опирающийся на доскональное знание существенных черт духовной жизни многих народов, придавал педагогике К. Д. Ушинского особую притягательную силу. Этот принцип, являясь патриотическим стержнем педагогической системы Ушинского, в то же время свободен от славянофильской национальной ограниченности. Глубокое знание жизни других народов привлекло его к убеждению в том, что «воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое, проникнуты до того, что невозможно и подумать перенести их на чуждую почву» [12, с. 33].

В статье «Груд в его психическом и воспитательном значении» К. Д. Ушинский отмечал, что труд является главным фактором создания материальных ценностей и необходим для физического, умственного и нравственного совершенствования человека, для человеческого достоинства, для свободы человека и его счастливого существования. Воспитание должно выработать привычку и любовь к труду. «Учитель учителей» считал, что человек должен быть

совершенным физически, умственно и нравственно, т. е. гармонично развитым. Главное внимание уделялось нравственному воспитанию. Нравственное воспитание, по мнению Ушинского, должно развивать в ребенке честность, правдивость, гуманность, трудолюбие, дисциплинированность, чувство ответственности, сочетаемое со скромностью. Воспитание должно развивать в ребенке твердый характер и волю, чувство долга, стойкость при разных жизненных ситуациях. Ушинский ставил перед педагогом задачу «учить учиться» и помочь воспитаннику найти свое место в жизни. Он исходил из того, что «...следует передать ученику не только те или другие познания, но и развить в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые познания» [11, с. 500].

К. Д. Ушинскому принадлежит большая заслуга введения и распространения в России аналитико-синтетического звукового метода обучения чтению. В статье «О первоначальном преподавании русского языка» (1864) он наметил три задачи: 1) развить речь ребенка; 2) ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка; 3) усвоить логику языка (его грамматику). Ушинский уделял большое внимание тщательному выбору произведений для детского чтения. В этом отношении образцом были его труды «Детский мир» и «Хрестоматия» (1861) и «Родное слово» (1864), переиздававшиеся в течение многих лет. Он считал учебник «фундаментом хорошего преподавания».

В статье «Проект учительской семинарии» (1861) К. Д. Ушинский разработал план подготовки учителей для начальных школ. По этому проекту учительские семинарии предлагалось открывать не в крупных центрах, а в небольших городах и даже в селах с тем, чтобы соблазны большого города не влияли дурно на воспитанников, а преподаватели всецело отдавались бы работе в учительских семинариях, не отвлекаясь совместительством в других учебных заведениях. В курсе учительской семинарии большое место уделялось предметам педагогического цикла (педагогике, психологии, методике первоначального обучения), педагогической практике в народной школе, функционирующей при учительской семинарии. Эти рекомендации были учтены при открытии Череповецкой учительской семинарии Новгородской области и Порецкой учительской семинарии Симбирской губернии.

Своей разносторонней деятельностью в педагогической сфере К. Д. Ушинский значительно повысил образовательный и воспитательный уровень народной начальной школы, расширил и обогатил новыми приемами методику начального обучения, которую до него создавали Коменский, Песталоцци, Дистервег, внес много нового относительно применения

принципа сознательности, основательности и прочности, а также развития активности в деятельности детей. При этом он воспользовался и зарубежным пятилетним (1862–1867) опытом, который изучал в школах Германии и Швейцарии.

Под непосредственным влиянием идей К. Д. Ушинского во второй половине XIX в. широко разрабатывались как общие проблемы педагогики и дидактики (Н. А. Корф, Н. Ф. Бунаков, В. П. Остроградский, П. Ф. Каптерев, В. П. Вахтеров, И. Н. Ульянов, П. Ф. Лесгафт и др.), так и методики преподавания отдельных предметов (В. И. Водовозов, В. Я. Стоюнин, Д. Д. Семенов и др.). Педагогические идеи усваивали и представители нерусских народов России: Я. С. Гогешвили, Г. Агаян, И. Алтынсарын, Р. Эфендиев, И. Я. Яковлев, М. Е. Евсевьев и другие. Каждый из них по-своему преломлял в своей деятельности идеи народной школы.

Дискуссионным был вопрос приобщения нерусских народов к культуре. Для «инородцев» была необходима особая система просвещения, основанная на использовании родного языка и рассчитанная на «сбережение» нерусских в лоне православия. Чтобы делать христианские проповеди понятными, решено было издавать их на родном языке инородцев. Профессор Казанской духовной академии Н. И. Ильминский (1822–1891) открыл школы на родном языке для крещеных татар, а инспектор чувашских школ Казанского учебного округа Н. И. Золотницкий (1829–1880) – для чувашей. Казанская инородческая учительская семинария (1872) должна была готовить учителей для татарских, мордовских, чувашских, марийских школ. В конечном счете ожидалось «прочное сближение инородцев с коренным русским населением путем просвещения» [7, с. 129], то есть в основе педагогической системы Н. И. Ильминского лежала идея общероссийского религиозного единства.

Программа просвещения Н. И. Ильминского состояла из следующих пунктов: 1) христианское просвещение нерусских народов крещеных и язычников для сохранения их от исламизации и отатаривания; 2) перевод книг на языки нерусских народов и использование их для начального обучения в школе; 3) организация начального обучения в школах для детей нерусских народов на родном языке [4, с. 136–141]. Эта программа считалась первоначальной, затем она должна была расширяться и углубляться.

Узаконенная в 1870 г. Министерством народного просвещения программа Н. И. Ильминского, игнорировавшая светское образование, по своей сути была реакционно-идеалистической, но в вопросах обучения нерусских детей объективно означала движение вперед. В ней схоластическим методам противопоставлялись новые формы обучения, достигнутые

педагогической наукой и рассчитанные на сознательное освоение изучаемого материала. Так, для классного чтения применялись учебники К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, которые отличались высокими дидактическими достоинствами. Использовались уроки-беседы, уроки-диспуты, уроки-экскурсии и т. п.

Последователи Н. И. Ильминского заместитель директора Казанской духовной семинарии Н. А. Бобровников, инспектор и директор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов, инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлев, профессор Казанской духовной академии и председатель переводческой комиссии «Братства св. Гурия» М. А. Машанов, инспектор народных училищ Букеевской Орды А. А. Воскресенский, учителя Н. П. Остроумов (Туркестанский край), В. В. Катаринский (Уфимская губерния), М. А. Миронов (Кавказ) и другие дальше развили эту систему [1, с. 39–53].

И. Я. Яковлев, основавший Симбирскую чувашскую школу и сделавший ее центром подготовки учителей, создал систему просвещения чувашей, которая преследовала цели: 1) создание чувашского алфавита и письменности на основе кириллицы, издание религиозной, учебной и научно-популярной литературы на чувашском языке; 2) родной язык должен был считаться орудием первоначального обучения в чувашских школах; 3) богослужение в чувашских церквях должно совершаться на родном языке; 4) в чувашских школах учителями должны быть чуваша; 5) в чувашских школах должны преподаваться те же предметы, что и в русских школах, и родной язык; 6) школьный курс в чувашских школах следует удлинять на один год; 7) в Симбирской чувашской школе будущим учителям давать ремесленные, рукодельные, медицинские, музыкальные знания [6, с. 84]. И. Я. Яковлев не только претворял в жизнь идеи Н. И. Ильминского, но и во многом превзошел его [7].

Для практиков педагогического дела злободневными оставались тогда такие проблемы, как материальное положение школы и учителя, соотношение светских и церковно-приходских школ, соотношение общего и специального образования, соотношение классических и реальных гимназий, охват девочек школьным образованием, методы обучения, качество учебных и наглядных пособий, общественное положение учителя, система поощрений и наказаний в учебных заведениях, авторитет школы среди населения и так далее.

Сторонником передовых педагогических взглядов и одним из активных деятелей, претворявших их на практике пореформенной России, был И. Н. Ульянов, который осуществлял их в ходе работы учителем в Пензенском дворянском институте (1855–1863) и Нижегородской дворянской гимназии (1863–1869),

а затем будучи инспектором и директором народных училищ Симбирской губернии (1869–1886). Эти идеи отразились и в печати того времени [10].

1. *Ефимов Л. А.* Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX веков. Чебоксары, 2000. 259 с.

2. Журнал Министерства народного просвещения. 1876. № 44.

3. *Иванов А.* Нужны ли вы России в настоящее время учительские семинарии? // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Ч. 143, май. Отд. III.

4. *Ильмински, Н. И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык // Православное обозрение. 1863.

5. *Константинов Н. А.* История педагогики. 5-е изд. М.: Просвещение, 1982. 447 с.

6. *Кузнецов П. В. Н. И.* Ильминский и И. Я. Яковлев в диалектике национального самосознания чувашского народа // Халгх шкулё – Народная школа. 2004. № 2. С. 84–85.

7. Н. И. Ильминский и система просвещения инородцев Казанского края // Известия по народному образованию. 1915. № 2.

8. *Нурминский С.* О классной системе обучения в городских училищах // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч. 229, май. Отд. 2.

9. *Павлова А. Н.* Система Н. И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века). Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2004. 203 с.

10. *Сергеев Т. С.* Научно-педагогическая деятельность И. Н. Ульянова по развитию образования в Среднем Поволжье: историография, источники. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т, 2015. 192 с.

11. *Ушинский К. Д.* Собр. соч. М.: АПН РСФСР, 1948. Т. 2. 656 с.

12. *Ушинский К. Д.* Собр. соч. М.: АПН РСФСР, 1948. Т. 3.

1. *Efimov L. A.* Sistemy prosveshcheniya nerusskikh narodov i chuvashskie shkoly Povolzh'ya i Priural'ya posledney treti XIX – nachala XX vekov. SHeboksary, 2000. 259 s.

2. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1876. № 44.

3. *Ivanov A.* Nuzhny li vy Rossii v nastoyashchee vremya uchitel'skie seminarii? // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1869. SN. 143, may. Otd. III.

4. *Il'minskiy N. I.* Ob obrazovanii inorodtsev posredstvom knig, perevedennykh na ikh rodnoy yazyk // Pravoslavnoe obozrenie. 1863.

5. *Konstantinov N. A.* Istoriya pedagogiki. 5-e izd. M.: Prosveshchenie, 1982. 447 s.

6. *Kuznetsov P. V. N. I.* Il'minskiy i I. YA. YAkovlev v dialektike natsional'nogo samosoznaniya chuvashskogo naroda // KHalgkh shkulë – Narodnaya shkola. 2004. № 2. S. 84–85.

7. N. I. Il'minskiy i sistema prosveshcheniya inorodtsev Kazanskogo kraya // Izvestiya po narodnomu obrazovaniyu. 1915. № 2.

8. *Nurminskiy S.* O klassnoy sisteme obucheniya v gorodskikh uchilishchakh // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1885. SN. 229, may. Otd. 2.

9. *Pavlova A. N.* Sistema N. I. Il'minskogo i ee realizatsiya v shkol'nom obrazovanii narodov Vostoka Rossii (v posledney tret'i XIX – nachale XX veka). Cheboksary: CHGU im. I. N. Ul'yanova, 2004. 203 s.

10. *Sergeev T. S.* Nauchno-pedagogicheskaya deyatelnost' I. N. Ul'yanova po razvitiyu obrazovaniya v Srednem Povolzh'e: istoriografiya, istochniki. Cheboksary: CHuvash. gos. ped. un-t, 2015. 192 s.

11. *Ushinskiy K. D.* Sobr. soch. M.: APN RSFSR, 1948. T. 2. 656 s.

12. *Ushinskiy K. D.* Sobr. soch. M.: APN RSFSR, 1948. T. 3.

T. S. Sergeev

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

**DISCUSSION OF PEDAGOGICAL PROBLEMS
IN THE RUSSIAN PRESS DURING THE MID OF THE XIXTH CENTURY**

The article highlights the polemic in the press on the eve of and during the bourgeois reforms in Russia in the middle and in the second half of the XIX century. One of the teachers Democrats and supporters of progressive pedagogical ideas was the inspector and the director of public schools in Simbirsk I. N. Ulyanov.

Keywords: pedagogical idea pedagogical journalism, democratic press, K. D. Ushinsky, I. N. Ulyanov.

УДК 39(4/9)

Г. Р. Столярова**Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань;
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола****ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В МАРИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В статье рассматриваются основные направления, результаты и перспективы научных этнологических исследований в Марийском государственном университете с момента основания по настоящее время.

Ключевые слова: Марийский государственный университет, этнология, научные исследования.

Развитие этнологической науки в Марийском государственном университете началось с момента открытия МарГУ и было предопределено несколькими факторами. Марийский край, с древнейших времен формировавшийся как полиэтничный регион, в котором автохтонное финноязычное марийское население имеет давние контакты с родственными группами (удмуртами и мордвой), а также с тюркоязычными (татары, чуваша) и славяноязычными (русские) группами, представляет собой идеальное научное поле. Этнографические исследования начались здесь усилиями первых русских академиков во второй половине XIX века (Г. Миллер, И. Георги, И. Лепехин и др.) и продолжились трудами ученых Казанского университета, членов и корреспондентов Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете (К. Фукс, А. Фукс, В. А. Сбоев, С. К. Кузнецов и др.). Особая роль в изучении Марийского края, марийцев принадлежит в дореволюционный период профессору И. Н. Смирнову, создавшему фундаментальные труды и заложившему научные основы этнологии региона. Территориальная близость Казанского университета, в котором в 1884 г. была учреждена кафедра этнографии, сыграла свою роль в развитии этнологических исследований в Марий Эл. Именно в Казани получил профессиональное образование Александр Германович Симонов – первый этнолог, начавший трудовую и научную деятельность в созданном Марийском государственном университете. Ученик профессора Е. П. Бусыгина, признанного ученого, создавшего целую научную школу по изучению русского населения Среднего Поволжья, А. Г. Симонов основательно приступил к этнографическому исследованию русских Марийского края и защитил кандидатскую диссертацию, посвященную изучению поселений и жилищ русского населения. Он рассматривал эти элементы материальной культуры как исторический источник, опираясь на которые можно было делать выводы о местах прежнего жительства

первых русских переселенцев на территорию Волго-Ветлужского междуречья. А. Г. Симонов был талантливым ученым, хорошим организатором науки; с его именем связывались определенные надежды на развитие этнологии в Марийском университете. К сожалению, ранняя смерть ученого не дала осуществиться этим планам. На 1970–1980-е гг. приходится деятельность в Марийском университете еще одного выпускника казанской этнографической школы, специалиста в области этнографии мари – Ивана Николаевича Смирнова. Работая в отделе этнографии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, И. Н. Смирнов читал в университете учебный курс по основам этнологии, руководил курсовыми и дипломными проектами, учебными практиками, ездил в этнографические экспедиции совместно с коллегами из Казанского университета, изучал разнообразные аспекты семейной структуры, внутрисемейных отношений и семейного быта марийцев. Не было завершено и это исследование.

Долгие годы в Марийском государственном университете не существовало организационной структуры этнологического направления. Тем не менее в 2011 г. Е. А. Васильевой, старшим преподавателем МарГУ, в Казани была защищена кандидатская диссертация по этнологии на тему «Русское население Марийского края: история формирования и современные этнокультурные процессы» (науч. руководитель – проф. Г. Р. Столярова), в основу которой легли разнообразные источники, в том числе, полевые материалы автора. Е. А. Васильева (дочь А. Г. Симонова) – выпускница географического факультета Казанского государственного университета, проходила специализацию по этнологии, ездила в этнографические экспедиции, успешно защитила дипломный проект по этнологии, что имело немаловажное значение для подготовки кандидатской диссертации.

В настоящее время в Марийском государственном университете существует несколько подразделений,

которые занимаются проблемами этнологии и смежных научных направлений. Это научные школы: «История и культура народов Волго-Вятского региона» (руководитель проф. А. Г. Иванов), «Марийская этномузыкалогия» (руководитель проф. О. М. Герасимов), «Фольклористика в XXI веке: традиции и перспективы развития» (руководитель проф. Т. А. Золотова), а также «Краеведческий центр» (руководитель проф. С. В. Стариков) и Учебно-научный археолого-этнологический центр (далее – УНАЭЦ) с научной школой «Археология и этнология Поволжья» (руководитель д-р ист. наук Ю. А. Зеленева).

В рамках УНАЭЦ МарГУ в настоящее время ведутся этнологические исследования по нескольким проектам. В 2012–2013 гг. был реализован проект «Этнодемографические процессы на селе: как спасти деревню?» (финансирование по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»), посвященный оценке качества жизни сельского населения Республики Марий Эл (рук. канд. ист. наук Г. С. Зеленева). Основываясь на материалах социологического опроса и статистических источниках, исполнители проекта уделили немало внимания этническим аспектам исследованных проблем, таких как тенденции развития этнодемографических процессов в республике; особенности идентичности этнических групп в населении РМЭ; основные направления развития современной сельской семьи. Полученные материалы социологического опроса разрабатывались по трем основным группам этнического большинства республики – русским, мари, татарам, что позволило выделить общее и особенное в наиболее актуальных вопросах жизнедеятельности сельского населения РМЭ. Проект оказался актуализированным сразу по нескольким направлениям: а) нарастанием негативных тенденций в демографической ситуации на селе, что грозит не только депопуляцией населения, но и подрывом этнических корней культуры; б) ухудшением структуры сельских жителей, нарастанием разрыва в качестве жизни сельского и городского населения; в) нарушением естественной межпоколенной преемственности традиций, включая этнические. Полученные результаты фактологически подтвердили исходную научную гипотезу как о высокой значимости сельской поселенческой среды для формирования и развития самобытной культуры, морали и этики, высокой духовности и этнических традиций, так и о наличии комплекса сложных проблем демографического, экономического и социального характера, требующих незамедлительного вмешательства и решения. Не последняя роль в этих процессах отводится научным исследованиям, которые способны проводить мониторинг ситуации. Результаты исследования докладывались

исполнителями проекта на научных конференциях различных уровней, и нашли отражение в публикациях, включая коллективную монографию «Этнодемографические процессы на селе: как спасти деревню?» (Йошкар-Ола, 2013), к которой приложены подробные результаты исследования в виде таблиц статистических распределений.

В 2013–2014 гг. сотрудниками УНАЭЦ МарГУ выполнялся научно-исследовательский проект «Этнокультурный облик русского населения Марийского края: история и современность» (рук. – канд. ист. наук О. В. Данилов, после его смерти Г. С. Зеленева, финансовая поддержка РГНФ). Работа над проектом основывалась на материалах архивов, литературных источниках, а также на большом полевом материале, собранном исполнителями в ходе массового опроса населения и глубинных интервью. В итоге был проанализирован значительный материал, который на данном этапе исследования позволяет сделать определенные заключения. В частности, была составлена историография изучения русских в данном регионе, показаны причины слабой изученности русского населения в дореволюционный период и основные направления исследований в советский и постсоветский периоды. Детализирована история освоения Марийского края русскими переселенцами, выделены три большие зоны с русскими селениями: на юго-западе (Юринский и Горномарийский районы), в центре (окрестности г. Йошкар-Олы, Медведевский, Советский р-ны) и на северо-востоке республики (Оршанский, Новоторъяльский, Сернурский, Куженерский, Параньгинский, Мари-Турекский р-ны). В каждой из трех зон были центры, чаще всего села, вокруг которых группировались деревни, починки и выселки. В других районах существовали единичные русские селения. Картографирование материала позволило рассмотреть расширение ареалов русских поселения до начала XX века и последующее резкое сокращение их числа. Подробно описаны этнодемографические процессы в Марийской республике, включая динамику численности населения, естественное и механическое движение, процессы заключения и расторжения браков и другое. Русское население в Республике Марий Эл является этническим большинством. Современная демографическая ситуация в регионе – как по уровню смертности, так и по уровню рождаемости – более благоприятна, чем по стране в целом. Негативными являются тенденции ранней и преждевременной смертности, в том числе и среди русского населения. Рост численности жителей республике наблюдался в период с 1920 по 1994 гг. С 1994 года идет неуклонное снижение численности населения у всех этнических групп. Механическое движение населения (миграция) в целом не оказывает какого-либо влияния

на формирование численности и профессионально-квалификационной структуры населения. В 1990-е – начало 2000-х гг. произошло значительное сокращение числа заключаемых браков (на 50 %). Одновременно увеличивается количество межэтнических браков с участием русских, которые продолжают оставаться основным партнером при заключении межэтнических браков. Сопоставление демографических процессов у русских и других этносов РМЭ позволило определить общие и специфические черты; в частности, у русских быстрее сокращается сельское население; они чаще вступают в межэтнические браки; темпы депопуляции в республике сокращаются, и у русских этот процесс имеет более благоприятную тенденцию, чем у мари; показатели миграции/иммиграции у русских выше, баланс при этом стремится к нулю. Этнокультурные процессы развиваются по общей схеме: наблюдается значительное наличие унифицированных компонентов, сокращение традиционного слоя культуры и замена отдельных элементов инновациями. При этом этническое самосознание русского населения четкое, структурированное, проявляется в различных сферах жизнедеятельности. Значительная роль в сохранении и развитии этнических компонентов культуры принадлежит исторической памяти, родному языку и религии. Ориентация на межэтнические контакты у русского населения РМЭ положительная, общий фон развития межэтнических отношений благоприятный.

В ходе реализации проекта выделилась тема, имеющая дальнейшую исследовательскую перспективу – этнографическое изучение духовной культуры русских, в частности аспектов, связанных с народным музыкальным творчеством и обрядовой культурой (праздничной и обыденной). В разработку этих тем большой вклад внесли фольклористы МарГУ (группа под руководством профессора Т. А. Золотовой). Изучение этнографических аспектов предполагает акцент на построение типологии форм культуры и выявление их разнообразных функций в системе бытовой культуры.

Остаются вопросы, связанные с заселением русскими переселенцами отдельных территорий Марийского края (время, регионы исхода, формы и типы заселения и т. п.). Определенное значение для решения этих вопросов, наряду с архивными материалами, имеют археологические данные, получаемые в ходе раскопок на территории РМЭ в хронологически поздних (XVII–XIX вв.) слоях. Несмотря на очевидный исторический характер указанных сюжетов, они имеют непосредственный выход на современность и связаны со статусом русских жителей РМЭ. Не секрет, что этнополитические процессы на постсоветском пространстве существенно трансфор-

мировали статус русских в некоторых регионах, сведя их к положению этнических меньшинств (даже при количественном преобладании), что не может не влиять на межэтнические отношения. Предупреждение подобных ситуаций в республиках Волго-Уралья, в целом характеризующихся равновесием межэтнических и межконфессиональных отношений, на наш взгляд, – актуальная и своевременная научная задача.

Как показывает история науки, собственно этническая культура развивается по нескольким направлениям. Можно выделить эволюционный характер развития отдельных культурных компонентов, при котором наблюдается появление и закрепление инноваций, постепенно формирующих новую традицию. Сегодня этот процесс в условиях глобализации протекает особенно бурно, и, на первый взгляд, может появиться впечатление, что этнически маркированные элементы культуры теряют свою значимость и исчезают как пережитки. На самом деле идет перманентное формирование нового культурного комплекса и необходимо успевать фиксировать «уходящую натуру», соответствующую каждому хронологическому периоду. С другой стороны, не исключена актуализация уже, казалось бы, отживших культурных элементов, как это происходит, например, с системой традиционных религиозных воззрений мари, ренессанс которой вызывает широкий общественный резонанс.

Не теряет своей актуальности проблема межэтнических взаимодействий. В дореволюционный период в российской историографии установилась традиция рассматривать благоприятное воздействие русской культуры, априори считавшейся авангардной, на культуру «инородческих» народов. Прогнозировался и конечный результат этого процесса. Так, А. Ф. Риттих писал: «... обрусевшие татары, чуваша, черемисы, вотяки, мордва примешались к русским и настолько сильно испестрили их разнообразием очертаний лица, что легко можно принять русских Среднего Поволжья за совершенно особый тип, но пройдут два-три века, и татары, чуваша, черемисы, вотяки, мордва сольются с постоянно прибывающим русским элементом; тогда лишь одни признаки, открываемые тщательным исследованием, будут говорить об этих отживших и утерянных народах, как ныне говорят о буртасах, хазарах, веси, мери и других племенах, увеличивших семью русскую своим слиянием» [2, с. 103–104]. Сценарий, как известно, не состоялся. Но многовековые контакты русских и других народов Волго-Уралья, которые, безусловно, имели обоюдный характер, не прошли даром и продолжают в наши дни. Первым ученым, кто поставил вопрос о влиянии автохтонных поволжских народов на пришлое русское население, был

Е. П. Бусыгин, показавший этот процесс на элементах материальной культуры [1]. Собственно, этот фактор, наряду с природно-географическим фактором, оказался решающим в формировании особой этнотерриториальной группы русского этноса, получившей в научной литературе название *поволжские великороссы*. Русское население РМЭ, являясь органичной частью поволжских великороссов, по ряду причин менее всего изучено, в том числе и относительно результатов межэтнического взаимодействия. Эта проблема имеет не столько культурологическое, сколько мировоззренческое значение, ибо взаимодействие народов, соседствующих веками, выработавших традиции и формы контактов, происходит естественным путем, размывая этнические границы и сближая культурную дистанцию.

Таким образом, для этнографических исследований в Марий Эл имеются веские основания и широкие перспективы, которые могут и должны быть поддержаны новыми поколениями исследователей. Для этого необходимо как укрепление самой исследовательской базы в Марийском университете

путем совершенствования учебно-образовательных форм, так и расширение профессиональных контактов в региональном, российском и международном пространстве.

1. Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Казань: Казанский университет, 1966.

2. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казань, 1871.

1. Busygin E. P. Russkoe naselenie Srednego Povolzh'ya. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury (seredina KHKH – nachalo KHKH vv.). Kazan': Kazanskiy universitet, 1966.

2. Rittikh A. F. Materialy dlya etnografii Rossii. Kazan', 1871.

G. R. Stolyarova

**Kazan (Volga) Federal University, Kazan
Mari State University, Yoshkar-Ola**

ETHNOLOGICAL RESEARCH IN THE MARI STATE UNIVERSITY

The article discusses the main directions, results and prospects of scientific ethnological researches at the Mari State University since its inception to the present.

Keywords: Mari State University, ethnology, research.

УДК 908(470.343)

А. А. Филонов

*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***К ВОПРОСУ О ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КОЗЬМОДЕМЬЯНСКА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

В статье раскрываются основные тенденции развития лесопромышленной деятельности населения города Козьмодемьянска во второй половине XIX – начале XX веков.

Ключевые слова: лес, лесопромышленная деятельность, лесопильное производство.

Во второй половине XIX – начале XX веков лес представлял одно из главных природных богатств Марийского края. Не являлся исключением город Козьмодемьянск и его уезд. В конце XIX века около 60 % территории Козьмодемьянского уезда было занято лесами. Обилие лесных угодий способствовало дальнейшему развитию лесной промышленности и обусловило значительную роль лесных промыслов в хозяйственной деятельности жителей города Козьмодемьянска.

Рассматриваемая проблематика не являлась предметом специального исторического исследования. Сведения по ней фрагментарны и распределены в различных обобщающих трудах по истории Марийского края [5, 6, 14], специальных исследованиях по истории города Козьмодемьянска [7, 8], периодической печати [9, 11].

Примечательно, что еще во второй половине XVIII века козьмодемьянская купеческая верхушка активизировалась в сфере лесопромышленной деятельности. Часть своих капиталов она вкладывала в постройку речных судов, вододействующих «пильных мельниц». Так, в 90-е годы XVIII века козьмодемьянский купец Н. Калугин имел на реке Юнге 2 лесопильни, где ежегодно выпиливалось до 3 тысяч досок. Доход составлял около 500 рублей. «Пильная мельница» другого козьмодемьянского купца В. А. Калашникова на реке Арда приносила доход до 7500 рублей в год [5, с. 272].

Отмена крепостного права в 1861 году и последующие за этим буржуазные реформы 60–70-х годов XIX века способствовали развитию капиталистических отношений. В сложившихся условиях наблюдался рост лесоразработок, лесной промышленности, что было связано с возросшим спросом на ее продукцию на рынках страны.

В городе Козьмодемьянске лесопромышленной деятельностью занимались преимущественно купцы, но были и отдельные представители из зажиточных крестьян и мещан [10, с. 303]. По данным 1879 года

лесопромышленностью в городе Козьмодемьянске занимались купцы второй гильдии М. И. Немцев, В. И. Замятнин, купчиха М. А. Зубкова совместно с А. В. Зубковым, крестьянин Яким Петров. Вышеупомянутый М. И. Немцев осуществлял торговлю на 15 тысяч рублей. Товары закупались им на Нижегородской ярмарке, а также в Козьмодемьянском и Макарьевском уездах. В. И. Замятнин приобретал товары из лесных дач Козьмодемьянского и Макарьевского уездов. Сбыт товаров осуществлялся в Козьмодемьянске и низовых городах по различным ценам на 15 тысяч рублей [7, с. 405–408]. В 1884 году из 38 козьмодемьянских купцов 8 занимались лесопромышленностью [1, л. 9].

В 80-е годы XIX века выросли темпы прокладки Московско-Казанской железной дороги, что способствовало росту спроса на пиломатериалы и особенно шпалы. Это обстоятельство быстро уловили дельцы-лесопромышленники и активизировали свою деятельность. Особого внимания заслуживает лесопромышленное предпринимательство козьмодемьянского купца второй гильдии А. И. Шишокина, размах которой был больше, чем у всех вместе взятых лесопромышленников Козьмодемьянска. Имения Шишокина включали лесные угодья, лесопильные заводы и большой штат служащих и рабочих в Козьмодемьянском и Царевококшайском уездах. Заготовка леса велась вдоль сплавных рек: Илети, Рутки, Суры, Унжи. С конца ноября 1890 года до конца февраля 1891 года с А. И. Шишокиным было заключено 5 контрактов на заготовку леса на общую сумму 5654 руб. 20 коп. Согласно этим контрактам предполагалось заготовить 5250 сосновых и еловых бревен. Со временем масштабы лесопромышленной деятельности А. И. Шишокина росли. В навигацию 1895 года в город Царицын было поставлено 37266 штук еловых и сосновых бревен и бруса разной длины. В этом же году в Астрахань было отправлено 46847 бревен [13, с. 142, 147; 14, с. 136].

Одну из операций лесопромышленности, как известно, составляет лесопильное производство. В изучаемый период наметилась тенденция к вытеснению ручной распиловки леса и вододействующих лесопильных заводов паровым лесопилением. Это привело к повышению производительности заводов, а также к освобождению лесопильного производства от капризов природы, так как производительность пильных мельниц резко колебалась в зависимости от уровня и количества воды на плотинах [16, с. 38].

К 1896 году А. И. Шишочкину принадлежало 3 паровых лесопильных завода: Лопатинский, Кушергский и Мариинский. На них из заготовленной деловой древесины вырабатывали бревна, московский брус, доски, тес, шпалы и другие лесоматериалы. Так, за период с середины декабря 1893 г. по начало марта 1894 г. на Кушергском лесопильном заводе было распилено 12280 деревьев (11677 – сосновых, 603 – еловых) и напильено 79890 досок (76017 – сосновых, 3873 – еловых) [4, л. 45–46]. На лесопильных заводах А. И. Шишочкина работали машинисты, слесари, плотники, литейщики, токари, кочегары, опиловщики, лодочники, скобельщики бревен, тележечники, укладчики и другие рабочие [11, с. 10].

Лесопромышленная деятельность Шишочкина достигла пика в 1897 году. Торговый оборот от продаваемой древесины за этот год составил около 200 тыс. руб. Были установлены широкие деловые связи с различными банками, конторами, страховыми обществами в Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и других городах. Однако в конце XIX века Шишочкин не оценил должным образом свои возможности, оказался в долгах, заложил свои заводы и разорился. В ведомости о торгующих лицах в городе Козьмодемьянске за 1902 год А. И. Шишочкин уже не значился [11, с. 10].

Кроме Шишочкина, был известен козьмодемьянский лесопромышленник Дерябин, который занимался строительством белян на Ветлуге и сплавливал их по Волге. Козьмодемьянец Василий Шуртыгин сплавливал лес по Унже, Ветлуге, Большой и Малой Кокшаге, имел плавучую лесопилку [9, с. 11]. В июне 1897 г. он приобрел у московского купца П. В. Аристова 1653 сосновых шпальных кряжа, а также 2917 бревен. Из этого материала Шуртыгиным было выработано на Покровской и Мумарихинской пристанях 51000 шпал, на которые ему выдали сплавные билеты. В. И. Шуртыгин активно занимался лесопромышленностью и в начале XX века. Так, с торгов 1906 г. он купил лес для разработки в Кучкинском и Царевкокшайском лесничествах Царевкокшайского уезда на сумму 22352 руб. В октябре 1910 г. им же были заторгованы в Липшинском лесничестве Чебоксарского уезда 42 делянки на 49393 руб., а в августе 1911 г. – 9 делянок площадью 16 десятин за 9527 руб. [14, с. 139].

Лесопромышленная деятельность играла важную роль для торгового дома «Братья Губины». Они были владельцами нескольких лесопильных заводов, занимались лесоразработками. Конкретно, 23 и 29 мая 1895 г. им было выдано в общей сложности 18 билетов на сплав по реке Волге 146990 штук соснового и елового теса, 102730 штук сосновых шпал, 2400 штук сосновой рейки, 2900 штук соснового подтоварника, 3200 штук соснового полубруса, 600 сосновых телеграфных столбов, 300 сосновых бревен, 3500 сосновых шпальных досок, 3000 штук сосновых шестов, 1200 штук березовых крючков, 700 обтесанных сосновых брусков, 808 пятериков сосновых и еловых дров. Все эти материалы были выработаны из леса, приплавленного по сплавным билетам Большекокшагского, 1-го Царевкокшайского, Устинского лесничеств, XIV Черновского удельного округа и землевладельца Лугинина [2, л. 37–45; 3, л. 17–18 об.].

В 1900 г. торговый дом братьев Губиных приобрел лес из Ардинской 4-й дачи Мадарского лесничества Козьмодемьянского уезда на 4061 руб., в 1901 г. – из Ардинской 1-й дачи Коротненского лесничества того же уезда на 23480 руб.; в 1902 г. – в Кучкинском лесничестве Царевкокшайского уезда на 12763 руб., в Мушеранском лесничестве того же уезда на 15886 руб. 50 коп.; в 1903 г. – в Кучкинском лесничестве на 25054 руб.; в 1905 г. – в Липшинском лесничестве Чебоксарского уезда на 66429 руб.; в 1906 г. – в Кучкинском лесничестве на 16548 руб. [14, с. 134].

Известным лесопромышленником был козьмодемьянский купец С. С. Замятнин. В 1896 г. он являлся владельцем лесопильного завода в Ардинском лесничестве Козьмодемьянского уезда, а также лесопильного и паркетного заведения в селе Вурман-Касы Сюндырской волости того же уезда. В 1913 г. Замятнину в Козьмодемьянском уезде принадлежало уже 3 лесопильных завода: 1 – в Сюндырской волости на реке Сюктерке и 2 – в Ардинской волости на Дубовой пристани [14, с. 131–132].

С. С. Замятнин активно занимался заготовкой леса и лесоматериалов с целью их дальнейшего сбыта. Так, в июне 1895 г. ему было выдано два билета на сплав 32000 штук соснового и елового теса, а также 10000 штук сосновых шпал. В октябре 1895 г. Замятнин представил в Козьмодемьянское уездное полицейское управление 7 сплавных билетов на купленные им 2026 сосновых и 2168 еловых деревьев. Этот лес был распилен на его Сюктерском лесопильном заводе на тес, который впоследствии был погружен в 2 баржи и сплавлен в низовые города [2, л. 53–55; 3, л. 21–28, 136–146].

В апреле 1896 г. С. С. Замятнину был выдан билет на сплав леса, заготовленного им в 6-м Труслейском

удельном имении Карсунского уезда Симбирской губернии. Разработка велась зимой 1895–1896 гг. Всего оказалось заготовлено 11000 бревен. В июне 1896 г. С. С. Замятнину было выдано три билета на сплав выработанных из этого количества бревен на Суктерском лесопильном заводе 20000 шпал, 35000 досок и 3000 бревен. Весь этот материал был сплавлен по рекам Суре и Волге до города Астрахани. В 1900 г. С. С. Замятнин заторговал лесные участки из Ардинской 4-й дачи Мадарского лесничества и Ардинской 1-й дачи Коротненского лесничества Козьмодемьянского уезда на общую сумму 29989 руб. [14, с. 138–139].

Некоторые купцы, проживавшие в городе Козьмодемьянске, производили торговлю дровами с пристаней на проходившие по реке Волге пароходы. Конкретно продажей дров с берега занимались купцы 2-й гильдии В. И. Замятнин, И. М. Зубков, П. М. Зубков [14, с. 135].

Заметное место в лесном предпринимательстве города Козьмодемьянска занимали крестьяне и мещане. К этому следует добавить и широкий размах крестьянских лесных промыслов, что существенно расширяло сферу крестьянской лесопромышленной деятельности. Среди крестьян и мещан довольно распространенным занятием являлось строительство барж для транспортировки на них различных материалов, а также работа в качестве якорщиков-сплавщиков. По данным 1912 г., владельцами якорных лодок являлись мещане города Козьмодемьянска С. А. Пономарев, Ф. И. Изотов, А. И. Николаев, Г. И. Леонтьев, И. В. Бакин, М. С. Сергеев, А. Д. Криворотов и другие [12, с. 175].

Во второй половине XIX века в городе Козьмодемьянске и его уезде дальнейшее развитие получили промыслы по обработке древесины, изготовление из нее хозяйственного инвентаря, домашней утвари, мебели, бондарных изделий, рогож, кулей, циновок, лаптей, саней, колес, лодок, корзин [6, с. 76]. Этим промыслам принадлежало первое место по числу занятых лиц в крестьянской промышленности Казанской губернии во второй половине 80-х годов XIX века. Так, в Козьмодемьянском уезде этим видом промысла было занято 88 % крестьян, или 3608 человек [15, с. 51].

Как видно, в рассматриваемое время козьмодемьянское купечество и, в известной мере, представители мещанства и крестьянства активно включились в сферу лесопромышленного предпринимательства. Она включала в себя торговые операции по приобретению и разработке казенных и частновладельческих лесов, организации заводского лесопильного производства, а также сбыт леса и лесоматериалов в плотах, белянах, баржах и других речных судах.

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 298.
 2. ГА РМЭ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 243.
 3. ГА РМЭ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 246.
 4. ГА РМЭ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 19.
 5. Иванов А. Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1995. 368 с.
 6. Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1999. 160 с.
 7. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / сост., предисл. и коммент. А. Г. Иванова. Йошкар-Ола, 2008. 616 с.
 8. Козьмодемьянск 1583–2008 гг. / под общ. ред. Л. А. Гаранина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2008. 208 с.
 9. Кorableva O. Козьмодемьянское купечество // Ведомости Козьмы и Демьяна. 2005. 22 сентября.
 10. Михайлов С. М. Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. 510 с.
 11. Муравьев А. В. Крах купца Шишокина // Ведомости Козьмы и Демьяна. 2009. 24 декабря.
 12. Филонов А. А. К вопросу о труде якорщиков на Козьмодемьянской лесной ярмарке в начале XX века // Марийский архивный ежегодник. 2012. Вып. 12. С. 172–177.
 13. Филонов А. А. Лесопромышленная деятельность козьмодемьянского купца А. И. Шишокина (из материалов личного фонда) // Марийский археографический вестник. 2011. Вып. 21. С. 141–153.
 14. Филонов А. А. Очерки по истории лесного хозяйства Марийского края второй половины XIX – начала XX веков: монография. Йошкар-Ола, 2014. 296 с.
 15. Чимаев А. Н. Некоторые особенности развития крестьянских промыслов на территории Марийского края в 60-х – начале 80-х гг. XIX в. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 3. С. 50–55.
 16. Чимаев А. Н. Развитие деревообрабатывающей промышленности на территории Марийского края в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы дореволюционной истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1978. С. 35–57.
1. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El' (dalee – GA RME'). F. 16. Op. 1. D. 298.
 2. GA RME'. F. 100. Op. 1. D. 243.
 3. GA RME'. F. 100. Op. 1. D. 246.
 4. GA RME'. F. 226. Op. 1. D. 19.
 5. Ivanov A. G. Ocherki po istorii Mariyskogo kraya XVIII veka. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1995. 368 s.
 6. Ivanov A. G., Sanukov K. N. Istoriya mariyskogo naroda. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 160 s.
 7. Koz'modem'yansk v kontse XVI – nachale XIX vekov: dokumenty i materialy po istorii goroda / sost., predisl. i komment. A. G. Ivanova. Yoshkar-Ola, 2008. 616 s.
 8. Koz'modem'yansk 1583–2008 gg. / Pod obshch. red. L. A. Garanina. Yoshkar-Ola: MarNIYALI, 2008. 208 s.
 9. Korableva O. Koz'modem'yanskoe kupechestvo // Vedomosti Koz'my i Dem'yana. 2005. 22 sentyabrya.
 10. Mikhaylov S. M. Sbranie sochineniy. SHeboksary, 2004. 510 s.

11. *Murav'ev A. V.* Krakh kuptsa SHishokina // *Vedomosti Koz'my i Dem'yana*. 2009. 24 dekabrya.

12. *Filonov A. A.* K voprosu o trude yakorshchikov na Koz'modem'yanskoy lesnoy yarmarke v nachale XX veka // *Mariyskiy arkhivnyy ezhegodnik*. 2012. Vyp. 12. S. 172–177.

13. *Filonov A. A.* Lesopromyshlennaya deyatel'nost' koz'modem'yanskogo kuptsa A. I. SHishokina (iz materialov lichnogo fonda) // *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik*. 2011. Vyp. 21. S. 141–153.

14. *Filonov A. A.* Ocherki po istorii lesnogo khozyaystva Mariyskogo kraya vtoroy poloviny XIX – nachala XX vekov: monografiya. Yoshkar-Ola, 2014. 296 s.

15. *CHimaev A. N.* Nekotorye osobennosti razvitiya krest'yanskikh promyslov na territorii Mariyskogo kraya v 60-kh – nachale 80-kh gg. XIX v. // *Mariyskiy arkheograficheskiy vestnik*. Yoshkar-Ola, 1993. Vyp. 3. S. 50–55.

16. *CHimaev A. N.* Razvitie derevoobrabatvyvayushchey promyshlennosti na territorii Mariyskogo kraya v kontse XIX – nachale XX vv. // *Voprosy dore-volyutsionnoy istorii Mariyskogo kraya*. Yoshkar-Ola, 1978. S. 35–57.

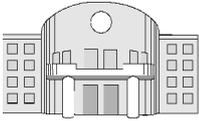
A. A. Filonov

Mari State University, Yoshkar-Ola

**THE TIMBER ACTIVITIES OF THE POPULATION
OF THE CITY KOZMODEMJANSK IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES**

The article reveals the main trends in the timber activities of the population of the city Kozmodemjansk in the second half of XIX – early XX centuries.

Keywords: forest, timber operations, sawmill production.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LAW

УДК 347.64

Е. П. Бурдо

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

В работе рассматривается организация и функционирование органов опеки и попечительства, их правовой статус.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, несовершеннолетние.

Органы опеки и попечительства непосредственно включены в единый механизм обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей в области гражданских, семейных, жилищных отношений [9, с. 37]. Они участвуют в установлении форм устройства и воспитания несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляют контроль за исполнением законными представителями несовершеннолетних детей возложенных на них полномочий. Без их разрешения не могут быть совершены сделки по отчуждению имущества несовершеннолетних детей.

Участие органов опеки и попечительства в процессе осуществления сделок несовершеннолетними детьми предопределено неполной дееспособностью детей, уровень которой дифференцирован в зависимости от возраста (ст. 26, 28 ГК РФ) [2]. Они выступают дополнительным контрольным звеном в определении законности и допустимости совершения сделок с имуществом ребенка после действий (содействия) родителей, усыновителей, опекунов (попечителей) (ст. 37 ГК РФ [2], ст. 60 СК РФ [8], гл. 4 Закона об опеке и попечительстве [11]).

При этом статус органов опеки и попечительства является двойственным. Это орган публичной власти в реализации частных прав несовершеннолетних детей. Таким образом, регулирование деятельности органов опеки и попечительства и само их функционирование отличаются частно-публичной

природой, когда вмешательство в область частных отношений граждан оправдано необходимостью защиты их прав и законных интересов.

Орган опеки и попечительства как элемент указанного механизма является комплексным и по сфере имущественных и неимущественных отношений, в которые он включен: гражданские, семейные, жилищные, в то время как вопросы регулирования указанных отношений отнесены либо к исключительному ведению РФ (гражданское законодательство), либо совместному ведению РФ и ее субъектов (семейное, жилищное законодательство) [5, с. 17]. Поэтому должны быть выстроены: адекватная самому правовому механизму обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей система органов опеки и попечительства и правила ее функционирования.

С 1 января 2008 г. полномочия по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации [12]. До этого данные функции выполняли органы местного самоуправления. В настоящее время органами опеки и попечительства являются органы исполнительной власти субъектов Федерации [4, с. 37]. Таким образом, «вся информация, касающаяся данной категории граждан, собирается и учитывается органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации» [7]. Однако после повышения статуса органов опеки

и попечительства с местного на региональный уровень в действительности ситуация мало изменилась. В большинстве субъектов РФ, в том числе в Республике Марий Эл, продолжает реализовываться муниципальная модель этих органов посредством принятия законов субъектов РФ, которыми органы местного самоуправления наделяются государственными полномочиями по осуществлению функций органов опеки и попечительства.

Так, в Республике Марий Эл, согласно п. 1 ст. 2 Закона РМЭ «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по опеке и попечительству, назначению и выплате единовременных пособий при передаче ребенка на воспитание в семью и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Марий Эл», отдельными государственными полномочиями по осуществлению функций органов опеки и попечительства наделены органы местного самоуправления всех муниципальных районов и городских округов городов Волжск, Йошкар-Ола и Козьмодемьянск [3].

Между тем, такой вариант должен носить исключительный характер.

Согласно ч. 1 ст. 6 Закона, органы местного самоуправления муниципальных образований (в том числе поселений), на территориях которых отсутствуют органы по опеке и попечительству, образованные в соответствии с Законом РФ, могут наделяться законом субъекта Федерации полномочиями по опеке и попечительству. Органы местного самоуправления наделяются указанными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств [11]. Такая ситуация носит повсеместный характер.

Несовершенства системы органов опеки и попечительства, основанной на модели ее осуществления органами местного самоуправления, проявились наиболее отчетливо в связи с вступлением в силу с 1 января 2013 г. ФЗ РФ от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [10]. Указанный Закон предусмотрел реализацию новой жилищной гарантии детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, в виде предоставления жилых помещений по договорам специализированного найма сроком на пять лет вместо договора социального найма. Только по окончании срока договора найма специализированного жилого помещения и при отсутствии оснований для оказания нанимателю помощи в преодолении трудной жизненной ситуации в отношении занимаемого жилого помещения заключается договор социального найма. Законом № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. предусмот-

рено обязательное формирование на уровне субъекта РФ списка детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из их числа, нуждающихся в предоставлении жилых помещений из специализированного жилищного фонда. При этом функции по жилищному обеспечению детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей (включая установление оснований для предоставления жилья, формирование списка льготников, предоставление жилого помещения, контроль за сохранностью закрепленного жилья, постинтернатное сопровождение нанимателей с целью выявления проблем с выполнением обязанностей по договору найма или риска появления иных правообладателей жилого помещения), отнесены Законом № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. к компетенции органов исполнительной власти субъектов РФ. Кроме того, расширен круг льготников за счет уточнения оснований признания невозможным проживания в ранее закрепленном жилом помещении, а также за счет придания положениям Закона обратной силы с закреплением обязанности обеспечить жильем всех граждан льготной категории, включая достигших 23 лет, но не реализовавших до вступления Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. в силу свое право.

До вступления в действие Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. функции по предоставлению жилых помещений по договорам социального найма в большинстве субъектов РФ были переданы на местный уровень. В реализации этой функции имелись значительные несовершенства. В частности, они касались недостаточной регламентации правил учета детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, в качестве нуждающихся в жилищном обеспечении. Несмотря на внеочередной порядок предоставления жилья (ст. 57 ЖК РФ в редакции до Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г.) и ее разъяснения ВС Российской Федерации¹, правила учета льготников по-разному определялись в законодательстве субъектов РФ и органов местного самоуправления. Не везде формировался предварительный учет, не предусматривался учет по инициативе самих льготников, в результате многие из указанной категории граждан, достигнув 23 лет, не по своей вине, а по упущениям в деятельности органов опеки и попечительства оказывались не включенными в списки льготников и(или) не состоявшими на учете и утрачивали право на получение жилья.

По указанному вопросу сложилась противоречивая судебная практика, некоторые суды восстанавливали право граждан на получение социального жилья, отмечая особый порядок реализации такого права

¹ Обзор законодательства и судебной практики ВС РФ за III квартал 2007 г. (вопрос 3). Утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 7 ноября 2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.).

и активную роль в этом процессе органа опеки и попечительства¹. Другие суды, напротив, формировали отрицательную практику, ограничиваясь формальным подходом, исключительно возрастным критерием льготника без оценки роли органа опеки и попечительства, упущений в его работе и недостаточной законодательной регламентацией этого вопроса².

С Законом № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. объем жилищной обеспечительной функции значительно увеличился, а также дополнен постинтернатным контролем за нанимателями, на что не рассчитан имеющийся состав органов опеки и попечительства. Новый вид специализированного жилищного фонда для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, по смыслу Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. должен составлять государственный жилищный фонд субъектов РФ и создаваться за счет средств субъектов РФ и дополнительных субсидий из федерального бюджета.

¹ Определение Приморского краевого суда от 15 января 2013 г. по делу № 33-11477 «Заявление об обязанности принять на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении, обеспечить благоустроенным жилым помещением удовлетворено, поскольку заявитель относится к категории детей, оставшихся без попечения родителей, обратился с заявлением о постановке его на учет на получение жилья в возрасте до 23 лет, закрепленное за ним жилое помещение общей площадью менее учетной нормы, приходящейся на одного человека». [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.); Определение ВС РФ от 5 июня 2012 г. № 87-КГ12-1 «Дело о принятии на учет лиц, нуждающихся в получении жилых помещений, предоставлении жилых помещений и включении в сводный список лиц, относящихся к категории детей-сирот, направлено на новое рассмотрение, так как судом не были выяснены обстоятельства, имеющие значение для дела» [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.).

² Апелляционное определение Ростовского областного суда от 17 сентября 2012 г. по делу № 33-10720 «В удовлетворении исковых требований о восстановлении срока для постановки на учет в качестве нуждающейся в жилом помещении отказано правомерно, поскольку законом установлен предельный возраст льготного обеспечения жильем детей, оставшихся без попечения родителей, и не предусмотрена возможность восстановления срока на обращение в органы местного самоуправления для постановки на квартирный учет». [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.); Апелляционное определение Омского областного суда от 28 ноября 2012 г. по делу № 33-7235/2012 «В удовлетворении иска о восстановлении пропущенного срока для предоставления жилого помещения во внеочередном порядке по категории «ребенок-сирота» отказано правомерно, поскольку материалами дела подтверждается, что истица до двадцати трех лет не обращалась в уполномоченный орган с заявлением о постановке на учет для получения жилой площади вне очереди». [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.); Апелляционное определение СК по ГД ВС РМЭ от 14 января 2014 г. по делу № 33-15/2014 по апелляционной жалобе представителя Домрачева В. В. Серебровой Г. Ф. на решение Медведевского районного суда Республики Марий Эл от 8 октября 2013 г. // Архив ВС РМЭ за 1 квартал 2014 г.

Соответственно, изменился и сам уровень органов власти, обязанных формировать жилищный фонд, а также список льготников.

Таким образом, полноценная реализация положений Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. требует количественной и качественной перестройки системы органов опеки и попечительства, в то время как многие субъекты РФ вопреки положениям Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. пытаются сохранить прежнюю систему, оставив функции органов опеки и попечительства органам местного самоуправления и передав осуществление государственного полномочия по жилищному обеспечению детей также на местный уровень (как было с социальным наймом).

Но даже при сохранении муниципальной модели решения жилищного вопроса требование Закона № 15-ФЗ от 29 февраля 2012 г. об обязанности формировать региональный список льготников должно выполняться, что приведет к дублированию учета (ведения списка) на региональном и местном уровне. Примеры таких коллизий в реализации прав льготников имеются (гражданин был включен только в один из списков, и органы власти снимали тем самым с себя обязанность по жилищному обеспечению) [1].

Сохранение за органами местного самоуправления функций органов опеки и попечительства не отвечает повышающейся роли государства в защите прав и интересов несовершеннолетних детей и реализации предоставленных им возможностей. Такая модель органов опеки и попечительства вступает в противоречие с самим механизмом осуществления и защиты прав несовершеннолетних детей, который подчиняется правилам, установленным преимущественно в нормах федерального законодательства (ГК РФ) либо совместного законодательства РФ и субъектов РФ, но в большей степени на уровне федеральных норм (СК РФ, ЖК РФ, Закон об опеке и попечительстве).

1. Апелляционное определение СК по АД ВС РМЭ от 25 июля 2013 г. по делу № 33-1305 по апелляционной жалобе Шаркаевой Н. А. на решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 6 мая 2013 г. // Архив ВС РМЭ за 2013 г.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ): принят ГД ФС РФ 21 октября 1994 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Закон РМЭ от 25 октября 2007 г. № 49-3 (в ред. Закона РМЭ от 30 декабря 2013 г. № 63-3) «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по опеке и попечительству, назначению и выплате единовременных пособий при передаче ребенка на воспитание в семью и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Республики Марий Эл» // СЗ РМЭ. 2007. № 11. Ст. 493.

4. *Коротких О. А., Шкилева Н. Л.* О полномочиях органов опеки и попечительства // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2012. № 1.

5. *Малеина М. Н.* Средства защиты прав несовершеннолетнего, применяемые органом опеки и попечительства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4.

6. Обзор законодательства и судебной практики ВС РФ за III квартал 2007 г. (вопрос 3). Утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 7 ноября 2007 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы КонсультантПлюс (дата обращения 14.05.2014 г.).

7. Решение Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 17 февраля 2012 г. по делу № 2–170/2012 // Архив Звениговского районного суда РМЭ за 2012 г.

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223–ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 5 мая 2014 г. № 126–ФЗ); принят ГД ФС РФ 8 декабря 1995 г. // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

9. *Серебрякова А. А.* Органы опеки и попечительства как субъекты семейного права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4.

10. СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1163.

11. ФЗ РФ от 24 апреля 2008 г. № 48–ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 5 мая 2014 г. № 118–ФЗ) «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

12. ФЗ РФ от 29 декабря 2006 г. № 258–ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 29 декабря 2012 г. № 273–ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 21.

1. Apellyatsionnoe opredelenie SK po AD VS RME' ot 25 iyulya 2013 g. po delu № 33–1305 po apellyatsionnoy zhalobe SHarkaevoy N. A. na reshenie Yoshkar–Olinskogo gorodskogo suda Respubliki Mariy E'l ot 6 maya 2013 g. // Arkhiv VS RME' za 2013 g.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. № 51–ФЗ (v red. FZ RF ot 5 maya 2014 g. № 99–ФЗ); prinyat GD FS RF 21 oktyabrya 1994 g. // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.

3. Zakon RME' ot 25 oktyabrya 2007 g. № 49–Z (v red. Zakona RME' ot 30 dekabrya 2013 g. № 63–Z) «O nadelenii organov mestnogo samoupravleniya ot del'nymi gosudarstvennymi polnomochiyami po opeke i popechitel'stvu, naznacheniyu i vyplate edinovremennykh posobiy pri peredache rebenka na vospitanie v sem'yu i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Respubliki Mariy E'l» // SZ RME'. 2007. № 11. St. 493.

4. *Korotkikh O. A., Shkileva N. L.* O polnomochiyakh organov opeki i popechitel'stva // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2012. № 1.

5. *Maleina M. N.* Sredstva zashchity prav nesovershennoletnogo, primenyaemye organom opeki i popechitel'stva // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2013. – № 4.

6. Obzor zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki VS RF za III kvartal 2007 g. (vopros 3). Utv. Postanovleniem Prezidiuma VS RF ot 7 noyabrya 2007 g. [Elektronnyy resurs]. Dostup iz spravochnoy pravovoy sistemy Konsul'tantPlyus (data obrashcheniya 14.05.2014 g.).

7. Reshenie Zvenigovskogo rayonnogo suda Respubliki Mariy E'l ot 17 fevralya 2012 g. po delu № 2–170/2012 // Arkhiv Zvenigovskogo rayonnogo suda RME' za 2012 g.

8. Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29 dekabrya 1995 g. № 223–ФЗ (v red. FZ RF ot 5 maya 2014 g. № 126–ФЗ); prinyat GD FS RF 8 dekabrya 1995 g. // SZ RF. 1996. № 1. St. 16.

9. *Serebryakova A. A.* Organy opeki i popechitel'stva kak sub'ekty semeynogo prava // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2013. № 4.

10. SZ RF. 2012. № 10. St. 1163.

11. FZ RF ot 24 aprelya 2008 g. № 48–ФЗ (v red. FZ RF ot 5 maya 2014 g. № 118–ФЗ) «Ob opeke i popechitel'stve» // SZ RF. 2008. № 17. St. 1755.

12. FZ RF ot 29 dekabrya 2006 g. № 258–ФЗ (v red. FZ RF ot 29 dekabrya 2012 g. № 273–ФЗ) «O vnesenii izmeneniy v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s sovershenstvovaniem razgranicheniya polnomochiy» // SZ RF. 2007. № 1 (ch. 1). St. 21.

E. P. Burdo

Mari State University, Yoshkar-Ola

PERFECTION OF GUARDIANSHIP BODIES SYSTEM TO PROMOTE AND PROTECT THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINOR CHILDREN

The paper describes the organization and functioning of the bodies of trusteeship and guardianship, their legal status.

Keywords: the bodies of trusteeship and guardianship, minor.

УДК 342.72:374

И. Г. Гаранина

*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
ИМПЛЕМЕНТАЦИИ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

Статья освещает преимущества использования концепции репродуктивных прав и каким образом государственная политика и законодательство государства могут быть использованы для продвижения знаний о репродуктивных правах человека. Также останавливается внимание на анализе некоторых из барьеров, часто встречающихся при информировании о репродуктивных правах человека на национальном уровне. Статья завершается кратким обсуждением роли правозащитников в проведении успешной реформы законодательства в выделенной сфере.

Ключевые слова: репродуктивные права человека, право на репродуктивный выбор, правовое просвещение, пропаганда прав человека.

Институт репродуктивных прав (включая право на репродуктивный выбор) охватывает некоторые права человека, которые уже признаны в национальных законодательствах, международных документах по правам человека и других международно-правовых актах. Указанные права зиждутся на признании основного права всех супружеских пар и отдельных лиц свободно и ответственно определять количество, интервал и сроки рождения их детей и иметь информацию о праве на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья. Данный институт также включает их право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без дискриминации, принуждения и насилия, о чем говорится в основных документах по правам человека¹.

Репродуктивные права гарантируются в международных и региональных соглашениях по правам человека. Однако если государства не признают юридической силы указанных актов, то такие гарантии – это всего лишь пустые обещания. Опыт и правовые перемены некоторых стран мира могут служить примером того, что в некоторых случаях для укрепления государственной политики и/или законодательного решения необходимо реализовать пропагандистские реформы. Данные примеры можно использовать и для региональных и международных тенденций в сфере прав человека.

Репродуктивные права прочно укоренились в системе прав человека и основных свобод. В широком смысле репродуктивные права охватывают два принципа – охраны репродуктивного здоровья и право на репродуктивное самоопределение.

Право на охрану репродуктивного здоровья.

Репродуктивное здоровье является фундаментальным аспектом женского благополучия. Без регулярного доступа к безопасным и высококачественным услугам женщины становятся уязвимыми к целому ряду негативных последствий, которые могут включать гибель или увечья во время родов, нежелательную беременность, и заболевания, передающиеся половым путем (ЗППП). Право на охрану репродуктивного здоровья, таким образом, приводит к обязанности государства обеспечить доступность услуг по охране репродуктивного здоровья и устранению правовых препятствий для получения медицинской помощи.

Охрана репродуктивного здоровья должна включать меры по содействию безопасной беременности и родов; профилактики и лечения ВИЧ/СПИД и других венерических заболеваний; лечение бесплодия, а также полный спектр качественных методов контрацепции (в том числе экстренной контрацепции). Эти меры должны быть доступны для всех женщин, включая подростков.

Право на охрану репродуктивного здоровья коренится в нормах международно-правовых актов по правам человека, защищающих жизнь и здоровье. Право на жизнь охраняется в большинстве из основных источников в области прав человека, в том числе, во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах (далее, Пакт). Комитет ООН по правам человека, который является контрольным органом за соблюдением Пакта, интерпретировал это право как обязанность требовать от государств принять «позитивные меры», направленные на сохранение жизни, такие как «сокращение детской смертности и увеличение продолжительности жизни...».

¹ Programme of Action of the International Conference on Population and Development, Cairo, Egypt, September 5–13, 1994, para. 7.3, U. N. Doc. A/ CONF. 171/13/Rev. 1 (1995).

Право на здоровье признается в статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которая требует от государств признавать право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Всемирная организация здравоохранения (далее ВОЗ) определила здоровье как «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или физических дефектов»¹. Повторяя определение термина «общее состояние здоровья», данное ВОЗ, Международная конференция по народонаселению и развитию (далее, МКНР) Программа действий определяет репродуктивное здоровье как общее благополучие во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы, ее функций и процессов².

В то время как право на здоровье не гарантирует прекрасное здоровье для всех людей, оно охватывает обязанность государств предоставлять соответствующие медицинские услуги. Пакт об экономических, социальных и культурных правах требует от государств, создать условия, которые обеспечивали бы всем медицинскую помощь и медицинский уход в случае болезни.

Обязательство предоставлять услуги по охране репродуктивного здоровья, в частности, имеет поддержку в таком принципе международного права прав человека, как недискриминация. Государства обязаны обеспечивать права каждого человека на жизнь и здоровье независимо от пола³. Для обеспечения равного осуществления права на жизнь и права на охрану здоровья государства должны принимать во внимание особые потребности в области здравоохранения женщин и мужчин.

Охрана репродуктивного здоровья является основополагающим элементом для обеспечения благополучия женщин, таким образом, государства должны принимать решительные меры по гарантированию того, что охрана репродуктивного здоровья является доступной для всех женщин. Этот принцип четко обозначен в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее Конвенция), которая предусматривает, что государства-участники должны принимать «соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем чтобы

обеспечить на основе равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в том числе связанных с планированием семьи»⁴. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее Комитет), который контролирует имплементацию Конвенции, в своей общей рекомендации о женщинах и здоровье (далее Рекомендации по здоровью) заявляет, что государства-участники должны «обеспечить всеобщий доступ всех женщин к полному спектру качественных и доступных медицинских услуг, в том числе, в области сексуального и репродуктивного здоровья»⁵.

Государства также обязаны устранить юридические барьеры для охраны репродуктивного здоровья. В своей Рекомендации по здоровью Комитет рекомендует государствам «... устранить препятствия к получению женщинами надлежащего медицинского обслуживания» [1, с. 96]. Среди таких правовых препятствий в охране репродуктивного здоровья являются законодательные, запрещающие аборт и криминализирующие добровольную стерилизацию.

Право на репродуктивное самоопределение. Право на репродуктивное самоопределение имеет своей основой право на физическую неприкосновенность, право на неприкосновенность частной жизни, право планировать свою семью, а также право на свободу от всех форм насилия и принуждения, которые влияют на сексуальную или репродуктивную жизнь женщины.

Право на физическую неприкосновенность признается в договорных положениях, защищающих право на уважение человеческого достоинства и право на свободу и личную неприкосновенность⁶. Право на физическую неприкосновенность также защищается статьей 4 Африканской хартии прав человека и права народов и статьей 5 (1) Межамериканской конвенции о правах человека⁷. Отказ женщине

¹ WHO, Constitution of the World Health Organization, signed July 22, 1946, p.mbl. (entry into force April 7, 1948), available at http://www.who.int/governance/eb/who_constitution_en.pdf

² Programme of Action of the International Conference on Population and Development, Cairo, Egypt, Sept. 5-13, 1994, para 7. 2, U. N. Doc. A/CONF. 171/13/Rev. 1 (1995) [hereinafter ICPD Programme of Action].

³ Universal Declaration, supra note 1, art. 2; Civil and Political Rights Covenant, supra note 1, art. 6; Economic, Social and Cultural Rights Covenant, supra note 3, art. 3.

⁴ Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, adopted Dec. 18, 1979, G. A. Res. 34/180, U. N. GAOR, 34th Sess., Supp. No. 46, at 193, art. 12(1), U. N. Doc. A/34/46 (1979) (entered into force Sept. 3, 1981) [hereinafter CEDAW].

⁵ Committee on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (CEDAW Committee), General Recommendation No. 24, Women and Health, para. 29, Feb. 2, 1999.

⁶ Privacy and family life are protected by Article 12 of the Universal Declaration, Universal Declaration, supra note 1; Article 17 of the Civil and Political Rights Covenant, supra note 1; Article 11 of the American Convention on Human Rights, Nov. 22, 1969, O. A. S. T. S. No. 36, O. A. S. Off. Rec. OEA/Ser. L/V/II. 23, doc. 21, rev. 6 (entered into force July 18, 1978) [hereinafter American Convention]; and Article 8(1) of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, signed Nov. 4, 1950, 213 U. N. T. S. 222 (entered into force Sept. 3, 1953) [hereinafter European Convention].

⁷ African Charter on Human and Peoples' Rights, adopted June 26, 1981, art. 5(1), O. A. U. Doc. CAB/LEG/67/3/Rev. 5, 21 I. L. M. 58 (1982) (entry into force Oct. 21, 1986) [hereinafter Banjul Charter]; American Convention, supra note 11, art. 5(1).

в возможности избежать беременности, например, мешает в реализации ее права принимать решения касательно ее тела. Кроме того, решения касательно своего тела, особенно те, которые влияют на репродуктивную способность, прямо и косвенно защищены от вмешательства со стороны государства в реализацию права на уважение частную жизнь.

Право на планирование семьи было определено в международно-правовых документах как право определять свободно и ответственно решать количество и срок появления своих детей, получать информацию и средства, необходимые для этого. Указанное право было подтверждено в многочисленных межгосударственных документах, принятых на конференциях ООН в течение последних трех десятилетий, и были признаны Комитетом как право планировать семью, что порождает обязанность государства в отношении того, что мужчины и женщины имеют равный доступ к полному спектру методов контрацепции, а также информации и услугам в области репродуктивного здоровья.

Репродуктивное самоопределение предполагает также использование права на свободу от всех форм насилия и принуждения, которые влияют на сексуальную или репродуктивную жизнь женщины. Программа действий утверждает, что женщины имеют право «принимать решения в отношении воспроизводства потомства без дискриминации, принуждения и насилия»¹. Генеральная Ассамблея ООН в своей Декларации о ликвидации насилия в отношении женщин отмечает, что термин «насилие в отношении женщин» охватывает гендерное насилие, которое наносит сексуальный вред или причиняет страдания женщине². Насилие часто направлено именно на унижение или ограничение сексуальной или репродуктивной способности женщины. Изнасилования и другие формы сексуального насилия, принудительная стерилизации являются примерами насилия, ущемляющими сексуальное и репродуктивное самоопределение женщины.

Система репродуктивных прав человека. Законодательство в области репродуктивного прав оказывает содействие в охране репродуктивного здоровья женщин и расширении возможностей женщин для решения социальных вопросов, которые ставят под угрозу их здоровье и жизнь. Многие нарушения репродуктивных прав, в том числе небезопасные аборт, материнская смертность, браки в детском возрасте – широко воспринимаются в обыденной практике как естественный и неизбежный обычай, или необходимость. Сквозь призму права на репродуктивный выбор государства должны принять все

соответствующие меры, искореняющие и/или предупреждающие указанные нарушения репродуктивных прав. Признание юридической ответственности государств в этой сфере открывает двери для пропаганды и правовой и политической реформы.

Кроме того, государственные обязательства, принятые на крупных международных конференциях, например, IV Всемирной конференции по положению женщин (Пекинская конференция) – 1995 г.³, Всемирной конференции по правам человека (Венская конференция) – 1993 г.⁴, подготовили почву для имплементации норм, устанавливающих репродуктивные права женщин.

Совсем недавно, с принятием Цели в области развития, определенные в Декларации тысячелетия (далее, ЦРТ) в 2000 году, государства согласились, что репродуктивное здоровье женщин является ключом к достижению гендерного равенства и права на развитие. В документе, разработанном на Всемирном саммите глав государств в 2005 г., лидеры со всего мира пересмотрели эти цели, признавая свою приверженность к обеспечению всеобщего доступа к репродуктивному здоровью до 2015 г.⁵. Главы государств подтвердили свою приверженность к искоренению насилия в отношении женщин и девочек, содействию гендерного равенства, борьбе с ВИЧ / СПИД и обеспечению равного доступа к репродуктивному здоровью. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. также подтверждает важность устранения гендерного неравенства в образовании; обеспечения равных прав женщин на собственность и обеспечения равного доступа в сфере занятости.

Права женщин на репродуктивный выбор остаются на повестке дня международной политики. Многие государства начали трансформировать свои обязательства и обязанности путем введения национальных законов, направленных на признание, уважение, защиту репродуктивных прав женщин.

Международные договоры по правам человека регионального характера могут значительно усилить пропагандистскую деятельность на национальном уровне. При ратификации международных договоров государства обязаны реализовать юридическую обязанность публично поддерживать права, установленные в ратифицированных договорах.

Содержание сексуальных и репродуктивных прав женщин в рамках международного права прав

¹ ICPD Programme of Action, supra note 5, para 7.3.

² United Nations General Assembly, Declaration on the Elimination of Violence Against Women, art. 1, U. N. Doc. A/RES/48/104 (1994).

³ Beijing Declaration and Platform for Action, Fourth World Conference on Women, Beijing, China, Sept. 4-15, 1995, U. N. Doc. A/CONF. 177/20 (1995) [hereinafter Beijing Platform for Action].

⁴ Vienna Declaration and Programme of Action, World Conference on Human Rights, Vienna, Austria, June 14-25, 1993, U. N. Doc. A/CONF. 157/23 (1993).

⁵ See United Nations General Assembly, 2005 World Summit Outcome, U. N. Doc A/Res/60/1 (2005) [hereinafter 2005 World Summit Outcome].

человека является одним из направлений деятельности комитетов ООН, которые следят за имплементацией государствами прав и обязанностей, установленных ключевыми международными договорами по правам человека. Эти органы дают рекомендации конкретным государствам после периодического обзора имплементации своих договорных обязательств государствами-участниками. Рекомендации могут быть использованы юристами, правозащитниками для привлечения внимания общественности к обязанностям государств в рамках международного права прав человека. Комитеты ООН также могут давать общие замечания, которые помогают государствам-членам в интерпретации общих положений международных договоров по правам человека. В то время как рекомендации не являются юридически обязательными, такие толкования все же направлены на содействие улучшению соблюдения этих прав¹.

Региональные договоры и механизмы защиты прав человека могут «построить мост» между национальными законами и международно-правовыми документами по правам человека. Некоторые юристы-международники утверждают, что региональные международные договоры и организации оказывают больше влияние на имплементацию прав человека государствами². Региональные правозащитные механизмы включают в себя: Межамериканскую комиссию по правам человека и Межамериканский суд по правам человека; Европейский суд по правам человека; Африканскую комиссию по правам человека и недавно созданный Африканский суд по правам человека и народов. Эти механизмы могут толковать региональные межгосударственные соглашения по правам человека и принимать решения о нарушении и определять средства или выдавать юридически обязательные решения.

Роль национального законодательства и политики в продвижении правовых знаний в сфере реализации репродуктивных прав. Национальное законодательство и политика включают такие виды

деятельности, как устранение барьеров равноправного участия женщин в социальной, культурной, экономической и политической жизни..., и исполнение законов, направленных на поощрение и защиту полного спектра согласованных на международном уровне прав человека, включая право на репродуктивный выбор.

Ратификация международно-правовых договоров является лишь первым шагом на пути социальных изменений. Государства должны принять меры, гарантирующие, что все внутреннее законодательство не противоречит международно-правовым стандартам, которые они ратифицировали.

Важно иметь в виду, однако, что степень, в которой законодательство и политика влияют на жизнь людей, зависит от того, будут ли приняты и поддержаны ратифицированные меры. Например, законы, направленные на обеспечение информированного согласия на качество медицинской помощи при реализации права на охрану репродуктивного здоровья имеют небольшой вес, если государство не примет соответствующие меры по подготовке работников здравоохранения уважать репродуктивные права человека. Точно так же законы, обеспечивающие свободный доступ к услугам в области охраны репродуктивного здоровья, которые могут включать процедуры аборта, могут быть реализованы только в учреждениях, которые оснащены соответствующим оборудованием и уполномочены на выполнение этих услуг. Тем не менее официальные законы и политика государства являются важнейшими индикаторами готовности органов государственной власти содействовать реализации репродуктивных прав женщин. Государства должны обеспечить уважение репродуктивных прав в конституциях, законодательстве. Суды играют решающую роль в защите таких прав и дальнейшей разработке норм в области охраны репродуктивных прав.

Проанализируем типы мер, направленных на имплементацию репродуктивных прав.

Конституционная защита. Большинство стран в качестве участников международных договоров по правам человека признали основные права женщин и девочек. Эти права должны быть закреплены в конституциях на национальном уровне, которые имеют силу основного закона, что определяет соответствие им законодательных и исполнительных актов, а также норм, вытекающих из обычного и религиозного права.

Конституционные меры, направленные на защиту прав женщин, должны и могут формировать государственную практику. Многие конституции обеспечивают средства правовой защиты, которые могут служить основанием для судебного разбирательства по делам, вытекающим из нарушений прав женщин.

¹ See Center for Reproductive Rights & University of Toronto International Programme on Reproductive and Sexual Health Law, *Bringing Rights to Bear: An Analysis of the Work of UN Treaty Monitoring Bodies on Reproductive and Sexual Rights* (2002), available at http://www.reproductiverights.org/pub_bo_tmb.html.

² See George William Mugwagwa, *Realizing Universal Human Rights Norms through Regional Human Rights Mechanisms: Reinvigorating the African System*, 10 *Ind. Int'l & Comp. L. Rev.* 35, 41–42 (1999); Fitnat Naa-Adjeley Adjetey, *Religious and Cultural Rights: Reclaiming the African Women's Individuality: The Struggle Between Women's Reproductive Autonomy and African Society and Culture*, 44 *Am. U. L. Rev.* 1354 (noting that international human rights norms «must be linked to local laws and regional human rights instruments to make people realize that these norms are not part of an alien culture which is to be imposed on them»). Fitnat Naa-Adjeley Adjetey states, «The African Charter must be used to the fullest extent in order to eliminate the notion that foreign ideas are being imposed on African women... Only as a last resort should there be a resort to international fora.» *Id.* At 1369.

Конституции должны быть однозначными в обеспечении равенства женщин и мужчин по всем вопросам. Например, в конституциях Ганы и Уганды, содержатся положения, защищающие женщин от вредных обычаев (включая женское обрезание). Эффективность конституционных норм против дискриминации и неравенства иногда серьезно подрывается регрессивными положениями, известными как «обратная отсылка»¹. В этих случаях некоторые конституции устанавливают, что гарантии недискриминации не применяются в отношении вопросов, регулируемых нормами обычного и религиозного права. Если существуют нормы обычаев и религиозный закон, регулирующие вопросы брака и наследования, то государства отказываются обеспечить соблюдение равноправия женщин, так как это противоречило бы традициям, сложившимся в данном государстве.

Конституционная реформа дает шанс снять дискриминационные положения и гарантировать равноправие женщин. Тем не менее консервативные партии могут воспользоваться этой возможностью, чтобы ввести в действие положения, ограничивающие репродуктивные и сексуальные права женщин, например, права на жизнь, начиная с момента зачатия.

Законодательные меры. Законодательство определяет не только то, что является незаконным, но и устанавливает ответственность органов государства в обеспечении соблюдения законов и защиты репродуктивных прав. Отсутствие законов по вопросам, касающимся репродуктивных прав женщин, может влиять на то, будут ли признаваться и защищаться права женщин на репродуктивный выбор. Например, часто пренебрегают рассмотрением вопросов о домашнем насилии в отношении женщин. Правовая реформа может исправить такие проблемы, как это видно в недавно проведенной реформе в Колумбии, где были определены сексуальные преступления.

Основные препятствия пропаганды репродуктивных прав. Право на равенство было неоднократно подтверждено на межгосударственных конференциях. Тем не менее в подавляющем числе стран законы, закрепляющие дискриминацию в отношении личного статуса, экономического положения, семейного положения и обращения против насилия, остаются в силе. Дискриминация в применении закона, отрицание равных возможностей в образовании и занятости, отрицание прав собственности,

прав наследования и прав на земельные участки, исключение женщин из политического представительства, лишения женщин сексуальных и репродуктивных прав, а также физическое насилие в отношении женщин являются основными нарушениями права человека на равенство. Государства должны уважать права человека женщин во всех различных ситуациях, что женщины живут².

Религиозный экстремизм. Религиозный экстремизм и фундаментализм создают серьезные проблемы в продвижении репродуктивных и сексуальных прав человека³. Многие женщины живут в странах, где чиновники полагаются на толкования доминирующей религии для оправдания нарушений прав женщин. Хотя имеют место дискуссии в большинстве конфессий о ключевых вопросах морали, в том числе, касательно репродуктивных и сексуальных прав, но такие эти дискуссии часто подавляются религиозными «экстремистами». Во многих случаях, религиозным экстремистам удалось истолковывать вопросы репродуктивных прав в абсолютистском свете, которые игнорируют реалии современной жизни и научные данные. Однако нельзя пропагандировать важность реализации репродуктивных прав человека так, что это будет поощрять безответственное сексуальное поведение (например, в США – введение программ обучения гомосексуализму)⁴.

Религиозным экстремистам также удалось внедрить религиозные соображения в отношении между женщинами и медицинскими работниками. Например, некоторые врачи отказываются делать аборт или предоставить необходимые направления к врачу, который будет выполнять процедуру, даже если женщина имеет медицинские показания к аборту.

Экономические барьеры. Пропаганда права на охрану здоровья часто происходит в контексте крайней нищеты, которая существует в государствах. Более одного миллиарда человек во всем мире борются за выживание менее чем на один доллар в день⁵. Даже там, где существует политическая воля

¹ «Clawback clauses» are [p]hrases which could effectively remove (or at a minimum severely curtail) the right ostensibly guaranteed. «Joseph Oloka-Onyango, Human Rights and Sustainable Development in Contemporary Africa: A New Dawn, or Retreating Horizons?», Human Development Report 2000 Background Paper, http://hdr.undp.org/docs/publications/background_papers/Oloka-Onyango2000.html (last visited Nov. 21, 2006).

² Mary Robinson, United Nations High Commissioner for Human Rights and Secretary-General of the World Conference against Racism, Women 2000: Gender Equality Development and Peace in the 21st Century, address before the preparatory committee for the special session of the General Assembly (March 6, 2000).

³ See International Interfaith Network for Development and Reproductive Health, A Faith-Filled Commitment to Development Includes a Commitment to Women's Rights and Reproductive Health (Prepared for the 2005 World Summit, Sept. 14-16, 2005), available at <http://www.un-ngls.org/un-summit-interfaith.pdf>

⁴ Marc Kaufman, Memo May Have Swayed Plan B Ruling: FDA Received 'Minority Report' From Conservative Doctor on Panel, Washington Post, May 12, 2005, at A02; see also Alastair J. J. Wood et al., A Sad Day for Science at the FDA, New England Journal of Medicine, September 22, 2005.

⁵ UN Millennium Project, Fast Facts: The Faces of Poverty, <http://www.unmillenniumproject.org/documents/MP-PovertyFacts-E.pdf> (last visited Nov. 21, 2006).

для продвижения репродуктивных прав человека, финансовые ресурсы не могут это позволить. Бюджетные решения и действия правительств, в частности, находятся в зависимости от условий, установленных международными финансовыми институтами, такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд (далее МВФ). Например, во многих странах с низким уровнем дохода согласились следовать стратегии структурной перестройки, для того чтобы претендовать на финансовые влияния Всемирного банка и МВФ¹. Критики такой политики утверждают, что погашение долга происходит за счет предоставления социальных услуг, что упор на рыночные факторы не учитывает потребности незащищенных слоев. В сфере здравоохранения условия, устанавливаемые кредиторами, часто включают переход к децентрализации финансирования медицинских услуг и введения платы за пользование медицинскими услугами, которые имеют разрушительные обстоятельства.

Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав, авторитетно указывают на обязанности государств в отношении экономических, социальных и культурных прав человека и основных свобод, подчеркивают, что государства должны сделать так, чтобы «... нарушения не стали результатом программ и политики, которую проводят государства...»². В Маастрихтских руководящих принципах также подчеркивается, что международные организации, в том числе международные финансовые учреждения, должны «...исправить свою политику и правоприменительную практику, чтобы они не приводили к ограничению экономических, социальных и культурных прав». Всемирный саммит глав государств 2005 года также призывает государства к ликвидации платы за пользование услугами здравоохранения, где это необходимо.

Двойная или множественная дискриминация. Уязвимость женщин к нарушениям прав человека обусловлена различными факторами, в том числе возрастом, религией, уровнем дохода, этнической или расовой принадлежностью, национальностью. В частности, цыганские женщины, принадлежащие к группе национальных меньшинств, что уже давно подвергаются дискриминации в сфере репродуктивных прав, например, тем, что были направлены правительством Словакии для принудительной и насильственной стерилизации.

Отметим, что нарушения репродуктивных прав происходят чаще в сельской местности, чем в городах.

Разногласия между нормами обычного права и законодательными нормами. Религиозные нормы и законы, регулирующие брак, расторжение брака, наследование, могут институционализировать неравенство в браке и подрывают способность женщин в осуществлению своих конституционных прав на равенство. Такие нормы часто узаконивают дискриминационные и иногда насильственные действия внутри дома, придавая таким практикам ауру святости. Эти законы могут сосуществовать с формальными юридическими гарантиями равенства женщин, но в то же время эффективно лишают женщин в интересах национальных законодательных инициатив репродуктивных прав. Государствам следует специально переопределить религиозные и обычные законы, которые подрывают основные права женщин.

Отсутствие правовых механизмов отчетности государств. Судебная власть может стать ключевым игроком в установлении обязанности подотчетности государства в реализации репродуктивных и сексуальных прав. Например, Верховный суд Венесуэлы постановил, что правительство обязано предоставить антиретровирусные препараты для каждого человека в Венесуэле, болеющего ВИЧ/СПИД³. Однако эффективность судебной системы может быть подорвано различными способами. Некоторые правовые системы не имеют механизмов для привлечения и/или отстаивания государственных интересов и положений о средствах правовой защиты. Однако в других случаях конституционные меры позволяют отдельным лицам и группам подать в суд жалобы касательно нарушения прав, тем самым оказывая основную правовую помощь в предупреждении дальнейших нарушений.

Даже там, где существуют механизмы рассмотрения таких исков, судебным системам порой не хватает финансовых ресурсов. Для стран, выходящих из состояния гражданской войны или политических репрессий, судебная ветвь государственной власти может быть слабо развита, так как не пользуется должным доверием, потому что ассоциируется с репрессивным правительством. Судьи могут также не обладать необходимыми знаниями по вопросам обеспечения репродуктивных и сексуальных прав человека. В этих случаях обучение и информирование

¹ Structural Adjustment Participatory Review International Network (SAPRIN), The Policy Roots of Economic Crisis and Poverty, A Multi-Country Participatory Assessment of Structural Adjustment, Executive Summary 17 (April 2002), available at http://www.saprin.org/SAPRI_Findings.pdf

² Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights, Maastricht, Netherlands, Jan. 22-26, 1997, guideline 19, available at <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/Maastrichtguidelines.html>

³ Mary Ann Torres, The Human Right to Health, National Courts, and Access to HIV/AIDS Treatment: A Case Study from Venezuela, 3 Chi. J. Int'l L. 105, 106 (2002), citing Cruz Bermudez, et al v Ministerio de Sanidad y Asistencia Social, Sala Politico Administrativa, Corte Suprema de Justicia, Republica de Venezuela, Expediente Numero 15. 789 (1999).

судебной власти может быть жизненно важным шагом для того, чтобы установить подотчетность правительства при реализации репродуктивных прав человека.

Политические барьеры. Участие в общественной жизни является ключом влияния на политическую ситуацию и распределение государственных ресурсов. Законы и государственная политика, обеспечивающие пропорциональное представительство женщин в местных и национальных руководящих органах, являются позитивными шагами, которые увеличили процент политического участия женщин в таких странах, как Индия, Непал и Руанда¹. Но повышение представительства женщин во власти не решает проблем охраны репродуктивного здоровья женщин, которые в целом по-прежнему игнорируются.

Любой правозащитник, который работал в направлении успешного реформирования в сфере законодательства, знает, что кампании по реализации нового законодательства могут быть столь же сложными, как сам процесс изменения законодательства. Например, с введением нормы в законодательство о либерализации медицинских оснований для проведения операций аборта должна быть создана вся инфраструктура для обеспечения доступа к услугам, которые ранее признавались незаконными.

После проведения успешной кампании по правовой реформе правозащитники нередко занимаются правовым просвещением о значении нового закона, информированием женщин об их репродуктивных правах в соответствии с новым законом. Правозащитники могут участвовать в национальных целевых программах в сотрудничестве с правительством, планировать реализацию закона.

Гаранина И. Г., Талипова А. Репродуктивная справедливость и репродуктивные права: проблемы соотношения // Современные инновационные информационные образовательные технологии в подготовке будущего бакалавра / Материалы Итоговой науч.-практ. конф. преподавателей и аспирантов (с международным участием) (11 апреля 2014 г.) / под ред. Ф. Г. Мухаметзяновой. Казань: НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», 2014. С. 96.

Garanina I. G., Talipova A. Reproductivnaya spravedlivost' i reproductivnye prava: problemy sootnosheniya // Sovremennye innovatsionnye informatsionnye obrazovatel'nye tekhnologii v podgotovke budushchego bakalavra / Materialy Itogovoy nauch.-prakt. konf. prepodavateley i aspirantov (s mezhdunarodnym uchastiem) (11 aprelya 2014 g.) / pod red. F. G. Mukhametzyanovoy. Kazan': NOU VPO «Universitet upravleniya «TISBI», 2014. S. 96.

I. G. Garanina

Mari State University, Yoshkar-Ola

LEGAL EDUCATION AS ONE OF THE AREAS OF IMPLEMENTATION OF REPRODUCTIVE RIGHTS

The article highlights the benefits of using the concept of reproductive rights, and how public policy and legislation of the State can be used to promote knowledge about reproductive rights. Also, attention is concentrated on the analysis of some of the barriers that are often encountered in the reporting of reproductive rights at the national level. The article concludes with a brief discussion of the role of human rights in the conduct of successful reform legislation in the selected area.

Keywords: reproductive rights, the right to reproductive choice, legal education, the promotion of human rights.

¹ Center for Reproductive Rights et al., *Women of the World: Laws and Policies Affecting Their Reproductive Lives—South Asia* 74, 119 (2004), available at http://www.reproductiverights.org/pub_bo_wowsa.html; Women's Environment & Development Organization, *Getting the Balance Right In National Parliaments* 2 (2004), available at http://www.wedo.org/files/balanceinparliament_factsh4.pdf

УДК 351.761(470.343)“1960/1980”

В. А. Иванов, И. А. Бояринцева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ МИЛИЦИЯ В БОРЬБЕ С ПЬЯНСТВОМ И АЛКОГОЛИЗМОМ (СЕРЕДИНА 1960-Х – СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)

Статья посвящена изучению проблем организации борьбы органов милиции Марийской АССР с пьянством и алкоголизмом в середине 1960-х – середине 1980-х годов. Особое внимание в ней уделено анализу нормативно-правовых и организационных основ этой деятельности. Авторы подчеркивают значимость опыта противодействия пьянству рассматриваемого периода применительно к современным условиям.

Ключевые слова: милиция, органы внутренних дел, пьянство, алкоголизм, наркологические пункты, ЛТП (лечебно-трудовые профилактории).

На всех этапах становления и развития Советского государства борьба с пьянством и алкоголизмом оставалась важнейшей сферой деятельности Марийской милиции. Масштабы этой борьбы были весьма значительны, а интенсивность ее ведения достаточно велика [9, с. 481, 10, с. 493]. В отдельные годы она становилась одним из главных направлений деятельности милиции [7]. Несмотря на то, что эти усилия не дали желаемых результатов, нельзя говорить, что подобные старания были потрачены впустую. В противодействии пьянству стражи порядка накопили значительный опыт, который имеет в современных условиях не только теоретическое, но и прикладное значение.

В советские годы попытки властей отрезвить народ, в реализации которых важнейшую роль играли органы милиции, предпринимались довольно часто. Наиболее заметными вехами из них стали:

– 8 ноября 1917 года; в этот день большевиками был издан приказ о воспреещении производства алкогольных напитков. Но уже в 1923 году производство и торговля спиртным была возобновлена;

– конец 1920-х годов, отмеченный массовым закрытием пивных ларьков, сокращением торговли спиртными напитками, усилением пропаганды здорового образа жизни. Нормативно-правовой основой тому стали: постановление СНК РСФСР от 4 марта 1927 года «О мерах ограничения продажи спиртных напитков» [12], постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 января 1928 года «О мерах усиления борьбы с самогонварением» [13], постановление СНК РСФСР от 29 января 1929 года «О мерах ограничения торговли спиртными напитками» [14];

– конец 1950-х годов. Тогда появились: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» от 15 декабря 1958 г., Указ Президиума Верховного

Совета РСФСР «О мерах борьбы с самогонварением и изготовлением спиртных напитков домашней выработки» от 29 января 1960 г., Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении ответственности за самогонварение и изготовление других спиртных напитков домашней выработки» от 8 мая 1961 года. Эти документы потребовали навести порядок в торговле спиртными напитками. Продажа водки из всех предприятий общественного питания разрешалась только в ресторанах.

С середины 1960-х до середины 1980-х годов борьба с пьянством и алкоголизмом вновь составила одну из важнейших забот органов милиции. Как и на всех предыдущих этапах, пьянство по-прежнему оставалось распространенным явлением и причиной многочисленных нарушений дисциплины, несчастных случаев, неисчислимых материальных, физических и моральных потерь. Потребление крепких спиртных напитков, изготовление и потребление самогона ежегодно возрастало. По данным Статистического управления республики, на душу населения в 1961 году было потрачено на выпивку спиртного 36 рублей (при среднемесячной зарплате 77 руб.), в 1966 г. – 56 руб. (при среднемесячной зарплате 97 руб.), в 1973 г. – 112 рублей (при среднемесячной зарплате – 136 руб.) [10, с. 98]. Свыше 2,4 тыс. человек нуждалось в лечении от алкоголизма. Злоупотребление спиртными напитками являлось одной из главных причин преступных проявлений. Во второй половине 1960-х годов от общего количества лиц, привлеченных к ответственности за преступления, свыше 40 % совершило их в нетрезвом состоянии. Более 90 % лиц, привлеченных за мелкое хулиганство, совершили его в пьяном виде [3, д. 41. – л. 53].

В борьбе с пьянством деятельность органов милиции преимущественно сводилась к выявлению пьяных, задержанию и содержанию в участке до вытрезвления. Важную роль в активизации этой работы

сыграло постановление бюро Марийского обкома КПСС от 22 августа 1968 года «О мерах по усилению борьбы с пьянством и самогоноварением». Во исполнение постановления МВД республики и его органы на местах провели широкий комплекс мероприятий, направленных на усиление профилактики пьянства. Для оказания помощи во все городские и районные отделы внутренних дел периодически направлялись работники центрального аппарата республиканского МВД. По фактам пьянства они стали чаще выступать на собраниях трудовых коллективов учреждений, колхозов, совхозов и предприятий. Во всех городах и районах республики, а также в большинстве сельских и поселковых Советов ежегодно проходили сессии местных Советов, на которых заслушивались отчеты и доклады начальников органов внутренних дел и участковых инспекторов. На регулярной основе осуществлялся прием граждан непосредственно на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах. Одной из главных тем подобных отчетов и приемов стала борьба с пьянством и алкоголизмом. По вопросам профилактики пьянства усилилась разъяснительная работа в средствах массовой информации [4, д. 119. – л. 107–108].

Наиболее действенной формой борьбы с пьянством и самогоноварением являлась организация специальных рейдов. Они проводились повсеместно, преимущественно с участием всего личного состава Министерства и горрайорганов внутренних дел, работников прокуратуры, народных судов, внештатных сотрудников милиции и широкой общественности. Так, только в 1969 году в республике состоялось несколько сотен подобных рейдов, в результате которых удалось выявить более 900 случаев самогоноварения, из них по 577 фактам были возбуждены уголовные дела, а по остальным – материалы переданы на рассмотрение общественности.

Активизировалась работа по изъятию пьяниц с улиц и общественных мест. Так, за тот же год в медвытрезвители было доставлено более 20 тыс. человек. За появление в пьяном виде на улицах, в других общественных местах было подвергнуто штрафу около 10 тыс. и привлечено за мелкое хулиганство около 4,8 тыс. человек [4, д. 119. – л. 107–108].

По оценкам властей, принятые меры позволили несколько улучшить общественный порядок [11]. Однако в первой половине 1970-х годов ситуация с потреблением алкоголя в стране и республике не улучшилась, а наоборот, ухудшилась, что привело в том числе и к резкому скачку преступности. С учетом этого в 1972 году было издано постановление Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Постановление предусматривало ограничение производства и продажи алкогольных напитков, особенно крепких.

На фоне непрекращающейся борьбы с пьянством оно знаменовало еще одну попытку качественного усиления противодействия этому социальному злу.

Применительно к Марийской АССР задачи по реализации указанного постановления были конкретизированы в постановлении бюро обкома КПСС от 3 июля 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и в постановлении секретариата обкома партии от 31 августа 1973 года «О мероприятиях по усилении антиалкогольной пропаганды».

Во исполнение требований партийно-советских органов сотрудники милиции в эти годы не ограничивались элементарным изъятием пьяных с улиц и иных общественных мест, наложением на них соответствующих мер административного воздействия. Стали проводиться комплексные профилактические меры борьбы с пьянством, милиция наладила тесное взаимодействие с иными правоохранительными органами, а также различными общественными объединениями, действовавшими в данной сфере [5, д. 92. – л. 124–125]. Новым явлением в борьбе с пьянством стало создание ЛТП (лечебно-трудовых профилакториев). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» (март 1974 года) в ЛТП должны направляться лица, «уклоняющиеся от лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, нарушающие трудовую дисциплину, общественный порядок или правила социалистического общежития». Во исполнение Указа подобное ЛТП было создано и в Йошкар-Оле. В нем лечебный процесс сочетался с режимом изоляции пациентов, трудовой терапией и политико-воспитательной работой. Конечно же, не все, но сотни, тысячи людей, помещавшихся в эти учреждения, излечивались, отказывались от пагубной привычки. Не признать это – значит, поступить вопреки истине.

В этой связи ныне в литературе нередко встречаются утверждения о том, что ЛТП нарушали права человека и что им нет места в будущем. Но, с другой стороны, если речь идет о безопасности населения, почему бы и не ограничить права пьяниц и алкоголиков? Разве это противоречит действующей Конституции Российской Федерации? Более того, на наш взгляд, в нынешних условиях вполне оправданы и обоснованы утверждения о необходимости возрождения ЛТП в той или иной форме именно для принудительного лечения алкоголиков.

Возвращаясь к рассматриваемому вопросу, следует отметить, что вопреки усилиям правоохранительных органов и общественности в середине 1970-х годов произошел существенный рост преступности в Марийской АССР.

Так, число тяжких телесных повреждений в республике в девятой пятилетке (1971–1975 гг.), по сравнению с седьмой (1961–1965 гг.), увеличилось в два раза, а по сравнению с восьмой (1966–1970 гг.) – в полтора раза. Причем подавляющее большинство преступлений против жизни и здоровья граждан было совершено на почве пьянства. МВД СССР выразило по этому поводу серьезную обеспокоенность [2, д. 107. – т. 1. – л. 222]. Особое распространение пьянство получило в сельской местности и возникавших в связи с этим бытовых конфликтах и неурядицах [15, с. 93–94]. Причины сложившегося положения заключались в низком уровне организации профилактической работы и борьбы с пьянством [2, т. 1. – л. 222].

Еще более сложный характер ситуация с пьянством приобрела в конце 1970-х годов. По уровню преступности на почве пьянства республика скатилась на 62-е место в РСФСР из 73-х административных регионов [2, д. 147. – т. 1. – л. 75].

С новой силой антиалкогольная кампания развернулась с выходом Постановления Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом» от 6 апреля 1978 г. Вслед за ним появились и постановления бюро обкома партии (27 мая 1980 года) и Совета Министров Марийской АССР (27 июня 1978 года), направленные на пресечение пьянства.

В рамках реализации данного постановления органы милиции осуществили ряд организационных и практических мер, направленных на профилактику правонарушений, совершаемых на почве пьянства в общественных местах, организацию лечения лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Были проведены специальные операции под кодовыми наименованиями «Здоровье» и «Бахус», направленные на активизацию борьбы против пьянства и самогонарения, укрепление правопорядка в период проведения весенне-полевых работ и уборки урожая в республике. Только в период проведения операции «Бахус-80» с 20 января по 1 апреля 1980 года было подобрано и помещено в медвытрезвители около 5 тыс. человек, задержано за появление в пьяном виде в общественных местах и совершивших мелкое хулиганство 1,6 тыс. человек. Одновременно были выявлены десятки людей, не занимавшиеся общественно-полезным трудом и не имевшие постоянного места жительства. Регулярно осуществлялась проверка соблюдения правил торговли винно-водочными изделиями.

В районные отделы внутренних дел высылались обзоры о состоянии борьбы с пьянством и алкоголизмом в республике. В 1979 году с учетом положительного опыта Карельской АССР был разработан комплексный план мероприятий по усилению

борьбы с пьянством и алкоголизмом, который утвержден на комиссии по борьбе с пьянством при Совете Министров Марийской АССР и направлен в исполкомы городских и районных Советов народных депутатов [6, д. 117. – л. 29].

Органы внутренних дел совместно с органами здравоохранения проводили большую работу по лечению лиц, страдающих алкоголизмом, в амбулаторных условиях. В 1980 году на 14 предприятиях и организациях в г. Йошкар-Оле были созданы наркологические пункты и 193 наркопоста. Всего по республике наркопунктами были охвачены 19 крупных предприятий и организаций. При центральных районных больницах развернуто 155 наркологических коек для лечения больных хроническим алкоголизмом [6, д. 117. – л. 31].

Сотрудники милиции принимали участие в работе комиссий по борьбе с пьянством и алкоголизмом, созданных при гор(рай)исполкомах народных депутатов и Совете Министров Марийской АССР. По предоставленным МВД материалам за 1978–1980 годы республиканская и городская комиссии по борьбе с пьянством заслушали информацию о ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» свыше 50 руководителей министерств, ведомств, предприятий, управлений [6, д. 117. – л. 31].

Выполнение этого закона рассматривалась также на заседаниях 20 районных и городских, 18 поселковых и 65 сельских исполнительных комитетов народных депутатов. Состоялись семинары-совещания с председателями сельских и поселковых Советов народных депутатов с приглашением председателей Советов общественных пунктов охраны порядка, командиров ДНД, председателей товарищеских судов.

Борьба с пьянством, наряду с административными мерами, предусматривала широкий комплекс мер воспитательного, санитарно-просветительского и медицинского воздействия, сочетающимися с мерами общественного и государственного воздействия в отношении лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками. Важное место в этой работе отводилось также повышению культурного уровня населения, формированию правильной социально-нравственной ориентации личности, совершенствованию культурного досуга. Заинтересованными участниками и организаторами многих мероприятий в данной сфере выступали работники органов внутренних дел.

Итак, борьба с пьянством и самогонарением в рассматриваемый период, равно как и в предыдущие годы, велась довольно энергично. Сопровождавшаяся постоянным отвлечением сил от противодействия общеуголовной преступности, эта деятельность,

к сожалению, не дала ожидаемых результатов. Так, в 1981–1985 гг. по линии уголовного розыска в состоянии опьянения в республике было совершено свыше 7,5 тыс. преступлений. Причем доля таких преступлений неуклонно увеличивалась, достигнув в 1985 году 50,3 % [1, д. 11. – Л. 117].

Причиной безуспешных попыток отрезвить народ стали не столько упущения и недостатки в деятельности правоохранительных органов, сколько завышенные цели и задачи, их оторванность от сложившихся реалий. Чрезмерными, по мнению исследователей, являлись и ужесточения наказания за связанные с пьянством проступки на производстве, на улице и в общественных местах, а также за самогонварение и нарушение правил торговли.

1. Архив МВД по РМЭ. Ф. 27. Оп. 32.
2. Архив МВД по Марий Эл. Ф. 33. Оп. 8.
3. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. П–1. Оп. 29.
4. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 32.
5. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 41.
6. ГАРМЭ. Ф. П–1. Оп. 51.
7. Ежедельник Советской юстиции. 1923. № 6. С. 138.
8. *Иванов В. А.* МВД по Марий Эл в реализации государственной политики: 1985–2010 гг.: монография / Мар. гос. ун-т; В. А. Иванов. Йошкар-Ола, 2013. С. 612.
9. *Иванов В. А.* Милиция в Марийском крае в 1917–1941 гг.: проблемы организации и деятельности: монография / Мар. гос. ун-т; В. А. Иванов. М.: Логос, 2005.
10. И дух, и буква закона: сборник выступлений В. С. Глушкова, председателя Верховного суда Марийской АССР в 1971–1990 годах / Мар. гос. ун-т; сост.: Ф. В. Габрахманов, Ю. Н. Маляшова. Йошкар-Ола, 2009. С. 98.

11. Марийская правда. 1969. 8 ноября.
12. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. 1927. № 24. Ст. 156.
13. СУиР РКП. 1928, № 7. Ст. 60.
- СУиР РКП. 1929. № 20. Ст. 224.
14. Третья сессия Верховного совета Марийской АССР седьмого созыва. 2 апреля 1968 г.: стенограф. отчет. Издание Президиума Верховного Совета МАССР. Йошкар-Ола, 1968. С. 93–94.

1. Arkhiv MVD po RME'. F. 27. Op. 32.
2. Arkhiv MVD po Mariy El'. F. 33. Op. 8.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Mariy El'. F. P–1. Op. 29.
4. GARME'. F. P–1. Op. 32.
5. GARME'. F. P–1. Op. 41.
6. GARME'. F. P–1. Op. 51.
7. Ezhenedel'nik Sovetskoy yustitsii. 1923. № 6. S. 138.
8. *Ivanov V. A.* MVD po Mariy El' v realizatsii gosudarstvennoy politiki: 1985–2010 gg.: monografiya / Mar. gos. un-t; V. A. Ivanov. Yoshkar-Ola, 2013. s. 612.
9. *Ivanov V. A.* Militiya v Mariyskom krae v 1917–1941 gg.: problemy organizatsii i deyatel'nosti: Monografiya / Mar. gos. un-t; V. A. Ivanov. M.: Logos, 2005.
10. I dukh, i bukva zakona: sbornik vystupleniy V. S. Glushkova, predsedatelya Verkhovnogo suda Mariyskoy ASSR v 1971–1990 godakh / Mar. gos. un-t; sost.: F. V. Gabrahmanov, YU. N. Malyashova. Yoshkar-Ola, 2009. S. 98.
11. Mariyskaya pravda. 1969. 8 noyabrya.
12. Sbranie uzakoneniy i rasporyazheniy Raboche-Krest'yan-skogo pravitel'stva. 1927, № 24. St. 156/
13. SUIR RKP. 1928, № 7. St. 60.
14. SUIR RKP. 1929. № 20. St. 224.
15. Tret'ya sessiya Verkhovnogo soveta Mariyskoy ASSR sed'mogo sozyva. 2 aprelya 1968 g. Steno-graf. otchet. Izdanie Prezidiuma Verkhovnogo Soveta MASSR. Yoshkar-Ola, 1968. S. 93–94.

V. A. Ivanov, I. A. Boyarintseva
Mari State University, Yoshkar-Ola

MARI POLICE IN THE FIGHT AGAINST DRUNKENNESS AND ALCOHOLISM (THE MID 1960s – MID 1980s)

The article is devoted to studying of problems of the organization of Mari militia's fight with alcoholism and drunkenness in 1960-s – 1980-s. It is paid attention to the analysis of standard and legal – organizational bases of this activity. Authors emphasize the importance of experience of counteraction to alcoholism of the considered period in relation to modern conditions.

Keywords: law-enforcement bodies, alcoholism, drunkenness, narcological points, MLD (medical and labor dispensaries).

УДК 347.232

З. К. Кондратенко*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНО
ВОЗВЕДЕННЫЙ ОБЪЕКТ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Основной целью работы стало исследование вопросов приобретения права собственности на самовольно возведенный объект незавершенного строительства.

Автор рассматривает самовольную постройку как исключительный способ приобретения права собственности на объект незавершенного строительства. В статье поднимается дискуссия относительно определения самовольной постройки как объекта капитального строительства. Выделяются условия для реализации собственником или иным владельцем земельного участка в судебном порядке такого способа приобретения права собственности на объект незавершенного строительства, как признание права собственности на самовольную постройку.

Ключевые слова: право собственности, самовольная постройка, объект незавершенного строительства, способ приобретения права собственности.

Необходимым условием приобретения права частной собственности на новую недвижимую вещь является факт ее создания. Объект незавершенного строительства (далее – ОНС) возникает как недвижимая вещь с момента приобретения основных признаков недвижимой вещи. В соответствии с положениями Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» осуществляется кадастровый учет ОНС [14].

Приращение – тот случай, когда собственник одной вещи приобретает право собственности на другую, хотя бы принадлежащую иному лицу, вещь, если она присоединяется к первой в качестве придаточной [15, с. 330]. Условиями приращения являются: соединение двух вещей, не допускающее разъединения без существенного повреждения; отношение между соединившимися вещами – одна из них главная, другая – придаточная; вещи принадлежат разным лицам, или появление одной из вещей впервые [15, с. 330]. Приращение может быть выражено в трех формах: недвижимость к недвижимости, движимость к недвижимости, движимость к движимости. В рамках настоящего исследования нас интересует второй способ приращения, к которому в частности относим застроение земельного участка.

Создание новой вещи следует рассматривать с позиции этапов создания нового объекта недвижимого имущества. По своей сути можем увидеть путь, который проходят строительные материалы (движимые вещи), для того чтобы стать готовыми зданиями и сооружениями, используемыми по целевому назначению. На данном пути строительные материалы проходят промежуточный этап – когда они таким образом использованы в строительстве, что уже представляют собой единую вещь, прочно

связанную с землей, однако строительство в отношении объекта еще не завершено.

Процесс строительства включает в себя все организационные, изыскательские, проектные, строительные-монтажные и пусконаладочные работы, связанные с созданием, изменением или сносом объекта, а также взаимодействие с компетентными органами по поводу производства таких работ [1]. Так, в судебном деле экспертизой было установлено, что при возведении спорного объекта, строительство которого не завершено, были выполнены подготовительные, земляные и строительные-монтажные работы как в соответствии с выданными разрешениями, так и не указанные в разрешении на строительство. Элементы, построенные в соответствии с разрешениями на строительство, образуют незавершенный строительством объект недвижимого имущества [9]. Отсюда вывод о том, что ОНС возникает в процессе осуществления строительные-монтажных работ, а именно земляных, каменных, бетонных, железобетонных, кровельных, малярных, штукатурных и других видов работ.

Согласно п. 1 ст. 218 ГК РФ право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом. В то же время согласно норме ст. 219 ГК РФ право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации. Судебная практика же исходит из того, что здания и сооружения, возведенные собственником на принадлежащем ему земельном участке и права на которые не зарегистрированы в ЕГРП, являются составной частью земельного участка [7, 3].

При отсутствии же права на земельный участок объект представляет собой самовольную постройку, на которую по общему правилу право собственности не возникает, за исключением указанных в ст. 222 ГК РФ случаев.

В литературе встречается достаточно разрозненное понимание сущности самовольной постройки: от способа приобретения права собственности до правонарушения. Так, В. В. Селиванов приходит к выводу о том, что самовольное строение может быть признано первоначальным способом приобретения права собственности при определенных условиях, указанных в законе [13, с. 76]: специальный субъект приобретения (лицо, обладающее вещным правом на земельный участок), сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц либо не создает угрозу жизни и здоровью граждан; специальный порядок признания права собственности – судебный или административный.

А. В. Савина квалифицирует самовольную постройку как гражданское правонарушение и способ приобретения права собственности [12, с. 7]. Она отмечает, что самовольная постройка как способ приобретения права собственности носит исключительный характер и применяется лишь к тем категориям самовольных построек, у которых устранены нарушения строительных и градостроительных норм и правил, и только формальные нарушения являются препятствием для признания права собственности на них в ином порядке [12, с. 7].

А. В. Иваненко приводит критерии квалификации объекта строительства как самовольной постройки, среди которых называет возведение объекта, отвечающего признакам недвижимого имущества, искусственно созданного в результате строительной деятельности, независимо от степени завершенности [2, с. 9–10]. Так, например, в одном деле суд отказал в удовлетворении требования о сносе самовольной постройки, так как истцом не представлено доказательств создания ответчиком капитальных сооружений (недвижимости). Судом было указано на возможность обращения с иском в порядке ст. 304 ГК РФ [5]. Таким образом, следует согласиться с определением самовольной постройки как объекта капитального строительства, однако, данное капитальное строительство должно соответствовать признакам, указанным в ст. 222 ГК РФ, для того, чтобы на него могло быть признано право собственности [10].

В Проекте изменений в ГК РФ (ст. 244) содержатся правила, согласно которым самовольной постройкой является здание или сооружение, созданное на земельном участке, в отношении которого лицо, осуществившее постройку, не имеет гражданских прав, допускающих строительство на нем и(или)

созданное без получения разрешения на строительство с нарушением градостроительных и строительных норм и правил. Согласно действующему гражданскому законодательству приобретателем самовольной постройки может быть признан законный владелец земельного участка. Проектом изменений в ГК РФ устанавливается еще один субъект приобретения – лицо, осуществившее самовольную постройку. Одновременно в данном случае должны быть соблюдены условия приобретения, предъявляемые к исковой давности, отсутствию угрозы жизни и/или здоровью граждан, отсутствию существенных нарушений градостроительных и строительных норм.

Согласно ст. 263 ГК РФ собственник земельного участка может возводить на нем здания и сооружения, осуществлять их перестройку или снос, разрешать строительство на своем участке другим лицам. Эти права осуществляются при условии соблюдения градостроительных и строительных норм и правил, а также требований о целевом назначении земельного участка. В этой же статье закреплено общее правило, согласно которому собственник земельного участка приобретает право собственности на здание, сооружение и иное недвижимое имущество, возведенное или созданное им для себя на принадлежащем ему участке. Таким образом, право лица на создание нового объекта недвижимости обусловлено в первую очередь наличием у него вещного или обязательственного права на земельный участок, на котором осуществляется строительство.

Следует отметить, что гражданское законодательство РФ для осуществления строительства устанавливает необходимость соблюдения нескольких условий, которые являются неотъемлемыми составляющими такого основания приобретения права частной собственности на ОНС как его создание: предоставление застройщику земельного участка под строительство, получение разрешения на строительство, соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам.

В решении Арбитражного суда Республики Марий Эл от 22 июля 2013 г. отмечается, что по смыслу п. 1 ст. 218 ГК РФ для признания права собственности необходимо, чтобы объект недвижимого имущества был создан в соответствии с требованиями закона: на земельном участке, предоставленном в установленном порядке для строительства; с получением разрешения на строительство и иных необходимых документов; наличие акта ввода объекта в эксплуатацию; соответствие градостроительным и строительным нормам и правилам (ст. 51, 52, 55 ГрК РФ). Суд указывает, что правовой режим земельного участка, который определяется категорией земли и разрешенным использованием земельного участка, должен допускать возможность осуществления на земельном

участке строительства объекта недвижимости определенного назначения (жилого, складского, производственного, административного и т. п.). При этом разрешенное использование земельного участка, в том числе и возможность осуществления его застройки, определяется градостроительным регламентом применительно к каждой территориальной зоне, к которой относится земельный участок [11].

Аналогичный вывод содержится в определении ВАС РФ от 30 августа 2012 г. № ВАС-11349/12, где указывается, что постройки, возведенные на земельном участке, не отведенном для целей строительства, признаны самовольными, и общество обязано их снести [4]. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 16.02.2010 г. № 14434/09 отмечается, что разрешение на строительство не только дает право осуществлять строительство объекта недвижимости, но и подтверждает соответствие проектной документации требованиям градостроительного плана земельного участка, а в отсутствие градостроительного плана – разрешенному использованию участка [8].

Построенные объекты недвижимости должны быть безопасны для окружающей среды и должны обеспечивать благоприятные условия для жизнедеятельности человека. Допущенные при строительстве существенные нарушения градостроительных и строительных норм и правил влекут нарушение охраняемых прав и законных интересов третьих лиц, а также создают угрозу жизни и здоровью граждан. Следовательно, в соответствии с п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку не может быть признано судом в случае, если сохранение постройки нарушает права и охраняемые законом интересы третьих лиц либо создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Судебная практика в РФ считает возможным признание ОНС самовольной постройкой. На ОНС как на самовольную постройку может быть признано право собственности при наличии оснований, установленных ст. 222 ГК РФ [6]. Однако из Проекта изменений в ГК РФ следует, что иные объекты недвижимости, кроме зданий и сооружений, не могут быть признаны самовольными постройками, если они были возведены при отсутствии соответствующих прав и разрешений. Правовой статус таких объектов в Проекте ГК РФ не определяется. С данной позицией разработчиков изменений в ГК РФ следует не согласиться ввиду капитальности ОНС.

Таким образом, признание права собственности на самовольную постройку следует считать способом приобретения права собственности на ОНС. Указанным способом право собственности на ОНС может быть приобретено собственником или иным владельцем земельного участка в судебном порядке при наличии следующих условий:

– если сохранение самовольно возведенного ОНС не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц либо не создает угрозу жизни и здоровью граждан;

– лицо, создавшее самовольный ОНС, предпринимало надлежащие меры к его легализации (пыталось получить разрешение на строительство и/или акт ввода объекта в эксплуатацию либо если регистрирующий орган неправомерно отказал в выдаче такого разрешения или акта ввода объекта в эксплуатацию).

1. Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Строительство> (дата обращения: 15.02.2014 г.).

2. *Иваненко А. В.* Теоретические и практические аспекты понимания и легализации самовольной постройки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. С. 9–10.

3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 4.

4. Определение ВАС РФ от 30.08.2012 г. № ВАС-11349/12 по делу № А11-5342/2011. [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.08.2013 г.).

5. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2013 г. по делу № А79-12197/2012 // Банк решений арбитражных судов. URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2014 г.).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 21.05.2010. № 109.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 17085/12 по делу № А32-29673/2011. [Электронный ресурс]. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.02.2015 г.).

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.02.2010 г. № 14434/09 по делу № А55-19811/2008 // Вестник ВАС РФ. 2010. № 5.

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 г. № 17630/12. URL: http://arbitr.ru/bras.№et/f.aspx?id_casedoc=1_1_d530fdc5-7882-4826-b144-39cd860f3c70 (дата обращения: 08.03.2014 г.).

10. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 21.02.2011 г. по делу А38-3748/2010 // Банк решений арбитражных судов. URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2014 г.).

11. Решение Арбитражного суда Республики Марий Эл от 22.07.2013 г. по делу № А38-2376/2013 // Банк решений арбитражных судов. URL: www.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2014 г.).

12. *Савина А. В.* Правовой режим самовольной постройки: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 7.

13. *Селиванов В. В.* Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление. Казань: Отечество, 2011. 200 с.

14. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4017.
15. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 330.
1. Vikipediya: svobodnaya entsiklopediya. URL: Rezhim dostupa: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Stroitel'stvo> (data obrashcheniya: 15.02.2014 g.).
2. *Ivanenko A. V.* Teoreticheskie i prakticheskie aspekty ponimaniya i legalizatsii samovol'noy postroyki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2013. S. 9–10.
3. Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 15.01.2013 g. № 153 «Obzor sudebnoy prak-tiki po nekotorym voprosam zashchity prav sobstvennika ot narusheniy, ne svyazannykh s lisheniem vladeniya» // Vestnik VAS RF. 2013. № 4.
4. Opredelenie VAS RF ot 30.08.2012 g. № VAS-11349/12 po delu № A11-5342/2011 [Elektronnyy resurs]. SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.08.2013 g.).
5. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 23.10.2013 g. po delu № A79-12197/2012 // Bank resheniy arbitrazhnykh sudov. URL: www.arbitr.ru (data obrashcheniya: 16.02.2014 g.).
6. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF i Plenuma VAS RF ot 29.04.2010 g. № 10/22 «O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugih veshchnykh prav» // Rossiyskaya gazeta. 21.05.2010. № 109.
7. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 28.05.2013 № 17085/12 po delu № A32-29673/2011 // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya: 03.02.2015 g.).
8. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 16.02.2010 g. № 14434/09 po delu № A55-19811/2008 // Vestnik VAS RF. 2010. № 5.
9. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 18.06.2013 g. № 17630/12. URL: http://arbitr.ru/bras.Nset/f.aspx?id_casedoc=1_1_d530fdc5-7882-4826-b144-39cd860f3c70 (data obrashcheniya: 08.03.2014 g.).
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Mariy E'l ot 21.02.2011 g. po delu A38-3748/2010 // Bank resheniy arbitrazhnykh sudov. URL: www.arbitr.ru (data obrashcheniya: 16.02.2014 g.).
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Mariy E'l ot 22.07.2013 g. po delu № A38-2376/2013 // // Bank resheniy arbitrazhnykh sudov. URL: www.arbitr.ru (data obrashcheniya: 16.02.2014 g.).
12. *Savina A. V.* Pravovoy rezhim samovol'noy postroyki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2010. S. 7.
13. *Selivanov V. V.* Grazhdansko-pravovoy rezhim samovol'noy postroyki i ego normativnoe zakreplenie. Kazan': Otechestvo, 2011. 200 s.
14. Federal'nyy zakon ot 24.07.2007 g. № 221-FZ «O gosudarstvennom kadastre nedvizhimosti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 30.07.2007. № 31. St. 4017.
15. *Shershenevich G. F.* Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2005. T. 1. S. 330.

Z. K. Kondratenko

Mari State University, Yoshkar-Ola

OBTAINING THE TITLE ON THE ILLEGALLY UNFINISHED CONSTRUCTION

The main objective of the research was study of the obtaining the title on the illegally unfinished construction. The author considers the illegally construction as the exclusive method of obtaining the title on unfinished construction. The article raises the discussion on the definition of illegally construction as the object of capital construction. The author highlights the conditions for the implementation of the owner or other owner of the land in court this method of obtaining the title on unfinished construction as the recognition of the title of the illegally construction.

Keywords: the right of property, unauthorized construction, unfinished construction, the method of obtaining the title.

УДК 341.65/68

М. Л. Лебедева

Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва

И. А. Лукашев

Адвокатская палата ФРГ, г. Целле, Германия

Адвокатское бюро, г. Ганновер, Германия

ИНСТИТУТ НАСЛЕДОВАНИЯ ГЕРМАНИИ И РОССИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье рассмотрены вопросы наследственного права ФРГ, проведен сравнительно-правовой анализ порядка наследования России и Германии, предложена вниманию имеющая место практика совершенствования международного частного права в сфере наследования.

Ключевые слова: наследование, наследственное дело, завещание, закон, иностранный элемент, правовой институт.

Расширение всесторонних связей в политической, экономической и иных областях жизнедеятельности значительно облегчило переезд из одного государства в другое и трудоустройство на новом месте. Миллионы людей получают право жить и работать на территории иного государства [5, с. 525]. Соответственно, среди различных проблем немаловажное место занимают вопросы, связанные с приобретением и осуществлением наследственных прав иностранцев.

Практика совершенствования международных соглашений по наследованию позволяет выявить некоторые тенденции их развития. Регламентация правоотношений в сфере наследования в основном осуществляется посредством многостороннего регулирования вопросов наследования. Происходит непрерывное углубление разнообразных форм сотрудничества между странами и народами. Многосторонние соглашения позволяют создать прочную основу для подготовки двусторонних договоров по наследованию и, следовательно, большей детализации тех норм, которые регламентируют разрешение спорных вопросов наследования.

Число наследственных дел с иностранным элементом значительно увеличилось в настоящее время. Это связано прежде всего с усилением миграции населения. Переселенцы часто связаны родственными отношениями с отдельными гражданами страны своего происхождения, что служит основой для возникновения дел о наследовании.

Разнообразие практики в этой области и сложности, возникающие при разрешении конкретных наследственных дел, объясняются значительными различиями во внутреннем законодательстве разных стран в области наследования. В этой области сохраняются значительные различия во внутреннем законодательстве разных государств, которые определяются этническими, религиозными и иными

традициями. Это затрудняет проведение унификации материально-правовых норм и проявляется в том, что неодинаково определяется круг наследников по закону и по завещанию; устанавливаются различные требования, предъявляемые к форме завещания; существуют различные системы распределения наследственного имущества.

При наследовании по закону конкретно предусматривается, кто является наследником и в какой очередности наследники призываются к получению наследственного имущества. В России круг наследников определяется широко, поскольку установлено семь категорий степеней наследников (ст. 1142–1145 ГК РФ) [2]. В других странах круг наследников может быть более узким, может не быть деления наследников на очереди и так далее. Например, в ФРГ предусмотрены наследники 5 и последующих очередей (четко количество очередей не указано). В Гражданском уложении Германии сказано, что наследниками пятой и последующих очередей по закону являются дальние предки наследодателя и их потомки (§ 1929) [1, с. 485].

Иностранный элемент при наследовании проявляется в следующих правоотношениях: наследодатель, все наследники или некоторые из них могут быть гражданами различных государств, проживать в разных странах; наследуемое имущество может находиться в разных государствах; завещание может быть составлено за границей и тому подобное.

Регулирование отношений по наследованию между различными государствами было известно еще в глубокой древности. В Киевской Руси Договор князя Олега с греками 911 г. применительно к русским, находящимся на службе в Греции у греческого царя, предусматривал следующее: «Если кто из них умрет, не завещав своего имущества, а своих родственников у него в Греции не будет, то пусть возвратят

все его имущество ближайшим родственникам на Руси. Если же он составит завещание, то пусть тот, кому он написал распоряжение наследовать имущество, возьмет имущество и наследует в нем» [6, с. 42].

Основным источником регулирования в этой сфере международного частного права в современных условиях является внутреннее законодательство государств. В России – это положения раздела V части третьей Гражданского Кодекса РФ (ст. 1141–1185, 1224) [2], в ФРГ – Основной закон ФРГ (ст. 3, 14) [5], § 1922–2385 Гражданского уложения Германии (Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einfuhrungsgesetz); Вводный закон к Гражданскому уложению Германии (ст. 25–26) [1, с. 485–581; 600–601].

Частное право регулирует отношения граждан между собой, права и обязанности сторон по преимуществу закрепляются на основе договора и права собственности. Публичное право регулирует отношения между государством и гражданином, при котором взаимные права и обязанности сторон определяются посредством публично-правового договора [7, с. 19–21].

Число универсальных международных конвенций в области наследования незначительно. К ним относятся Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений (г. Гаага, 05.10.1961 г., участвует 37 государств); Базельская конвенция о введении системы регистрации завещаний (16.05.1972 г.); Конвенция Бенилюкса относительно соумерших (29.12.1972 г.); Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц (г. Гаага, 02.10.1973 г., управление наследственным имуществом, находящимся за границей); Гагская конвенция о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших (01.08.1989 г.); Вашингтонская конвенция о единой форме международного завещания (26.10.1973 г.). Россия в этих конвенциях не участвует, хотя советская делегация участвовала в дипломатической конференции в Вашингтоне, на которой была принята последняя из перечисленных выше конвенций. СССР подписал ее, но не ратифицировал.

Ст. 1. Гагской конвенции 1961 г. обозначает, что завещательное распоряжение является действительным в том, что касается формы, если его форма соответствует внутреннему законодательству: 1) места, где завещатель сделал его, или 2) гражданства, которое имеет завещатель, либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или 3) места, в котором завещатель имел свой domicilio либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или 4) места, в котором завещатель имел свое обычное местожительство, либо во время, когда он сделал распоряжение, либо во время его смерти, или 5) когда речь идет о недви-

жимости, места ее нахождения. В этой же конвенции провозглашено важнейшее положение, согласно которому, «если национальное право представляет собой неунифицированную систему, закон, подлежащий применению, определяется правилами, действующими в этой системе, а при отсутствии таких правил – наиболее реальной связью, которую завещатель имел с каким-либо одним законодательством, входящим в эту систему» [3].

Конвенция 1973 года касается международного сертификата, который учреждают договаривающиеся государства. Этот сертификат определяет лицо или лиц, которые уполномочены управлять имуществом умершего лица, и указывающего его или их полномочия. Он составляется соответствующим данной компетенции органом государства обычного проживания умершего. Для определения владельца сертификата и указания его полномочий компетентный орган применяет внутреннее право государства, гражданином которого являлся умерший, за исключением, если государство его обычного проживания или государство его гражданства сделали заявление, что применяется внутреннее право государства, гражданином которого он является; либо государство гражданства умершего гражданина сделало заявление, что применяется внутреннее право государства обычного проживания гражданина (при условии его проживания в нем не менее 5 лет до его смерти) [4].

В мировой юридической доктрине и практике принято выделять два основных подхода к определению сущности наследования.

В странах континентального права, в том числе в Российской Федерации, наследование понимается как разновидность универсального правопреемства. Такая квалификация восходит к классическому римскому праву, где в лице наследника видели продолжение юридической личности наследодателя. В Германии понятием «наследство (Erbschaft)» обозначается имущество наследодателя как объект наследования. В Гражданском уложении Германии в значении «наследство» используется и второй термин *Nachlass*, но уже как перешедшее к наследникам имущество в виде совокупности вещей, что в русском переводе обозначено как наследственное имущество [1, с. 485]. § 1922 Гражданского уложения Германии содержит понятие «универсальное правопреемство», согласно которому «со смертью лица (открытие наследства) его имущество (наследство) как целое переходит к одному или нескольким другим лицам (наследникам). В отношении доли сонаследника (наследственной доли) применяются предписания, относящиеся к наследству в целом» [1, с. 485]. В ГК РФ по данному поводу сказано следующее: имущество умершего (наследство, наследственное имущество)

переходит к другим лицам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент, если из правил ГК РФ не следует иное (ч. 1 ст. 1110 ГК РФ) [2, 9].

В странах общего права наследование понимается как распределение имущества умершего между лицами, указанными в законе и(или) завещании.

В соответствии с первым подходом наследник при принятии наследства становится носителем прав и обязанностей наследодателя в целом и не может принять лишь их часть, а от остальных отказаться. Наследственное имущество при этом рассматривается как совокупность всех активов и пассивов умершего, так как экономический оборот требует, чтобы и после смерти должника его долговые обязательства сохранялись – по крайней мере, те из них, которые не связаны тесно с его личностью.

Что касается стран общего права, в них наследование понимается иначе, нежели в странах гражданского права. Доктрина и практика этих стран исходят из того, что при наследовании имеет место исчезновение юридической личности умершего и ликвидация его имущества; при этом осуществляется сбор причитающихся ему долгов, оплата его долгов, погашение его налоговых и иных обязанностей. Указанная процедура именуется администрированием (*administration*) и протекает под контролем суда. Наследники же получают право на чистый остаток (*net estate*).

Под термином «международное наследование» понимается наследственное правоотношение с иностранным элементом, подлежащее урегулированию компетентным российским нотариусом. Внешний элемент в наследственном правоотношении может проистекать: из факта нахождения наследственного имущества за рубежом; из наличия иностранного гражданства у наследодателя, постоянно проживавшего на территории России).

В России предусмотрены две формы наследования имущества: по завещанию и по закону. К наследованию призываются граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. К наследованию по завещанию также могут призываться указанные в нем юридические лица, существующие на день открытия наследства, Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, иностранные государства и международные организации. К наследованию по закону могут призываться также РФ, субъекты РФ и муниципальные образования. Наследники по закону призываются в порядке очередности [2].

В Германии наследником может стать тот, кто находится в живых на момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя, счи-

тающиеся родившимися до открытия наследства. Лицо, еще не родившееся на момент открытия наследства, однако уже зачатое, считается родившимся до открытия наследства (§ 1923) [1, с. 485].

Наследниками первой очереди, согласно законодательству Германии, являются потомки наследодателя. Потомок наследодателя, который на момент открытия наследства находится в живых, отстраняется от наследования потомков, состоящих через него в родстве с наследодателем. Место потомка, которого к моменту открытия наследства нет в живых, занимают потомки, состоящие через этого потомка в родстве с наследодателем (родовое наследование) (§ 1924) [1, с. 485]. В гражданском законодательстве России данное правоотношение называется *наследование по праву представления*.

Наследниками второй очереди по закону Германии являются родители наследодателя и их прямые потомки. Если на момент открытия наследства родители наследодателя живы, наследуют только они и в равных долях; если родителей нет в живых, место умершего родителя занимают его потомки, при их отсутствии наследует только переживший супруг (§ 1925) [1, с. 485].

Наследники третьей очереди по немецкому законодательству – дедушки и бабушки наследодателя и их потомки. Наследниками четвертой очереди по закону являются прадедушки и прабабушки наследодателя и их потомки. Наследниками пятой и последующих очередей по закону являются дальнейшие предки наследодателя и их потомки. В сравнении с российским гражданским законодательством, заметно большое различие в наименовании наследников согласно очередям, кроме того ГК РФ четко указывает наследников 7 очередей. Гражданское уложение Германии четко указывает только 4 очереди, что может вызывать в дальнейшем при наследовании последующих очередей, начиная с пятой, множество коллизий. Последовательность призвания очередей аналогична российской системе наследования.

Наследственные права пережившего супруга также определяются по-разному: в Германии он имеет право на обязательную долю в наследстве. В § 1931 сказано, что переживший супруг наследодателя призывается в качестве наследника по закону: наряду с родственниками первой очереди – к одной четвертой части наследства, наряду с родственниками второй или третьей очереди – к половине наследства. Если не имеется родственников первой – третьей очередей, то все наследство переходит к супругу [1, с. 485]. Если переживший супруг является наследником по закону наряду с наследниками второй или третьей очередей, то ему, кроме наследственной доли, причитаются предметы домашнего обихода

супругов (*Voraus* – это имущественные ценности, на получение которых вправе притязать переживший супруг как наследник по закону), если только они не являются принадлежностью земельного участка, а также свадебные подарки. В отношении передачи таких предметов применяются правила о завещательных отказах.

По ГК РФ супруг(а) является наследником первой очереди, наряду с детьми и родителями наследодателя. Принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе входит в состав наследства и переходит к наследникам. Что касается обязательной доли в наследстве, супруг может рассчитывать на нее только в том случае, если он является нетрудоспособным (ст. 1142, 1149, 1150 ГК РФ) [2].

Учитывать международные аспекты наследственных отношений необходимо и в отношении отдельных институтов наследственного права. Так, свобода, которая предоставляется гражданину в распоряжении принадлежащим ему имуществом на случай смерти, ограничена правилом об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) [2]. Институт обязательной доли в наследстве представляет собой единственное ограничение свободы завещания. Наличие института обязательной доли в российском наследственном праве призвано поддержать отдельную категорию лиц, нуждающихся в особой защите, а также обеспечить ее материальным достатком.

Наследственное право Германии также содержит указание об обязательной доле в наследстве при наследовании имущества наследодателя. Согласно § 2303–2338 Германского гражданского уложения предусматривается «система обязательной доли», согласно которой «обязательный дольщик» является не наследником по закону, а лишь кредитором, который вправе требовать выплаты ему определенной суммы наследниками по завещанию [1].

Правом на обязательную долю в Германии обладают нисходящие родственники, родители и супруг, исключенные из числа наследников завещательным распоряжением или, в том случае если их доля по завещанию меньше, чем половина их законной доли (§ 2303–2305 Германского гражданского уложения), получающие при этом половину той доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону [1]. При этом в обязательную долю засчитывается все, что наследник, имеющий право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в том числе стоимость установленного в пользу такого наследника завещательного отказа.

Для России и Германии размер обязательной доли является одинаковым, а также совпадает круг субъектов, являющихся необходимыми наследниками. В России необходимые наследники являются полноправными наследниками, а в Германии – лишь кредиторами, которые вправе требовать выплаты им определенной суммы наследниками по завещанию.

Таким образом, имеющий место институт обязательной доли в наследственном праве России и Германии призван охранять имущественные интересы членов семьи наследодателя, регулирует обязанности собственника как члена семьи и его права по распоряжению наследственным имуществом.

Под статутом наследования обычно понимается определяемое на основании коллизионной нормы право (закон страны), которое подлежит применению ко всей совокупности наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, или, по крайней мере, к основной их части.

Статут наследования определяет решение как общих вопросов: об основаниях перехода имущества по наследству (закон, завещание, наследственный договор, дарение на случай смерти и др.); о составе наследства (видах имущества, которое можно наследовать); условиях (времени и месте) открытия наследства; круге лиц, которые могут быть наследниками (включая решение вопроса о «недостойных» наследниках), так и специальных вопросов, касающихся наследования по определенным основаниям, – непосредственно на основании закона (по закону), по завещанию, в порядке наследственного договора и т. д. Этим статутом определяются как общие правила о наследовании любого имущества, так и специальные правила о наследовании отдельных видов имущества – земли, банковских вкладов, исключительных прав и другое. В коллизионном праве большинства стран единственным (основным) статутом наследования является личный закон наследодателя – закон страны его гражданства, или domicilio.

Согласно действующему законодательству Германии (ст. 25 Вводного закона к Гражданскому уложению Германии) к наследованию применяется право государства, гражданином которого является наследодатель в момент своей смерти (п. 1 ст. 25), однако для недвижимого имущества, находящегося внутри страны, наследодатель в завещании может выбрать германское право (п. 2 ст. 25) [3]. В то же время в Германии в отношении наследственных дел принимается обратная отсылка и отсылка к третьему закону.

Для ряда государств исходным коллизионным принципом в области наследования является принцип *домцилия*, под которым обычно понимается

постоянное место жительства наследодателя. При определении домицилия проводится различие между домицилием происхождения, или домицилием по месту рождения (*domicil of origin*), и домицилием приобретенным или избранным (*domicil of choice*).

В российском законодательстве статут наследования определен ст. 1224 ГК РФ. В России наследование движимого имущества регулируется правом страны по месту последнего жительства наследодателя, а наследование недвижимости – правом страны по месту ее нахождения. Так, наследование недвижимости в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 1224 ГК РФ осуществляется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, – по российскому праву. К наследованию движимого имущества применяется право страны, где наследодатель имел последнее место жительства (п. 1 ст. 1224 ГК РФ) [2]. Данная коллизионная норма исходит из презумпции наличия движимого имущества в месте открытия наследства.

Из приведенного текста могут быть сделаны следующие выводы: по российскому праву статутом наследования признается право страны последнего места жительства наследодателя; российское право исходит из двух статутов наследования: к наследованию движимого имущества должно применяться право последнего места жительства наследодателя, а к наследованию недвижимого имущества – право страны места нахождения этого имущества. Эти коллизионные нормы носят двусторонний характер.

В то же время в отношении недвижимого имущества, внесенного в государственный реестр в Российской Федерации, установлена односторонняя коллизионная норма, поскольку в ней содержится отсылка к российскому праву. Это правило имеет практическое значение только для тех видов недвижимого имущества, которое, несмотря на его государственную регистрацию в России, может находиться вне российской территории (воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты). Приведенный выше перечень, согласно ст. 1207 ГК РФ, является исчерпывающим [2]. Из этого следует сделать вывод, что автотранспортные средства, хотя и подлежат государственной регистрации в России, к недвижимому имуществу отнесены быть не могут.

ГК РФ устанавливает определенное изъятие из принципа применения к наследственным отношениям права места жительства наследодателя. Согласно ст. 1115, если последнее место жительства наследодателя, обладавшего имуществом на территории Российской Федерации, неизвестно или находится за ее пределами, местом открытия наследства в России признается место нахождения такого

имущества. Если наследственное имущество находится в разных местах, местом открытия наследства является место нахождения входящих в его состав недвижимого имущества или наиболее ценной части недвижимого имущества, а при отсутствии недвижимого имущества – место нахождения движимого имущества или его наиболее ценной части, которая определяется по рыночной стоимости [2].

Из судебной практики адвоката И. А. Лукашева (Адвокатское бюро Lukashov-Shapoval, г. Ганновер, Нижняя Саксония, Германия): Российский гражданин, занимавшийся предпринимательской деятельностью на территории Германии, умер в г. Москве. Возник вопрос открытия наследства. В ФРГ наследство открывается по месту смерти наследодателя, если он не оставил распоряжение (распоряжение на случай смерти – *Verfügung von Todes wegen* – обобщающая категория для понятий «завещательное распоряжение» и «завещание» – *letztwillige Verfügung, Testament*; распоряжение на случай смерти – отдельные указания, включенные наследодателем в завещание), что к его имуществу должно применяться немецкое право. По законодательству РФ местом открытия наследства, как было указано выше, является последнее место жительства наследодателя и определяется по праву этой страны (в данном случае территория Германии). Российская сторона выдала наследнику Свидетельство о праве на наследование. Наследник заявил в суд ФРГ, что он является наследником и претендует на получение наследства, находящееся на территории Германии. Суд отказал наследнику. Возникла коллизия, что считать местом открытия наследства.

В международной практике возникает целый ряд вопросов, касающихся наследования по завещанию, и прежде всего относительно способности лица к составлению и отмене завещания, а также формы самого завещания.

В большинстве стран завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено в определенном порядке, например у нотариуса. В некоторых же странах допускается составление завещания в так называемой олографической форме, то есть завещание пишется наследодателем собственноручно, и не требуется, чтобы оно было удостоверено. По законам одних государств нельзя в завещании ограничить права какой-либо категории наследников. В других же странах в завещании может быть установлен ряд условий наследникам для получения наследства. При решении подобных проблем прежде всего возникают вопросы о праве, подлежащем применению: следует ли применять закон места нахождения имущества или закон места составления завещания и так далее. Так же как и в отношении наследования по закону, при наследовании

по завещанию возникают проблемы обратной отсылки и отсылки к праву третьей страны.

Хотя завещание по своему характеру является гражданско-правовой сделкой, к нему не могут быть применены общие коллизионные принципы, касающиеся сделок. Коллизионные нормы многих стран в этой области носят императивный характер. Это означает, что свобода выбора права (принцип автономии воли сторон) не распространяется на завещание, иными словами, на волеизъявление по распоряжению имуществом на случай смерти. Эти коллизионные нормы носят императивный характер.

В российском законодательстве коллизионные правила, касающиеся завещания, содержатся в п. 2 ст. 1224 ГК РФ. Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены, либо требованиям российского права [2].

Согласно правилам российского законодательства завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. К нотариально удостоверенным завещаниям приравниваются завещания, составленные в лечебных учреждениях и заверенные главными врачами, их заместителями, дежурными врачами, начальниками госпиталей, капитанами морских судов, начальниками разведочных, арктических и подобных экспедиций, командирами воинских частей, начальниками мест лишения свободы. Завещание, приравненное к нотариально удостоверенному завещанию, должно быть подписано завещателем в присутствии лица, удостоверяющего завещание, и свидетеля, также подписывающего завещание.

Следует обратить внимание на то, что, согласно российскому законодательству, наследником по завещанию может быть как Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, так и иностранные государства, и международные организации (п. 2 ст. 1116 ГК РФ).

Согласно немецкому законодательству, завещание наследодатель может совершить только лично (§ 2064) [1, с. 515]. Наследодатель не может оставить завещательное распоряжение таким образом, чтобы его действительность (недействительность) определялась третьим лицом. Гражданское уложение Германии содержит статьи определяющие правоотношения в случае, если наследодатель завещал наследство своим наследникам по закону (наследуют

в долях, причитающихся им по закону), своим родственникам, своим детям, одному из своих потомков, потомкам третьего лица, группе лиц (определенной категории лиц или лицам, состоящим с ним в служебных или деловых отношениях), неимущим. В то же время может иметь место «неоднозначное указание», при котором наследодатель может обозначить личность назначенного наследника такими признаками, под которые попадает несколько лиц, и невозможно определить, кто из них должен быть назначен (все они считаются наследующими в равных долях) (§ 2073) [1, с. 517]. Завещательное распоряжение в отношении супруга недействительно, если брак был прекращен до смерти наследодателя. Причем следует заметить, что к прекращению брака приравнивается случай, когда к моменту смерти наследодателя имелись предпосылки для расторжения брака и наследодатель ходатайствовал о разводе либо дал согласие на развод, либо наследодатель к моменту смерти был вправе ходатайствовать об отмене брака и подал соответствующее ходатайство. Завещательное распоряжение, согласно которому наследодатель завещал наследство лицу, помолвленному с ним, недействительно, если помолвка прекращена до смерти наследодателя.

Российское законодательство предусматривает следующие виды завещаний: нотариально удостоверенное завещание; завещания, приравниваемые к нотариально удостоверенным завещаниям; закрытое завещание; завещание в чрезвычайных обстоятельствах; завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках. Немецкое законодательство предусматривает такие виды завещаний, как: собственноручное завещание; нотариально удостоверенное завещание; завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах; совместное завещание супругов; договор о наследовании (содержит признаки завещания и договора).

Имущество, которое остается после смерти лица при отсутствии наследников, либо, если никто из наследников не имеет права наследовать или все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства, называется выморочным. Оно признается таковым, если у умершего гражданина нет наследников по закону, и по каким-либо причинам не было составлено завещание или завещание составлено, но оно было признано недействительным.

Согласно п. 2 ст. 1151 ГК РФ выморочное имущество переходит в порядке наследования по закону в собственность муниципального образования, собственность города федерального значения (Москва и Санкт-Петербург) или собственность Российской Федерации [2].

По законодательству Германии приобретение государством выморочного имущества рассматривается как наследование, то есть производный способ приобретения права собственности в порядке универсального правопреемства (§ 1936). В Гражданском уложении Германии сказано: «Если на момент открытия наследства у наследодателя не осталось ни родственника, ни партнера или супруга, то наследником по закону является казна земли, в которой наследодатель проживал на момент смерти. Если наследодатель проживал в нескольких землях, казна каждой из земель призывается к наследованию в равных долях. Если наследодатель был немцем, но не проживал ни в одной из земель, то наследником по закону является казна Федерации [1, с. 488].

Различия в обосновании права государства на выморочное имущество имеют существенное практическое значение. Вопрос о судьбе выморочного имущества решается в договорах о правовой помощи, заключенных с рядом государств. Согласно этим договорам выморочное движимое имущество передается государству, гражданином которого к моменту смерти являлся наследодатель, а выморочное недвижимое имущество переходит в собственность государства, на территории которого оно находится.

В области наследственных отношений неоднократно на практике возникают вопросы о том, могут ли российские граждане получать наследственное имущество в случае, если наследование открывается за рубежом. Права наследования, возникшие на основании соответствующих иностранных законов, полностью признаются в России. Российское законодательство не устанавливает каких-либо ограничений в отношении получения российскими гражданами наследственных сумм из-за границы.

Действующее российское законодательство устанавливает порядок принятия наследства, которое, как правило, осуществляется путем подачи заявления нотариусу по месту открытия наследства. Свидетельство о праве на наследство выдается по месту открытия наследства нотариусом. Им же принимаются меры по охране наследства и управлению им. Наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства. По заявлению наследника, пропустившего срок, установленный для принятия наследства, суд может восстановить этот срок. В судебной практике срок для принятия наследства иностранцами продлевается на тех же общих основаниях, что и для российских граждан, а не в силу постоянного проживания наследника за границей или самого факта иностранного гражданства наследника.

Большое практическое значение имеет определение того, к компетенции органов какой страны

входит производство по делам о наследовании. Обычно в договорах о правовой помощи предусматривается, что производство дел о наследовании движимого имущества ведут учреждения юстиции страны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное место жительства, а производство дел о наследовании недвижимого имущества – учреждения юстиции страны, на территории которой оно находится.

Дела, вытекающие из наследственных правоотношений подсудны амтсгерихтам (*das Amtsgericht*), – судам первой инстанции. Они составляют низшее звено в организации надлежащего правосудия (*die Pechtsprechung*) в ФРГ. Правосудие в Германии является государственной деятельностью по установлению правопорядка, которое реализуется силой третьей власти. Судебные органы ФРГ, как и других государств, выполняют функции в области осуществления правосудия по гражданским делам путем рассмотрения таких дел с вынесением решений по существу споров. При амтсгерихтах действуют, соответственно, суды по наследственным делам.

Сравнительно-правовой анализ институтов наследования России и Германии позволяет заметить, что наследственное право Германии отражает классические подходы континентальной системы права, к которой принадлежит и право России. Обращение к вопросам наследственного права Германии помогает лучше понять российские правовые институты, их правовую природу, определить пути устранения трудностей, связанных с их функционированием. Наследственное право является важнейшим правовым институтом в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

1. Гражданское уложение Германии = *Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz*: Ввод. Закон к Гражд. уложению; пер. с нем.; науч. ред.: А. Л. Маковский и др. М.: Волтерс Клувер, 2004. 816 с. Кн. 5: Наследственное право. С. 485–582.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497.

3. Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений (г. Гаага, 05.10.1961). URL: // <http://law7u.info/base45/part1/d45ru1592.htm> (дата обращения: 02.12.2014).

4. Конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц (вместе с международным сертификатом), (г. Гаага, 02.10.1973 г.). URL: // <http://law7.ru/base45/part1/d45ru1552.htm> (дата обращения: 22.12.2014).

5. *Международное частное право: учебник* / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекяшев, Г. К. Дмитриева; отв. ред. Г. К. Дмитриева. М.: Проспект, 2009. 688 с.

6. Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: пособие для учителя / сост.: П. П. Епифанов, О. П. Епифанова. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
7. *Шанн Ян*. Система германского гражданского права: учебник / пер. с нем. С. В. Королева. М.: Междунар. отношения, 2006. 360 с.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Основной закон Федеративной Республики Германия. Bundeszentrale für politische Bildung Федеративный центр политического просвещения. Текст публикуется по состоянию на декабрь 2000 г. // Бонн. Принята Парламентским Советом. Вестник Федеральных законов. 23 мая 1949 г.
1. Grahdanskoe ulozhenie Germanii = Deutsches Bürgerliches Gesetzbuch mit Einführungsgesetz: Vvod. Zakon k Grahd. Ulozheniyu; Per. s nem. Nauch. redaktery: A. L. Makovskiy i dr. M.: Volters Kluver, 2004. 816 s. Kn. 5: Nasledstvennoe pravo. S. 485–582.
2. Grahdanskiy kodeks Rossiyskoy federatsii (chast' tret'ya) ot 26 noyabrya 2001 g. № 146-FZ // Sob-ranie zakonodatel'stva RF, 25.12.2006, № 52 (1 ch.), st. 5497.
3. Konventsiya o kollizii zakonov, kasayushchikhsya formy zaveshchatel'nykh rasporyazheniy (g.Gaaga, 05.10.1961). URL: // <http://lawru.info/base45/part1/d45ru1592.htm> (data obrashcheniya: 02.12.2014).
4. Konventsiya otnositel'no mezhdunarodnogo upravleniya imushchestvom umershikh lits (vmeste s mezhdunarodnym sertifikatom), (g. Gaaga, 02.10.1973 g.). URL: // <http://law7.ru/base45/part1/d45ru1552.htm> (data obrashcheniya: 22.12.2014).
5. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: ucheb. / L. P. Anufrieva, K. A. Bekayashev, G. K. Dmitrieva; otv. red. G. K. Dmitrieva. M.: Prospekt, 2009. 688 s.
6. KHrestomatiya po istorii SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka: Posobie dlya uchite-lya / Sost. P. P. Epifanov, O. P. Epifanova. 2-e izd., dorab. M.: Prosveshchenie, 1989. 288 s.
7. *SHapp YAn*. Sistema germanskogo grazhdanskogo prava: uchebnik / Per. s nem. S. V. Koroleva. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2006. 360 s.
8. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Osnovnoy zakon Federativnoy Respubliki Germaniya. Bundeszentrale für politische Bildung Federativnyy tsentr politicheskogo prosveshcheniya. Tekst publikuetsya po sostoyaniyu na dekabr' 2000 g. // Bonn. Prinyata Parlamentskim Sovetom. Vestnik Federal'nykh zakonov. 23 maya 1949 g.

M. L. Lebedeva

**Russian Agrarian University –
K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow**

I. A. Lukashev

**Chamber of Attorneys of FRG, TSelle, Germany
Law Office, Gannover, Germany**

INSTITUT OF INHERITANCE LAW OF GERMANY AND RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

This article examines the issues of inheritance law of Germany, conducted a comparative legal analysis of the order of succession in Russia and Germany, to the attention of the known practice improvement of private international law in the field of inheritance.

Keywords: inheritance, hereditary business, will, law, foreign element, a legal institution.

УДК 342.56

Е. В. Пластинина*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЕДИНОГО ВЕРХОВНОГО СУДА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Важным событием 2014 года стало создание на территории Российской Федерации единого Верховного суда вследствие объединения Верховного суда Российской Федерации и Высшего арбитражного суда Российской Федерации. Вновь созданный единый суд призван обеспечить единообразие судебной практики.

Ключевые слова: Верховный суд Российской Федерации, Арбитражный суд Российской Федерации, объединение судов, судебная практика, единая позиция.

21 ноября 2014 года президент Российской Федерации Владимир Путин в Кремле вручил Вячеславу Лебедеву, возглавлявшему Верховный суд Российской Федерации с 1989 года, удостоверение председателя Верховного суда РФ.

Идея объединения судов была выдвинута Владимиром Путиным 21 июня 2013 года на Петербургском экономическом форуме, где он предложил «объединить Верховный суд Российской Федерации и Высший арбитражный суд в целях обеспечения единых подходов к разрешению споров с участием как граждан, так и организаций, а также споров с органами государственной власти и органами местного самоуправления» и пояснил, что «для этого будет необходимо внести поправки в Конституцию России» [1].

Между тем, изменения коснулись не только основного закона нашей страны, из которого, как и из ряда федеральных законов, исключены все упоминания о Высшем арбитражном суде, а его полномочия закреплены за Верховным судом Российской Федерации [2]. Уже начиная с августа 2014 года, Верховный суд РФ является единственным высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, а также по экономическим спорам [3]. Отныне Верховный суд России обладает иным правовым статусом ввиду его наделения дополнительными полномочиями. Единый суд будет находиться в Санкт-Петербурге, его постоянное представительство будет создано в Москве [4]. Федеральным законом от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с изменением подведомственности некоторых категорий дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами» изменена подведомственность ряда категорий дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. При этом большинство поправок

носят технико-юридический характер¹. Сформирована Специальная квалификационная коллегия по отбору кандидатов на конкурсной основе на должности судей Верховного суда РФ. Результаты специального квалификационного экзамена оценивает специальная экзаменационная комиссия по приему на должность судьи Верховного суда РФ [5].

Внесенные изменения и поправки в российское законодательство говорят о реформе, нацеленной на длительный эволюционный процесс.

Действительно, вопрос о едином толковании и применении одних и тех же норм права судами общей юрисдикции и арбитражными судами всегда являлся и является актуальным при преодолении препятствий в должном функционировании механизма осуществления права на доступ к правосудию вследствие существования коллизий в регулировании института подведомственности. Зачастую субъект, заинтересованный в защите своих прав и законных интересов, не имеет возможности разрешить возникший в отношении него спорный вопрос по причине невозможности точного определения юрисдикционного органа, которому подведомственно разрешение такого рода дел. Различия в судебной практике, непредсказуемость судебных решений, как результат неопределенности или альтернативности подведомственности, влияют на доступ к правосудию и, как следствие, подрывают авторитет судебной власти.

Несмотря на то, что действующие арбитражно-процессуальный кодекс и гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации призваны

¹ Так, например, внесены соответствующие изменения в ряд федеральных законов вследствие исключения из подведомственности арбитражных судов дел, связанных с оспариванием нормативных правовых актов. Рассмотрение дел об оспаривании кадастровой стоимости теперь исключено из компетенции арбитражных судов. Такие споры теперь будут рассматриваться судами общей юрисдикции.

минимизировать число конфликтных ситуаций в данном вопросе, полное избежание возникновения споров о подведомственности было невозможно также в силу динамизма развития частноправовых, публичных отношений и сложности юрисдикционной системы.

В силу статьи 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита принадлежащих ему прав и свобод. Статья 47 Конституции РФ гарантирует, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом [6]. Этому корреспондируют положения международных договоров Российской Федерации, в том числе пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, по смыслу которого право каждого на судебную защиту, обеспечиваемое путем рассмотрения его дела законным, независимым и беспристрастным судом, означает, что рассмотрение дел должно осуществляться судом, который в соответствии с установленными законом правилами подведомственности и подсудности обладает соответствующей компетенцией по рассмотрению конкретного дела [7].

Право на доступ к правосудию следует рассматривать, на наш взгляд, как средство гарантирования конституционного права на судебную защиту, обеспечения реальности ее получения, опосредованное наличием законодательно установленных процедур (подачи, рассмотрения и разрешения жалобы, заявления и иного документа компетентным судом, исполнения решения).

Важность вопроса определения подведомственности очевидна, поскольку обращение в суд с нарушением правил, установленных процессуальным законом, удлиняет всю судебную процедуру, ведет к отсрочке достижения материально-правового результата, ожидаемого истцом в суде, а иногда и отмене судебного решения.

Неправильное определение судьей компетенции суда при обращении заинтересованного лица за судебной защитой приводит к нарушению права участвующих в деле лиц на законный суд или к необоснованному отказу в осуществлении правосудия.

Существующая судебная практика показывает, что имеют место случаи как «двойной» подведомственности, так и отказа в разрешении дел по мотиву его подведомственности суду другой юрисдикции. Если в первом случае для заинтересованного лица, обращающегося в суд, ничего плохого нет, поскольку суды и общей, и арбитражной юрисдикции полагают дело подведомственным им, то во втором случае такое лицо фактически лишается права на доступ к правосудию [8].

Известно, что в государствах романо-германской правовой системы успешно функционируют как

модели с единым высшим судом, например, в Норвегии, Франции, так и модели с несколькими высшими судами, например, в Германии, Финляндии. Из изложенного следует, что определение самой модели не является обязательным фактором. Важным является то, каким образом организована судебная система, а не сколько в ней высших судов.

Очевидно, что для выработки единого подхода к толкованию одних и тех же норм права и, соответственно, для достижения единообразия судебной практики вновь созданной судебной системой будет затрачен большой период времени.

На современном этапе развития судебной реформы невозможно в полном объеме предугадать все возможные положительные и отрицательные последствия объединения судов. Укрепит ли этот реформистский подход гарантии принципа равенства всех перед законом или значительно ограничит права сторон, добивающихся справедливого и доступного правосудия, покажут время и судебная практика.

1. Выступление президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 21 июня 2013 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18383>

2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 февраля 2014 г. № 6. ст. 548.

Федеральный закон от 12 марта 2014 г. № 29-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 марта 2014 г. № 11. ст. 1094.

3. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 февраля 2014 г. № 6. ст. 551.

4. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 февраля 2014 г. № 6. ст. 550.

5. Федеральный закон от 5 февраля 2014 г. № 16-ФЗ «О порядке отбора кандидатов в первоначальный состав Верховного Суда Российской Федерации, образованного в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 февраля 2014 г. № 6. ст. 556.

6. Конституция Российской Федерации. 12 декабря 1993 г.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 262-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Арбитражного суда Томской области о проверке конституционности части 3 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Вестник Конституционного Суда РФ», 2006, № 6.

8. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. А. Жилина. М.: ООО «ТК Велби», 2003 С. 72–73, 94–95.

1. Vystuplenie prezidenta Rossiyskoy Federatsii V. V. Putina na plenarnom zasedanii Peter-burgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma 21 iyunya 2013 goda. URL: <http://www.kremlin.ru/news/18383>

2. Закон Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 5 fevralya 2014 g. № 2-FKZ «O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii i prokurature Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 10 fevralya 2014 g. № 6. st. 548.

Federal'nyy zakon ot 12 marta 2014 g. № 29-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem Zakona Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii i prokurature Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 17 marta 2014 g. № 11. st. 1094.

3. Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 4-FKZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy konstitutsionnyy zakon "O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii"» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 10 fevralya 2014 g. № 6. st. 551.

4. Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 3-FKZ «O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 10 fevralya 2014 g. № 6. st. 550.

5. Federal'nyy zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 16-FZ «O poryadke otbora kandidatov v pervonachal'nyy sostav Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii, obrazovannogo v sootvetstvii s Zakonom Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii «O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii i prokurature Rossiyskoy Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 10 fevralya 2014 g. № 6. st. 556.

6. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. 12 dekabrya 1993 g.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 262-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Арбитражного суда Томской области о проверке конституционности части 3 ст'и 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Вестник Конституционного Суда РФ», 2006, № 6.

8. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации /Под ред. Г.А. Жилина. М.: ООО «ТК Велби», 2003. С. 72–73, 94–95.

E. V. Plastinina

Mari State University, Yoshkar-Ola

ABOUT THE CREATION OF THE SINGLE SUPREME COURT IN RUSSIA

The creation of the single Supreme Court on the territory of the Russian Federation due to the integration of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation is an important event in 2014. The newly created single court is intended to ensure uniformity in the interpretation and the application of law.

Keywords: the Supreme Court of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, the integration of courts, jurisprudence, common position, rules of law.

УДК 37.014.1:342.7

О. А. Сидоров, О. Л. Шабалина

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье рассматривается проблема сущности, содержания и нормативного закрепления права на образование. Приведены различные подходы к типологии права на образование.

Ключевые слова: образование, право на образование, нормативное закрепление права, реализация права на образование.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена реформированием отечественной системы образования, вступлением в силу нового закона об образовании, иных нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу общественной практики. Возникает необходимость научного осмысления происходящих процессов, их теоретико-методологического обоснования и выявления условий наиболее эффективной практической реализации выдвинутых теоретических положений.

Право личности на образование стало темой многих научных исследований. Анализ литературы позволяет заключить, что право на образование рассматривается, как правило, в контексте социальных прав человека и гражданина.

Историческое развитие права человека на образование исследовали Р. Ш. Мещеров, Н. И. Никитина, С. А. Расчетина и другие.

Вопросы правового статуса личности изучали С. А. Авакьян, С. С. Алексеев, В. М. Баглай, Н. В. Витрук, Л. Д. Воеводин, И. В. Гончаров, А. Ю. Кабалкин, С. Ф. Кечекьян, Е. В. Киричек, Е. А. Лукашева, Г. В. Мальцев, М. Н. Марченко, В. А. Масленников, Н. И. Матузов, В. С. Нерсесянц, Ю. А. Тихомиров, В. Е. Чиркин и другие.

Конституционные основания права человека на образование рассматривались в работах Л. А. Дольниковой, Г. А. Дороховой, Т. С. Румянцевой, М. В. Смирновой, О. А. Тепляковой, И. В. Тяпкиной и другими.

Вопросам правового регулирования реализации права человека на образование посвящены исследования таких ученых, как, А. В. Богданов, Д. А. Голованов, Т. В. Гусева, А. Н. Козырин, И. Ф. Никитина, В. В. Рыбакова, Е. В. Слесарева, О. Н. Столбушинская, Ю. А. Тихомиров и другие.

Ценностные подходы к управлению образованием и аксиологические приоритеты стратегии его развития разработаны Б. М. Бим-Бадом, В. М. Богуславским, В. А. Караковским, Г. Б. Корнетовым, Н. Д. Никандровым и другими.

Несмотря на то, что данная проблематика привлекала внимание значительного числа исследователей, многие вопросы, связанные с изучением права на образование, раскрыты недостаточно. В частности, остаются не полностью исследованными условия и механизмы реализации права на образование, а также само содержание данного понятия и его структура.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. определяет образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и(или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [4].

Такое определение представляется более полным и содержательным, по сравнению с утратившим силу Законом РФ «Об образовании» от 10 июля 1992 г., где образование рассматривалось как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [1].

Образование, как социальное явление, как одна из важных сфер жизни общества, подлежит регулированию со стороны государства. Государственная политика России в области образования, правовое регулирование отношений в сфере образования, структура системы образования страны закреплены законодательно.

В России право на образование получило закрепление в Конституции РСФСР 1918 года, где устанавливалась необходимость предоставить рабочим

и беднейшим крестьянам всестороннее и бесплатное образование (ст. 17); Конституция СССР 1936 года провозгласила право на образование и предусмотрела гарантии его обеспечения (ст. 121); Конституция СССР 1977 года существенно расширила систему этих гарантий (ст. 45) [3].

В Конституции Российской Федерации 1993 года право на образование регламентируется статьей 43, главы 2 «Права и свободы человека и гражданина», которая провозглашает всеобщий характер данного права, общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях; возможность бесплатного получения на конкурсной основе высшего образования; основное общее образование является обязательным [2].

Конституционный механизм реализации социальных прав и свобод человека и гражданина включает следующие основные компоненты: правовые нормы, закрепляющие социальные права и свободы человека и гражданина; юридические факты, влекущие за собой возникновение готовности, самой реализации и ограничение социальных прав и свобод человека и гражданина; деятельность специальных органов, призванных обеспечивать социальные права и свободы человека и гражданина; деятельность суда и правоохранительных органов, специальные юридические процедуры; институт юридической ответственности [5].

Вместе с тем, реализация права на образование не может быть обеспечена в полной мере исключительно юридическими средствами, важную роль играет государственная политика в сфере образования, а также уровень правовой компетентности субъектов правоотношений.

Государственная политика Российской Федерации и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах: признание приоритетности образования; обеспечение права каждого человека на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования; гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности; защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации; свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей; обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека и другое. [4].

Образование обеспечивает трансляцию знаний от поколения к поколению, генерирование, распространение и хранение культуры общества; социальный отбор, дифференциацию членов общества, воспроизводство и изменение социальной структуры; создание условий для реализации потребности людей в знаниях; осуществление социального контроля.

Право на образование выступает как неотъемлемое право человека и гражданина, тесно взаимосвязанное с другими основными правами, что закреплено в конституциях государств и в международно-правовых актах. Реализация права на образование детерминирует создание условий для личностного и профессионального роста, осуществления самореализации.

На основании анализа философско-правовой научной литературы по исследуемой проблеме изучения законодательных актов различных стран и международных документов, регламентирующих право человека на образование, представляется возможным сделать вывод о том, что имеют место различные подходы к классификации основных прав и свобод человека, в рамках которых право на образование трактуется неоднозначно.

Данное право может быть отнесено к одной из групп конституционных прав (социально-экономических, социально-культурных, личных и др.); либо рассматривается комплексно, в русле социальных, экономических, культурных прав; либо, без распределения по группам, представлено в системе основных прав и свобод человека и гражданина, что, на наш взгляд, является наиболее правильным. Такой подход, характерный, в том числе, и для Конституции Российской Федерации, позволяет полнее раскрыть сущность и содержание права на образование как универсального конституционного права и установить взаимосвязь с другими основными правами человека и гражданина.

1. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1. URL: http://www.consultant.ru/popular/edu/43_1.html#p63
2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://constitution.kremlin.ru>
3. Третьяк Н. В. Юридическая природа права на образование и его место в системе конституционных прав и свобод личности // Юрист ВУЗа. 2011. № 8. С. 5–9.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165887/
5. Шакун Н. В. Проблемы обеспечения и реализации социальных прав человека и гражданина в современной России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 52–56.

1. Zakon RF «Ob obrazovanii» ot 10.07.1992 № 3266-1.
URL: http://www.consultant.ru/popular/edu/43_1.html#p63

2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. URL:
<http://constitution.kremlin.ru>

3. *Tret'yak N. V.* YUridicheskaya priroda prava na obrazovanie i ego mesto v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti // YUrist VUZa. 2011. № 8. S. 5–9.

4. Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» ot 29.12.2012 № 273-FZ. URL:
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165887/

5. *SHakun N. V.* Problemy obespecheniya i realizatsii sotsial'nykh prav cheloveka i grazhdanina v sovremennoy Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 7. S. 52–56.

O. A. Sidorov, O. L. SHabalina

Mari State University, Yoshkar-Ola

RIGHT TO EDUCATION AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

In article the problem of essence, the contents and standard fixing of the right for education is considered. Various approaches to typology of the right for education are given.

Keywords: education, right for education, standard fixing of the right, realization of the right for education.

УДК 343.132:342.7

М. А. Смирнов

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

**УСЛОВИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
В ФОРМЕ КОНТРОЛИРУЕМОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ ТОВАРОВ ИЛИ УСЛУГ**

Основной целью работы стало исследование вопросов соблюдения прав и свобод человека в ходе мероприятий по документированию преступлений, одним из условий доказывания которых является проведение мнимых «притворных» сделок гражданско-правового характера, когда их проверочный характер не известен лицу, подозреваемому в преступлении. В статье предлагается ряд условий, которые позволят разграничить правомерный характер действий сотрудников правоохранительных органов от их действий, направленных на повышение результатов служебной деятельности за счет привлечения невинных граждан к уголовной ответственности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка, допустимость доказательств.

Согласно ст. 89 УПК РФ результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД) запрещены для использования в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам уголовно-процессуальным законом. Как и любые доказательства в уголовном процессе результаты оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) должны обладать свойствами относимости и допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ). Допустимость как свойство результатов оперативно-розыскной деятельности – это их соответствие нормам закона и ведомственных нормативных правовых актов относительно субъекта, задач, средств и методов собирания информации.

Таким образом, при оценке результатов ОРМ следователям необходимо обращать особое внимание на соблюдение законности и обоснованности их проведения и на отсутствие признаков провокации в действиях оперативных сотрудников.

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств, содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе [2, с. 5].

На основании изложенного, с учетом практики расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков и других предметов, запрещенных или ограниченных к обороту, необходимо выделить ряд требований, предъявляемых к проведению ОРМ «Проверочная закупка», которые необходимо учитывать следователям при проверке их материалов. Основанием проведения ОРМ «Проверочная закупка» является наличие у правоохранительных органов достаточных данных полагать, что лицо причастно к незаконному обороту предметов или услуг. При этом признание в прошлом лица виновным в совершении преступления не указывает на то, что оно и в настоящее время осуществляет преступную деятельность.

Фактами, свидетельствующими о намерении осуществлять преступную деятельность, могут служить осведомленность лица о стоимости предметов незаконного оборота или услуг, возможность их приобретения, возможность получения выгоды от их реализации, обнаружение по месту проживания среди имущества лица наркотического средства и другое. Данные обстоятельства могут устанавливаться путем проведения таких ОРМ, как:

- прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП);
- наблюдение с применением средств видео-, аудиофиксации;
- опрос лиц из числа потребителей веществ или услуг;
- негласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;
- снятие информации с технических каналов связи (например, перехват (собираение и запись)

данных о содержании сообщений, передаваемых фигурантами с помощью компьютерных систем);

– сбор образцов для сравнительного исследования и исследования предметов (например, отпечатков пальцев рук, негласно полученных с применением «дактоловушек») и другое. Кроме того, источником информации о причастности лица к незаконному обороту предметов, веществ или услуг должны быть лица, не участвовавшие в проведении ОРМ «Проверочная закупка».

Следует отметить, что в ряде случаев в качестве подтверждения обоснованности проведения «Проверочной закупки», в том числе повторной, оперативный сотрудник указывает, что информация о фактах преступной деятельности человека получена от лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие. В статье 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее – Закон «Об ОРД») указано, что сведения о данном лице подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Кроме того, допускается предание гласности сведений о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, лишь с их согласия в письменной форме [1, с. 8].

В то же время в большинстве случаев оперативный сотрудник даже не рассматривает возможность рассекречивания сведений о данном лице с целью последующего допроса его в качестве свидетеля. При этом следователь при решении вопроса о достаточности представленных доказательств для привлечения к уголовной ответственности лица также не ставит подобный вопрос.

В этой связи в случаях недостаточности данных, указывающих на участие конкретного лица в совершении преступления, следователям необходимо своевременно ставить вопрос перед соответствующим руководителем оперативного подразделения о необходимости рассекречивания сведений о лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, и его допроса в качестве свидетеля. При этом руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, а также иные меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

В случае отказа при оценке результатов ОРД следователю следует обращать внимание на наличие в материалах иных сведений о преступной деятельности лица, причастного к незаконному обороту товаров, веществ или услуг, имевшихся до проведения в отношении него ОРМ «Проверочная закупка»,

и их достаточности для привлечения лица к уголовной ответственности.

При оценке действий оперативных сотрудников в ходе проведения ОРМ «Проверочная закупка» необходимо руководствоваться разъяснениями, данными в пункте 14 Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в соответствии с которыми результаты оперативно-розыскного мероприятия могут быть положены в основу приговора, если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений [3, п. 14].

Согласно положениям ст. 5 Закона «Об ОРД» не допускается осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных указанным Федеральным законом. В соответствии с данной статьей подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий является провокацией [1, с. 5].

Статья 7 Закона «Об ОРД» предусматривает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий, только если имеются сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершавших [1, с. 6].

Применительно к незаконному сбыту наркотических средств Верховный Суд Российской Федерации разъясняет, что под провокацией сбыта следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ). Данное положение применимо также к фактам незаконного сбыта оружия, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ [4, п. 7.2].

Например, о провокации могут свидетельствовать активное участие правоохранительных органов в переговорах о сбыте наркотических средств непосредственно либо через «покупателя» путем проявления инициативы при установлении связи со «сбытчиком», повторные предложения оказать содействие в приобретении наркотических средств, несмотря на первоначальный отказ, поднятие цены выше средней, ссылка на абстинентный синдром. При этом следователи, оценивая представленные материалы о результатах оперативно-розыскной деятельности,

должны учитывать, что факт провокации отсутствует, если:

- действия правоохранительных органов ограничили наблюдением, записью телефонных переговоров, опросами, иными ОРМ и не оказывали влияние на «покупателя»;
- «покупатель» начал сотрудничать с правоохранительными органами уже после состоявшейся договоренности о сбыте предметов или услуг;
- правоохранительные органы располагали достоверными сведениями о достигнутой договоренности между «сбытчиком» и «покупателем».

Указанные сведения должны быть получены и зафиксированы путем применения технических средств.

В случае если источником информации о намерении лица сбыть запрещенный товар или услугу до проведения ОРМ «Проверочная закупка» является лишь рапорт оперативного сотрудника и объяснение «покупателя» следователь должен со всей тщательностью отнестись к оценке представленных материалов при принятии решения о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения, предъявлении обвинения, а при отсутствии достаточных оснований принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела и проведении дополнительной проверки представленных оперативными подразделениями материалов. Он также должен представлять руководителю соответствующего органа рапорт с требованием проведения служебной проверки по установлению причин неиспользования технических средств для документирования преступной деятельности и нарушения нормативных актов, регламентирующих проведение ОРМ «Проверочная закупка».

Постановление о проведении ОРМ «Проверочная закупка» должно содержать достаточное количество достоверной информации о целях и основаниях планируемого ОРМ и подвергается контролю и надзору со стороны уполномоченных органов и должностных лиц в рамках, предусмотренных законодательством.

Проверочная закупка, проведенная надлежащим образом и зафиксированная посредством видео-и(или) аудиозаписи, фотосъемки, должна подтверждаться иными доказательствами: результатами наблюдения, прослушивания телефонных переговоров, показаниями свидетелей, кроме лиц, принимающих участие в ОРМ «Проверочная закупка», и другое.

На основании изложенного по результатам проверки в каждом случае выявления несоблюдения требований закона о порядке проведения и оформления оперативно-розыскных мероприятий либо необоснованности проведения таких мероприятий необходимо исключать их из доказательной базы и принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Кроме того, следователь должен представлять руководителю соответствующего органа

рапорт с требованием о проведении служебной проверки по выяснению причин нарушения требований законодательства.

Как показывает судебная практика, несоблюдение требований, предъявляемых к результатам ОРМ «Проверочная закупка», приводит к тому, что суды признают данные ОРМ провокацией со стороны оперативных работников и выносят оправдательный приговор.

В настоящее время суды в Российской Федерации и Европейский суд по правам человека все более критически относятся к приговорам российских судов, вынесенным после рассмотрения уголовных дел, возбужденных по результатам ОРМ «Проверочная закупка».

Так, имеются случаи удовлетворения Европейским судом жалоб российских граждан на неправомерные действия со стороны оперативных сотрудников правоохранительных органов, в том числе органов наркоконтроля, при проведении ОРМ «Проверочная закупка». В таких решениях отмечается, что судебное разбирательство, в результате которого заявитель признан виновным, не было «справедливым». Соответственно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5, пп. 46–47].

В связи с чем необходимо обеспечить изучение следователями до проведения ОРМ «Проверочная закупка» материалов оперативного документирования, в целях оценки имеющейся информации с точки зрения ее допустимости в процессе доказывания. После реализации оперативных материалов и до принятия решения о порядке ст. 145 УПК РФ руководству следственных подразделений дополнительно изучать материалы с дачей соответствующих письменных указаний.

В рамках расследования уголовного дела давать поручение оперативным сотрудникам на сбор дополнительной информации, свидетельствующей об умысле лица на совершение преступления, сформировавшийся независимо от действий сотрудников правоохранительных органов.

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544) // Российская газета. 2013. № 282.

3. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2006. № 8.

4. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2012. № 10.

5. Постановление Европейского суда по правам человека от 15 декабря 2005 года. Жалоба № 53203/99. URL: www.vsrfr.ru

1. Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti: federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 12 avg. 1995 g. № 144-FZ // SZ RF. 1995. № 33. St. 3349.

2. Ob utverzhdenii Instruktsii o poryadke predstavleniya rezul'tatov operativno-rozysknoy deya-tel'nosti organu doznaniya, sledovatelyu ili v sud: prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii N 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii N 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013 (Zaregistrovano v Minyuste Rossii 05.12.2013 № 30544) // Rossiyskaya gazeta. 2013. № 282.

3. O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropnymi, sil'nodeystvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 15 iyunya 2006 g. № 14 // Byulleten' Verkhovnogo suda RF. 2006. № 8.

4. Obzor sudebnoy praktiki po ugovolnym delam o prestupleniyakh, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh, sil'nodeystvuyushchikh i yadovitykh veshchestv (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 27 iyunya 2012 g.) // Byulleten' Verkhovnogo suda RF. 2012. № 10.

5. Postanovlenie Evropeyskogo suda po pravam cheloveka ot 15 dekabrya 2005 goda. Zhaloba № 53203/99. URL: www.vsrfr.ru

M. A. Smirnov

Mari State University, Yoshkar-Ola

**CONDITIONS OF THE RIGHTS AND FREEDOMS WHEN CONDUCTING
OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE FORM
OF A CONTROLLED PURCHASE OF GOODS OR SERVICES**

The main aim of this work was the study of the observance of rights and freedoms in the course of events in documenting crimes, one of the conditions, the proof of which is the conduct alleged «sham» transactions of civil law, when check character is not known to the person suspected of having committed a crime. The article offers a number of conditions, which will delineate the legitimate nature of the actions of law enforcement bodies, their actions aimed at improving the results of their service activities by involving innocent citizens to criminal liability.

Keywords: operational-investigative activities, the test purchase, the admissibility of evidence.

УДК 342.25

Т. С. Смирнова*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ШВЕЦИИ)**

В статье рассматриваются особенности организации антикоррупционной деятельности в органах местного самоуправления ряда стран, их эффективность, а также возможность внедрения некоторых аспектов антикоррупционной политики в российское законодательство.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, население.

В настоящее время в мире нет ни одного государства, не пораженного проявлениями коррупции. Одним из способов, способствующих устранению существующих законодательных пробелов в сфере противодействия коррупции в системе местных органов власти Российской Федерации, является анализ положительного зарубежного опыта в указанной сфере. Почти во всех промышленно развитых зарубежных государствах, в том числе и на местных уровнях власти, уже давно сформирован механизм законодательного противодействия коррупции. Кроме того, фактически во всех зарубежных государствах создана административно-правовая и организационная база противодействия коррупции, которая позволила снизить степень коррупционных проявлений до такого уровня, что он практически не представляет угрозу для личности, общества и государства.

Повышенная социальная угроза коррупции в сфере местного самоуправления определяется тем, что, проявляясь в поведении субъектов, призванных исполнять функции интеграции и контроля на местах, она подрывает основы всей общественной власти. Она оказывает разрушительное воздействие на всех людей – особенно, если она связана с коррупцией в системе государственной и муниципальной службы. Чем больше полномочий имеет муниципальный служащий, тем больший доступ он имеет к местным бюджетным и иным важным ресурсам, тем выше риск, что он может поддаться искушению коррупции или неэтичному поведению.

Борьба с коррупцией ежегодно обходится правительству любой страны огромными затратами денежных средств, в то время как эти средства могли бы быть потрачены на оказание государственных и муниципальных услуг. Коррупция на местном уровне означает, что отдельные лица получают несправедливое преимущество, потому что они имеют возможность позволить себе давать взятки долж-

ностным лицам местных органов власти, чтобы получить особые привилегии.

На эту тему написано немало трудов, поэтому нелегко выделить какие-либо конкретные советы в сфере противодействия коррупции, тем более что пакет мер по борьбе с этим явлением зависит, прежде всего от статуса муниципального образования – уровня его экономического благополучия, институциональных, исторических, географических, культурных факторов. По моему мнению, необходимо рассмотреть опыт тех стран, в которых стратегия по борьбе с коррупцией оказалась наиболее действенной, с тем чтобы часть его можно было применить в российской практике.

В настоящее время в нашей стране нет конкретизированных, хорошо разработанных и адаптированных методик, способов пресечения и профилактики коррупции в местных органах власти и управления, поэтому особо значимым становится исследование вопросов борьбы с этим негативным явлением в зарубежных государствах, где анализируемая деятельность носит достаточно обширный характер.

В таких странах, как Нидерланды, Швеция или Дания, которые относятся к наименее коррумпированным, в общественном сознании чиновник местных органов власти – это человек, который выполняет политику высших государственных органов страны на местном уровне, не нарушая закон. И это вызывает уважение. Основная задача чиновника – сохранить благонадежность, лояльность муниципалитету, где он служит, а в итоге – государству, а не конкретному лицу.

Некоторые индивидуальные особенности организации антикоррупционной деятельности на местном уровне в вышеуказанных странах сводятся к следующему. Коррупция осознается органами управления данных стран как острейшая проблема национальной безопасности государства, коррупция рассматривается как внешняя и внутренняя угроза.

При этом четко разделяются два аспекта проявления коррупции: общественно-политический и экономический. Развитие политической коррупции может привести к неконтролируемости политической ситуации в стране и представляет опасность для демократии и ее институтов, а также и балансу ветвей власти. Экономическая коррупция снижает эффективность рыночных институтов и регулирующей деятельности государства. Важно то, что предпринимаемые усилия по снижению и сдерживанию коррупции в этих государствах, в том числе и на местном уровне, как правило, институционализированы и впечатляют по своим масштабам.

Можно попробовать разяснить предпосылки коррупции недостаточным уровнем оплаты труда должностных лиц органов местного самоуправления, монополией на предоставление услуг всеобщего пользования, большей волей действий, слабой системой денежного контроля, чрезмерным регулированием и излишеством процедур, неимением внутренней культуры и этических правил сотрудников муниципальной службы.

Местные органы власти всех стран, в которых работают миллионы людей, зачастую имеют огромные бюджеты, заключают миллионные сделки каждую неделю. В связи с этим местные органы самоуправления по своей природе подвергнуты различным коррупционным рискам. Должностные лица получают значительные управленческие полномочия и монополию в таких сферах общественной деятельности, как здравоохранение, образование, жилье, землеустройство, жилищно-коммунальная сфера и так далее. Высокий уровень бюрократического регулирования в сочетании с тесным взаимодействием при предоставлении услуг населению муниципальных образований является благоприятной почвой для коррупции, взяточничества и вымогательства. Структуры местной власти, партийные представительства и социальные структуры в совокупности образуют многочисленные точки взаимодействия между государственным и частным сектором, абсолютно не зависимые от организованной преступности, тем не менее создают благодатную почву для коррупционного давления на граждан.

Степень политической и финансовой автономии, находящейся в распоряжении местных органов власти, является крайне непостоянной в различных странах. Полномочия по принятию решений могут быть полностью переданы местным органам власти, но они могут принимать форму делегирования ответственности, в результате местные органы остаются подотчетными центральным (федеральным) органам власти.

Аналогичным образом многие органы местного самоуправления (особенно в развивающихся странах)

в основном существуют на средства, которые отпускаются из бюджетов центрального правительства, в то время как в других странах муниципалитеты наслаждаются увеличением полномочий, в том числе имеют возможность устанавливать и взимать местные налоги и плату за оказание коммунальных услуг. Например, согласно данным, с начала 2000-х годов, от 85 до 90 процентов финансирования муниципалитетов в Танзании происходит от субсидий центрального правительства местным органам власти, а в Южной Африке муниципальные образования существуют на более чем 90 процентов своих собственных доходов. В связи с этим местные политические лидеры, занимающие руководящие посты в местных органах власти, часто имеют больше возможностей, чтобы взять на себя ответственность, но и больше оснований для злоупотребления своим положением.

Эта ситуация может способствовать укреплению управления. Но это может также увеличить потенциал взятки – предлагать и потребовать за предоставление таких услуг, чтобы все происходило более эффективно, выгодно или быстро, как, например, выдача лицензий или предоставление снижения налоговых сборов для каких-либо предприятий или коммерческих лиц.

В то же время именно на местном уровне представляются уникальные возможности для проведения антикоррупционной политики: возможна активная пропаганда, инициатива местного руководства и деятельность различных общественных объединений для решения выявленных проблем. Повышение осознания необходимости перемен среди общественности может происходить гораздо легче там, где коррупция напрямую влияет на жизнь отдельных муниципальных служащих и воздействует на отдельных местных жителей или организаций, создавая им определенные трудности. Имеющиеся общие проблемы, переживания и опасения на местном уровне можно искоренить более легко.

Следует согласиться с Д. С. Михеевым, по мнению которого муниципальные органы, сформированные населением, решающие вопросы жизнеобеспечения муниципальных образований в интересах жителей, обязаны информировать граждан о своей деятельности, обеспечивать полную и достоверную информацию о вопросах, решаемых ими, принятых решениях [6, с. 69]. Данная открытость в деятельности местных органов власти также является составляющей антикоррупционной политики.

Одна из стран, в которой наблюдается достаточно низкий уровень коррупционных проявлений в настоящее время, – Швеция. До середины XIX века в ней коррупция процветала. В процессе модернизации страны был выработан комплекс мер, нацеленных

на устранение меркантилизма. С тех пор государственное регулирование в муниципалитетах (в Швеции 290 муниципалитетов) стало касаться в основном домашних хозяйств, чем компаний и предприятий, и было основано больше на стимулах (через налоги, льготы и субсидии), нежели на запретах и разрешениях. На государственном уровне был открыт доступ к внутренним государственным и муниципальным документам и создана независимая и действенная система правосудия, тогда и на местном уровне был открыт доступ к внутренним документам, регламентирующим деятельность муниципальных законодательных собраний (Советов муниципалитетов), принимающих решения на местном уровне. Советы муниципалитетов назначали исполнительные советы, которые возглавляли и координировали работу муниципалитетов.

Шведский парламент и правительство установили высочайшие этические стандарты для администраторов и начали добиваться их выполнения. Спустя некоторое время честность стала общественной нормой среди бюрократии. Зарплаты высокопоставленных чиновников и чиновников в муниципалитетах поначалу превосходили зарплаты рабочих в 12–15 раз, но с течением времени эта разница была снижена до двукратной.

Анализируя способы противодействия коррупции в местном самоуправлении, нельзя не видеть, что огромную роль играет и уголовное законодательство. Например, уголовный кодекс Швеции 1962 г. [7, с. 186] содержит гл. 20 «О злоупотреблении служебным положением и т. п.», в которой сформулированы следующие составы должностных преступлений: злоупотребление служебным положением, получение взятки, нарушение профессиональной конфиденциальности. Состав дачи взятки, традиционно включаемый в должностные преступления уголовным законодательством России, в УК Швеции содержится в гл. 17 «О преступлениях против общественной деятельности». Уголовной ответственности по данным статьям подлежат и муниципальные чиновники. Тем не менее следует обратить внимание на то, что в Швеции уголовная ответственность за коррупционные преступления содержит не соизмеримые с опасностью данного преступления мягкие меры наказания. Например, даже за наиболее тяжкие должностные преступления, совершенные местными чиновниками, максимальный срок наказания — 6 лет лишения свободы. Вышеизложенное подтверждает вывод о том, что относительно невысокий уровень преступности должностных лиц и служащих органов местного самоуправления в Швеции на протяжении многих лет достигался не репрессивными методами, поэтому уголовное законодательство, предусматривающее наказание за коррупционные

деяния, в данной стране не приоритетно и занимает совсем не первое место в антикоррупционной политике Швеции.

Отличительной особенностью в этой сфере является система стимулов, которые побуждают население к антикоррупционному поведению. К ним относятся налоги, льготы и субсидии, наличие свободного доступа к внутренним государственным документам, наличие высоких этических стандартов для чиновников, эффективная судебная система, высокая оплата труда госслужащих.

Результатом этой политики является тот факт, что Швеции присвоен первый ранг в Corruption Perception Index. Секрет стратегии кроется в исполнении следующих задач: повышение экономического благополучия, достижение общественного социального равенства, борьба с бедностью и, что также важно, — восприятие честности как нормы поведения муниципального чиновника, поэтому и сейчас Швеция имеет один из самых низких уровней коррупции в мире.

Подводя итог рассмотрения вопроса об особенностях организации противодействия коррупции в местных органах власти зарубежных государств, можно сделать вывод о том, что указанный опыт может сыграть позитивную роль в разработке и внедрении ряда методик по пресечению и профилактике коррупции в местных органах власти нашего государства. Потенциал ряда государств, где данная деятельность носит обширный и эффективный характер, позволит нашей правовой системе, с учетом национальных особенностей, сократить временной путь по устранению существующих правовых пробелов в сфере противодействия коррупции на местном уровне.

1. Буравлев Ю. М. Коррупция в госаппарате. Правовые и организационные проблемы системного противодействия этому злу // Государство и право. 2008. № 11. С. 102.
2. Денисов С. А. Анализ коррупционного юридического климата страны и выработка на его основе программ противодействия коррупции. URL: <http://www.transparency.org.ru>
3. Доценко И. А. Возможности применения в России зарубежных и международных антикоррупционных механизмов: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 29 с.
4. Качкина Т. Б., Качкин А. В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учебное пособие. Ульяновск: ОАО «Областная типография «Печатный двор», 2010. 80 с.
5. Михеев Д. С. Доступ граждан к информации как способ реализации принципа гласности местного самоуправления // Российская юстиция. 2014. № 1. С. 10.
6. Михеев Д. С. Принцип гласности местного самоуправления: теоретический ракурс // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 9. С. 69.

7. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов: сб. док. / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. 120 с.
8. Уголовный кодекс Швеции. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2001. С. 186.
1. *Buravlev YU. M.* Korruptsiya v gosapparate. Pravovye i organizatsionnye problemy sistemnogo protivodeystviya etomu zlu // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 11. S. 102.
2. *Denisov S. A.* Analiz korruptsiionnogo yuridicheskogo klimata strany i vyrobotka na ego osnove programm protivodeystviya korruptsii. URL: <http://www.transparency.org.ru>
3. *Dotsenko I. A.* Vozmozhnosti primeneniya v Rossii zarubezhnykh i mezhdunarodnykh antikorrupcionnykh mekhanizmov: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. M., 2011. 29 s.
4. *Kachkina T. B., Kachkin A. V.* Korruptsiya i osnovnye elementy strategii protivodeystviya ey: uchebnoe posobie. Ul'yanovsk: OAO «Oblastnaya tipografiya «Pechatnyy dvor», 2010. 80 s.
5. *Mikheev D. S.* Dostup grazhdan k informatsii kak sposob realizatsii printsipa glasnosti mestnogo samoupravleniya // Rossiyskaya yustitsiya. 2014. № 1. S. 10.
6. *Mikheev D. S.* Printsip glasnosti mestnogo samoupravleniya: teoreticheskiy rakurs // Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2014. № 9. S. 69.
7. Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s korruptsией i otmyvaniem prestupnykh dokhodov: sb. dok. / pod red. V. S. Ovc-hinskogo. M.: INFRA-M, 2004. 120 s.
8. Ugolovnyy kodeks SHvetsii. SPb.: YUridicheskiy tsentr «Press», 2001. S. 186.

T. S. Smirnova

Mari State University, Yoshkar-Ola

**ESPECIALLY ORGANIZATIONS OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES
IN LOCAL GOVERNMENTS OF FOREIGN COUNTRIES (ON THE SWEDISH)**

In the article considers the peculiarities of the organization of anti-corruption activities in the local governments of some countries, their effectiveness, and the possibility of introducing some aspects of anti-corruption policy in the Russian legislation.

Keywords: local self-government, local authorities, corruption, anti-corruption, anti-corruption policy, local authorities, population.

УДК 342.41

В. Г. Сушенцова*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола***ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ**

В статье проанализированы обстоятельства принятия Конституции Республики Марий Эл в 1995 г., деятельность Конституционного собрания, эволюция конституционного законодательства.

Ключевые слова: Конституция Республики Марий Эл; Конституционное собрание; внесение изменений в республиканскую Конституцию.

Федеративный характер российской государственности предусматривает право субъектов Федерации на собственное законодательство в границах, указанных в ст. 73 Конституции Российской Федерации. Ст. 5 закрепляет за республиками право принимать собственные конституции, которые имеют высшую юридическую силу по отношению ко всем законам и иным актам данных субъектов России. Ныне действующая Конституция Республики Марий Эл за 20 лет, прошедших со времени ее принятия, претерпела значительные изменения. Исследование эволюции конституционного законодательства республики, начиная с конца 1930-х гг. и до настоящего времени, его причин, сущности и последствий представляется весьма актуальным.

Конституционное строительство в Республике Марий Эл началось в советский период: первая Конституция (Основной Закон) Марийской АССР была принята XI (Чрезвычайным) съездом Советов республики 21 июня 1937 г. Однако многие провозглашенные тогда конституционные принципы и нормы не соответствовали реальности. После принятия в 1977–1978 гг. новых Конституций СССР и РСФСР на повестку дня встала необходимость приведения в соответствие с ними конституционного законодательства республики. 27 мая 1978 г. на внеочередной X сессии Верховного Совета Марийской республики девятого созыва была принята Конституция (Основной Закон) Марийской АССР. Впервые согласно Конституции РСФСР автономная республика стала называться государством. Конституции Марийской АССР 1937 и 1978 гг. по своей структуре и содержанию соответствовали Конституциям СССР и РСФСР. Все эти документы отличала высокая степень идеологизации, единство по таким принципиальным вопросам, как закрепление основ общественного строя и политики, статуса личности, национально-государственного устройства, системы, принципов организации и деятельности государственных органов. Конституции Марийской АССР не отражали ее специфики,

дублирование в них основных положений союзных и российских конституций делали эти документы малосодержательными и отчасти, на наш взгляд, фиктивными.

Конституция (Основной Закон) в любую эпоху является отражением сложившихся общественных отношений. Радикальная смена социально-экономических основ российского общества в начале 1990-х гг. вполне закономерно повлекла за собой качественное изменение системы российского законодательства, включая региональное. К этому времени в Конституцию Марийской АССР 1978 г. было внесено множество поправок, касающихся введения поста Президента республики, изменения статуса республики и определения предметов совместного ведения с Российской Федерацией. Принятие в декабре 1993 г. новой российской Конституции предопределило и обновление конституционного законодательства республик в составе России.

История подготовки и принятия Конституции Республики Марий Эл обстоятельно освещена в статье одного из активных участников этого процесса В. С. Соловьева [8]. В январе 1994 г. на первой сессии вновь избранного высшего представительного органа власти республики – Государственного Собрания – была утверждена Конституционная комиссия. Подготовленный этой комиссией проект республиканской Конституции был одобрен Государственным Собранием и вынесен на всенародное обсуждение. По результатам обсуждения Конституционная комиссия внесла в первоначальный текст 120 поправок к 49 статьям. Немаловажным был и вопрос о способе принятия новой Конституции. Мировая практика знает несколько вариантов решения этой проблемы: организация и проведение референдума, принятие Основного закона парламентом либо специально созданным учредительными органом. После тщательного обсуждения этого вопроса Государственным Собранием, Правительством, Конституционной комиссией было решено остановиться на третьем варианте.

22 февраля 1995 г. был принят закон «О Конституционном Собрании Республики Марий Эл» [2].

23 июня 1995 г. в 10 часов утра в зале заседаний Государственного собрания Республики Марий Эл в г. Йошкар-Оле торжественно началась работа Конституционного собрания, участниками которого стали Президент республики, депутаты Федерального собрания Российской Федерации от Марийской Республики, депутаты Государственного собрания и депутаты городских, районных собраний [6]. В работе Конституционного собрания также приняли участие заместитель министра юстиции Российской Федерации А. М. Степанов, председатель Государственного собрания Республики Мордовия Н. И. Меркушкин, консультант Отдела Совета Федерации С. Б. Дерендяев. После доклада председателя Мандатной комиссии и утверждения рабочих органов Собрания с докладом «О проекте Конституции Республики Марий Эл» выступил председатель Конституционного собрания В. М. Зотин.

Конституционное Собрание работало два дня. В прениях особенно острые дискуссии вызвали вопросы о целесообразности сохранения поста вице-президента, признании горномарийского языка государственным, численности будущего парламента, запрете представителям исполнительной власти баллотироваться в депутаты, признании частной собственности на землю, бесплатности среднего образования. Впрочем, кардинальных изменений проект так и не претерпел. На вечернем заседании 24 июня 1995 г. на Конституционном собрании был поставлен вопрос о голосовании в целом за Конституцию Республики Марий Эл после учтенных принятых поправок. По официальным данным «за» проголосовали 263 участника Конституционного собрания, «против» – 5; 1 воздержался от голосования [6, с. 277]. Таким образом, Конституция Республики Марий Эл принята абсолютным большинством участников Конституционного собрания, что не дает повода усомниться в ее легитимности. После голосования вновь принятая Конституция Республики Марий Эл была подписана Президентом В. М. Зотиным.

Конституция Республики Марий Эл состоит из преамбулы и девяти глав, в которых получили освещение основы конституционного строя республики (1 глава), права и свободы человека и гражданина (2 глава), структура органов публичной власти (3–6 главы), административно-территориальное деление и местное самоуправление (глава 7). Последние две главы (8 и 9) раскрывают механизм внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции и раскрывают особенности переходных положений. Таким образом, в 1995 г. Республика Марий Эл обрела принципиально новый конституционный акт. Можно согласиться с мнением участника Конституционного

собрания Г. Ф. Мякишева, что «Конституция Республики Марий Эл явилась результатом настоящего общественного договора о путях долгосрочного развития республики» [7, с. 7].

За прошедшие 20 лет в Конституцию Республики Марий Эл было внесено 59 поправок, 11 статей – исключены. Лишь 35 статей из 116 сохранились к настоящему времени в первоначальной редакции. Глава 8 Конституции Республики Марий Эл предусматривает две основные юридические процедуры изменения конституционных норм: внесение конституционных поправок и пересмотр Конституции. Пересмотр Конституции отличается от внесения конституционных поправок тем, что в первом случае итогом является принятие новой конституции, а во втором – вносятся поправки в существующую Конституцию. В соответствии с законом «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Республики Марий Эл» под поправкой к Конституции Республики Марий Эл понимается любое изменение текста Конституции: исключение, дополнение, новая редакция какого-либо из положений [4]. Предложения о пересмотре положений Конституции Республики Марий Эл и о внесении в нее поправок могут вноситься Главой (до июня 2011 г. именовавшимся Президентом) Республики Марий Эл или группой депутатов численностью не менее одной трети от установленного числа депутатов Государственного собрания. Поправки к Конституции Республики Марий Эл принимаются большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов Государственного собрания, в двух чтениях с перерывом между ними не менее трех месяцев.

С 1995 г. в Конституцию Республики Марий Эл не только было внесено множество поправок, но изменился и сам порядок внесения в нее изменений. В соответствии с Конституцией Республики Марий Эл (в редакции от 24 июня 1995 г.) предложения о поправках и пересмотре ее положений могли вносить Президент республики или группа депутатов численностью не менее одной трети избранных депутатов Государственного собрания (ст. 107) [1]. В статье 108 был прописан различный механизм изменения отдельных глав основного республиканского закона. Поправки к 3–7 главам Конституции Республики Марий Эл могли приниматься большинством не менее двух третей голосов от числа избранных депутатов Государственного собрания, в двух чтениях с перерывом между ними не менее трех месяцев. Положения глав 1 («Основы конституционного строя»), 2 («Права и свободы человека и гражданина») и 8 («Конституционные поправки и пересмотр Конституции») могли быть пересмотрены Конституционным собранием Республики Марий Эл либо народным голосованием [3]. Именно Конституционное

собрание республики, созданное 20 декабря 2000 г., приняло восемь поправок (№ 19–26) к Конституции Республики Марий Эл, определяющих статус республики в составе Российской Федерации, структуру органов власти, правовой статус граждан и ряд других основополагающих положений. Все эти поправки были обусловлены приведением республиканского законодательства в соответствие с федеральным.

Изменение процедуры внесения поправок в Конституцию Республики Марий Эл стало следствием принятия республиканского закона от 29 июня 2005 г. «О поправках к Конституции Республики Марий Эл» [5]. В соответствии с принятой этим нормативным актом 36-й поправкой наименование Государственного собрания Республики Марий Эл было изменено с «высшего законодательного и представительного» органа на «высший и единственный законодательный», что повлекло за собой исключение из республиканской правовой системы Конституционного собрания. Таким образом, с 2005 г. теоретически все положения Конституции Республики Марий Эл, включая содержание ключевых 1, 2 и 8 глав могут быть пересмотрены Государственным собранием Республики Марий Эл. Следует признать, что круг субъектов конституционной законодательной инициативы в Республике Марий Эл изначально был достаточно узок и исключал, например, возможность выступить с предложениями об изменении Конституции Республики Марий Эл группе избирателей (т. н. «народная законодательная инициатива»). Судьба Основного закона республики в настоящее время зависит от Главы Республики Марий Эл и 52 депутатов Государственного собрания республики.

Большинство поправок, внесенных в 1997–2014 гг. в 81 статью республиканской Конституции, были обусловлены приведением республиканского законодательства в соответствие с федеральным. Но и само федеральное законодательство находится в процессе постоянного развития, отражая реалии общественно-политической жизни страны. Это делает неизбежным и дальнейшую трансформацию регионального конституционного законодательства.

1. Конституция Республики Марий Эл (ред. от 24 июня 1995 г.) // Марийская правда. 1995. 7 июля.
2. Закон Республики Марий Эл от 22 февраля 1995 г. «О Конституционном собрании Республики Марий Эл» // СЗ РМЭ. 1995. № 3.
3. Закон Республики Марий Эл от 3 января 1997 г. «О Конституционном собрании Республики Марий Эл» // СЗ РМЭ. 1997. № 2.
4. Закон Республики Марий Эл РМЭ от 7 апреля 1998 г. «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Марий Эл» // СЗ РМЭ. 1998. № 5.
5. Закон Республики Марий Эл от 29 июня 2005 «О поправках к Конституции Республики Марий Эл» // СЗ РМЭ. 2005. № 7.
6. Конституционное собрание Республики Марий Эл / Государственное собрание Республики Марий Эл; под общ. ред. Ю. А. Минакова. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом «Сельские вести», 2011. 372 с.
7. *Мякишев Г. Ф.* О некоторых политико-правовых аспектах Конституции Республики Марий Эл // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 7–11.
8. *Соловьев В. С.* Из истории подготовки и принятия Конституции Республики Марий Эл // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 11–19.

1. Konstitutsiya Respubliki Mariy E'l (red. ot 24 iyunya 1995 g.) // Mariyskaya pravda. 1995. 7 iyulya.
2. Zakon Respubliki Mariy E'l ot 22 fevralya 1995 g. «O Konstitutsionnom Sobranii Respubliki Mariy E'l» // SZ RME'. 1995. № 3.
3. Zakon Respubliki Mariy E'l ot 3 yanvarya 1997 g. «O Konstitutsionnom sobranii Respubliki Mariy E'l» // SZ RME'. 1997. № 2.
4. Zakon Respubliki Mariy E'l RME' ot 7 aprelya 1998 g. «O poryadke prinyatiya i vstupleniya v silu popravok k Konstitutsii Mariy E'l» // SZ RME'. 1998. № 5.
5. Zakon Respubliki Mariy E'l ot 29 iyunya 2005 «O popravkakh k Konstitutsii Respubliki Mariy E'l» // SZ RME'. 2005. № 7.
6. Konstitutsionnoe Sobranie Respubliki Mariy E'l / Gosudarstvennoe Sobranie Respubliki Mariy E'l; pod obshch. red. YU. A. Minakova. Yoshkar-Ola: OOO «Izdatel'skiy dom «Sel'skie vesti», 2011. 372 s.
7. *Myakishev G. F.* O nekotorykh politiko-pravovykh aspektakh Konstitutsii Respubliki Mariy E'l // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. 2011. № 8. S. 7–11.
8. *Solov'ev V. S.* Iz istorii podgotovki i prinyatiya Konstitutsii Respubliki Mariy E'l // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. 2011. № 8. S. 11–19.

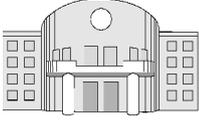
V. G. Sushentcova

Mari State University, Yoshkar-Ola

THE EVOLUTION OF THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE REPUBLIC OF MARI EL

The article analyzes the circumstances of the adoption of the Constitution of the Republic of Mari El in 1995, the activity of the constitutional Assembly, the evolution of constitutional law.

Keywords: the Constitution of the Republic of Mari El; the constitutional Assembly; changes in the national Constitution.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

Бойко Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Boiko Ivan Ivanovich, Doctor of History, Professor, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary

Эл. адрес: Boiko2003@yandex.ru

Бояринцева Ирина Александровна, старший преподаватель, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Boyarintseva Irina Aleksandrovna, Senior Lecturer, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: irinanew2@yandex.ru

Бурдо Евгений Петрович, кандидат юридических наук, Марийский государственный университет; уполномоченный при Главе Республики Марий Эл по правам ребенка, Администрация Главы Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола

Burdo Evgeniy Petrovich, Candidate of Law, Mari State University; authorized at the Head the Republic Mari El on children's rights, Administration of the Head of the Republic Mari El, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: burdo@gov.mari.ru

Галушка-Адайкин Антон Романович, кандидат исторических наук, Международный Славянский университет, г. Харьков, Украина

Galushka-Adaykin Anton Romanovich, Candidate of History, International Slavonic University, Kharkov, Ukraina

Эл. адрес: galushka-ad@yandex.ru

Гаранина Инна Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Garanina Inna Gennad'evna, Candidate of Law, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: ilneza@mail.ru

Горбашова Галина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Gorbashova Galina Fedorovna, Candidate of History, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: ggf1005@mail.ru, gorbashova@marsu.ru

Григорьев Валерий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Grigor'ev Valeriy Sergeevich, Doctor of History, Professor, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Эл. адрес: v-gr1771@mail.ru

Зыков Михаил Анатольевич, аспирант, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Zykov Mikhail Anatol'evich, aspirant, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Эл. адрес: v-gr1771@mail.ru

Иванов Алексей Ананьевич, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Ivanov Aleksey Anan'evich, Doctor of History, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: anani@marsu.ru

Иванов Виталий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Ivanov Vitaliy Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: law@marsu.ru

Кондратенко Зарина Камилевна, кандидат юридических наук, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Kondratenko Zarina Kamilevna, Candidate of Law, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: mati07@rambler.ru

Лебедева Маргарита Леонидовна, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, г. Москва

Lebedeva Margarita Leonidovna, Candidate of Political Science, Associate Professor, Russian Agrarian University – K. A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow

Эл. адрес: lebedevameg@mail.ru

Лукашев Игорь Александрович, адвокат Адвокатской палаты Омской области, член адвокатской палаты ФРГ, г. Целле, Германия, Адвокатское бюро, г. Ганновер, Германия

Lukashev Igor' Aleksandrovich, lawyer, Chamber of Lawyers of Omsk region, a member of the Chamber of Attorneys of FRG, TSelle, Germany, Law Office, Gannover, Germany

Эл. адрес: lukashev@freenet.de

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Obidina Yuliya Sergeevna, Doctor of History, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: basiley@mail.ru

Ошаев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Oshaev Aleksey Grigor'evich, Candidate of History, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: aleksei.oshaev@mail.ru

Пластинина Елена Вениаминовна, аспирант, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Plastinina Elena Veniaminovna, a post-graduate student, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: elenaplastel@gmail.com

Рыбалка Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Rybalka Vladimir Ivanovich, Candidate of History, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: Rybalka-Vladimir@rambler.ru

Сергеев Тихон Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары

Sergeev Tikhon Sergeevich, Doctor of History, Professor, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary

Эл. адрес: tikhon-sergeev@yandex.ru

Сидоров Олег Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по учебной работе, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Sidorov Oleg Alekseevich, Candidate of Law, Associate Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector of educational work, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: law@marsu.ru

Смирнов Михаил Аркадьевич, кандидат психологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Smirnov Mikhail Arkad'evich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: micsha.smi2015@yandex.ru

Смирнова Татьяна Сергеевна, аспирант, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Smirnova Tat'yana Sergeevna, a post-graduate student, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: smirnova803@mail.ru

Столярова Гузель Рафаиловна, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань; Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Stolyarova Guzel' Rafailovna, Doctor of History, Professor, Kazan (Volga) Federal University, Kazan; Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: Guzelstol@mail.ru

Сушенцова Валентина Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Sushentsova Valentina Georgievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: valsu.63@mail.ru

Филонов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Filonov Aleksandr Anatol'evich, Candidate of History, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: fil88meat@rambler.ru

Харитонов Валентина Григорьевна, кандидат исторических наук, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Kharitonova Valentina Grigor'evna, Candidate of History, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary

Эл. адрес: Val1957@rambler.ru

Шабалина Ольга Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

SHabalina Ol'ga Leonidovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola

Эл. адрес: kafmno@marsu.ru

ВЕСТНИК
МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Научный журнал

Литературный редактор
О. С. Березина

Компьютерная верстка
С. А. Окишева

Дизайн обложки
В. А. Иванова

Тем. план 2015 г. № 37.
Подписано в печать 12.05.2015 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 12,90. Уч.-изд. л. 9,38.
Тираж 500. Заказ № 3639.

Оригинал-макет подготовлен к печати в РИЦ и отпечатан ООП
ГОУВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМОМУ МАТЕРИАЛУ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Редакционная коллегия журнала «Вестник МарГУ» просит Вас обратить внимание на *следующие требования*:

- Статья или другие направляемые материалы должны соответствовать тематическим рубрикам и профилю журнала, исходя из его наименования.
- Уровень научной значимости и объективности, научный аппарат (анализ источников) должны соответствовать таким формам научной печатной работы, как статья, доклад, сообщение, рецензия и т. д.
- Представляемый материал должен быть оригинальным, изложен хорошим стилем и не должен быть опубликованным ранее в других печатных изданиях.
- Автор(ы) должен(ы) определить рубрику, в которую можно поместить статью.
- Количество авторов одной статьи не должно, как правило, превышать 4 человек.
- Текст должен быть тщательно вычитан и подписан автором(ми), который несет(ут) ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.
- **Журнал заинтересован в повышении уровня цитируемости, поэтому рекомендует авторам делать ссылки на предыдущие выпуски «Вестника МарГУ».**
- Должны соблюдаться требования к оформлению материалов.

В обязанности авторов, научных руководителей, рецензентов входит проведение дополнительной тщательной проверки приводимых цитат, фактов, исторических дат, имен, сносок, аутентичности наименований, точности цитируемых источников. Также проверке подлежит идейно-смысловая связь названий разделов, рубрик, статей, абзацев текста между собой. Следует сопоставить содержание статьи (материала) и ее темы.

Редакция оставляет за собой право отказа от публикации после обсуждения на редсовете, редакционной коллегии и после «слепого» рецензирования. Основаниями к отказу в опубликовании могут служить: несоответствие представляемого материала тематике журнала; несоответствие материала требованиям, предъявляемым к представляемым к опубликованию материалам; отрицательная рецензия на представляемый материал; несоблюдение автором материала действующего законодательства об авторском праве и смежных правах, в том числе в части требований, предъявляемых к ссылкам на научные работы, опубликованные в печатных изданиях и сетевых электронных научных изданиях.

Направление идентичных по содержанию и(или) наименованию материалов в другие издания в период предварительного рассмотрения рукописи редколлегией и после принятия их к опубликованию без предварительного уведомления редакции не допускается.

Рукописи авторам не возвращаются и, оформленные без учета данных правил, редакцией не рассматриваются.

После публикации статьи авторы получают по авторскому экземпляру журнала.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями (приведены ниже), необходимо отправить на e-mail: vestnik.margu@mail.ru (тел. 68-79-00 (доб. 1565)).

Сопроводительные документы и материалы

1. Для аспирантов и соискателей – отзыв научного руководителя, рецензия от доктора наук. Кандидатам, докторам наук сопроводительные рецензии не требуются.
 2. Сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail. Информация с указанием, кому из соавторов адресовать вопросы и соответствующие контактные данные.
 3. По требованию редакции распечатка статьи (текст необходимо печатать на бумаге формата А4 с одной стороны, поля – 2 см, шрифт – Times New Roman, размер – 14 кг, 1,5 интервала). Объем – 6–8 страниц. В объем входят текст, таблицы, список литературы, рисунки и сведения об авторах.
 4. Электронный носитель (дискета, диск, флеш и др.) со статьей в формате Microsoft Word (носитель не должен содержать посторонний материал). Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например, «Сидоров». Нельзя в одном файле помещать несколько статей.
- Весь материал должен представляться в закрытой папке («файле»).

Технические требования к оформлению статьи см. на сайте <http://vestnik.marsu.ru/>